

ISSN 2587-7844

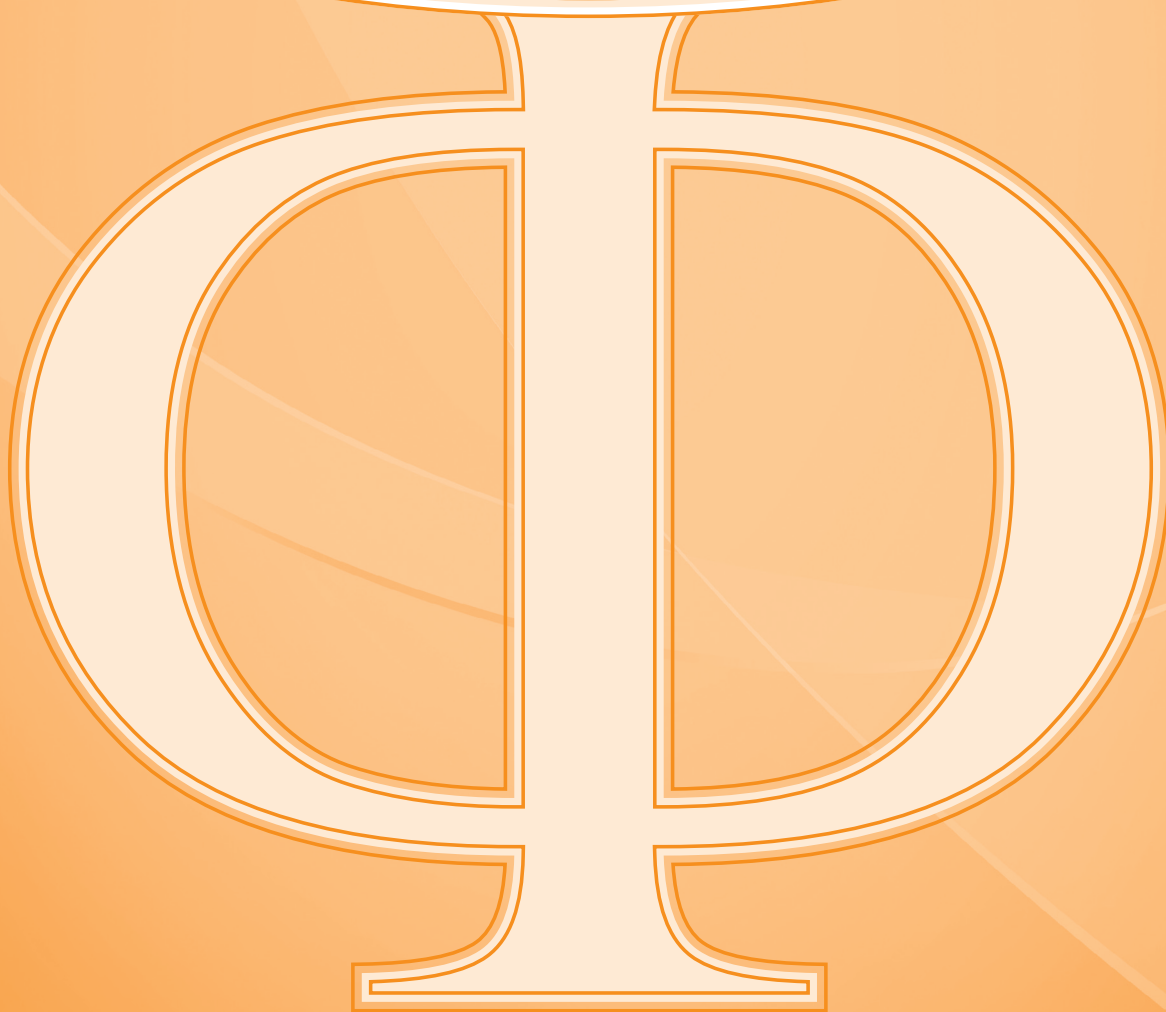
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2023. № 2 (23)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикации SciUp

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynovich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Kazydub N.N., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Нурғали Кадиша Рустембекқызы, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali Kadisha Rustembekkyzy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковка-Каспршак Эльжбета, доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsetovna N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Семантические аспекты языкознания

Н.Н. Бебриш, А.Е. Уфимцев
ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
КОЛОРАТИВИСТИКИ: АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ
N.N. Bebrish, A.E. Ufimtsev
OVERVIEW OF THE MAIN FOCUS AREAS
IN COLORATIVISTICS: ANALYSIS AND TRENDS

[4]

А.Ю. Корбут, Хоу Синьхао
ПЕРЕНОСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА
КАК СВОЙСТВО ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)
A.Yu. Korbut, Hou Xinhao
THE FIGURATIVE MEANING OF ADJECTIVES OF COLOR
AS A PROPERTY OF LINGUISTIC THINKING
(BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN
AND CHINESE LANGUAGES)

[17]

И.В. Архипова
ИТЕРАТИВНЫЙ ТАКСИС В ЗЕРКАЛЕ
МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)
I.V. Arkhipova
ITERATIVE TAXIS MIRRORED
BY INTERCATEGORIAL INTERACTION
(BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

[28]

Диакронические аспекты языкознания

Е.А. Кудрявцева
ФРАГМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ XIX в.
НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА А.С. ПУШКИНА
E.A. Kudryavceva
RECONSTRUCTED FRAGMENT
OF SPEECH PRACTICE DATED BACK TO 19th CENTURY
ON THE EXAMPLE OF THE LANGUAGE
OF ALEKSANDR S. PUSHKIN

[38]

В.В. Маслеева
ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
В СОВОКУПНОМ ТЕКСТЕ ПРОДВИЖЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ БАЛА
V.V. Masleeva
AESTHETIC EVALUATION
IN THE CUMULATIVE TEXT PROMOTING
THE HISTORICAL BALLROOM RECONSTRUCTION

[50]

Выразительные средства языка СМИ

Чжан Юнсян
КОРОНАВИРУС КАК ЯЗЫКОВОЙ УЧАСТНИК
СИТУАЦИИ «ПАНДЕМИЯ»
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕДИАТЕКСТОВ)
Zhang Yongxiang
CORONAVIRUS AS A LINGUISTIC PARTICIPANT
IN THE "PANDEMIC" SITUATION
(BASED ON MEDIA TEXTS)

[61]

Слово молодым

Чжан Вэйдун
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ
СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ
В ТЕКСТЕ С.А. ШАРГУНОВА
«БАБУШКА И ЖУРФАК»
Zhang Weidong
PICTORIAL FUNCTIONS
OF STYLISTICALLY SUBSTANDARD VOCABULARY
IN S.A. SHARGUNOV'S TEXT
"GRANDMA AND JOURNALISM"

[75]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Е.О. Новикова
БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА «ЗАТОНУВШИЙ КОВЧЕГ»
E.O. Novikova
BIBLICAL ALLUSIONS
IN A. VARLAMOV'S NOVEL "THE SUNKEN ARK"

[84]

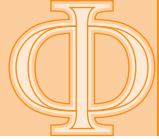
РЕЦЕНЗИИ

Е.Е. Приказчикова
РЕЦЕНЗИЯ на монографию «Образ героя
современности в прозе рубежа XX–XXI веков» /
отв. ред. Н.В. Ковтун; Краснояр. гос. пед. ун-т
им. В.П. Астафьева. Москва: ФЛИНТА;
Красноярск, 2022. 260 с.
E.E. Prikazchikova
REVIEW of the monograph "The image of the hero of our time
in the prose of the turn of the 20th–21st centuries" /
ed. by N.V. Kovtun; Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafyev. Moscow: FLINTA;
Krasnoyarsk, 2022. 260 p.

[98]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[116]

УДК 81`23

ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ КОЛОРАТИВИСТИКИ: АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ

Н.Н. Бебриш (Красноярск, Россия)**А.Е. Уфимцев (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Постановка проблемы. Колоративистика относится к междисциплинарной области знания. В силу сложности и неоднородности предмета исследования цветообозначения изучаются с позиций различных направлений, одни из которых являются традиционно актуальными, другие только начинают разрабатываться. В статье дается представление о ряде направлений колоративистики, которые в настоящее время вызывают активный интерес исследователей.

Цель работы – рассмотрение основных направлений колоративистики и определение тенденций развития колоративистики как отрасли научного знания.

Методология (материалы и методы). Материалом исследования послужили научные статьи, авторефераты, сборники научных трудов, монографии по изучаемой проблеме.

Основные методы исследования – анализ научной литературы по теме исследования; описательный и сопоставительный методы.

Выводы. Увеличение числа цветообозначений и сфер их использования приводит к росту направлений и подходов по их изучению, создает предпосылки для комплексного исследования. Помимо тенденций, носящих частный характер, можно говорить об общих закономерностях и тенденциях развития системы цветообозначений в целом.

Ключевые слова: колоративы, цветообозначения, колоративистика, цветовая реальность, цветовая картина мира, лингвоцветовая картина мира, антропоцентрическая парадигма, номинативные, элокутивныe и эмотивныe колоративы.

Постановка проблемы. Свет и представления о цвете являются предметом изучения различных наук и областей знания: искусства, физики, психофизиологии, философии, колоративистики и ряда других языковедческих дисциплин. Однако в отличие от искусства, оперирующего формами, колоративистика оперирует смыслами; в противоположность физике, изучающей объективные факты и процессы, происходящие в мире, колоративистика рассматривает субъективные представления о мире; если психофизиология исследует деятельность мозга на примере изучения афферентных и эфферентных связей, возникающих при работе зрительной системы («глаз-мозг» и «мозг-глаз»), то колоративистика анализирует ментальные представления о цвете и в какой-то степени связь «мозг-мозг» в контексте изучения цвета.

Изучение колоративной лексики имеет свои традиции описания, нашедшие отражение в целом ряде фундаментальных работ. Одни направления дополняются другими в связи с требованием времени, появлением новых аспектов, предметов и источников исследования. Так, традиционными, но не потерявшими актуальности авторы называют изучение этимологии и истории колоративов, структурной

типологии и этнолингвистических основ цвета, связи цвета с культурой, семантики и языка цветовых символов, лексико-семантической характеристики цвета и др. По мнению ряда ученых, перспективными являются направления исследования сравнительно-сопоставительных явлений в разных языках, категоризации цветового пространства, психологической характеристики цвета [Щитова, Щитов, Хуа Кай, 2018, с. 81; Пискунова, Назарова, Пудовкина, 2014, с. 144].

Представляется, что наиболее широкий спектр исследований по междисциплинарной области знания, которую авторы условно называют «антропологией цвета», приведен в сборнике научных трудов «Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ» (2007) в главе «Библиография по антропологии цвета»: 1. Общая теория и методы анализа. 2. Термины цвета в письменных памятниках. Этимология отдельных цветоименований. 3. Цветовосприятие и системы цветообозначения (естественно-научный аспект). 4. Цветовосприятие и системы цветообозначения в разных языках (социокультурный аспект). 5. Цветообозначения в разных языках (этнопсихоллингвистический и сопоставительный аспекты). 6. Цвет и цветообозначение как культурный знак – образ, символ, метафора – в социокультурной практике, мифологии, фольклоре, литературе. Цветовые предпочтения в различных культурах мира. 7. Гендерно-возрастные и социальные различия в цветовосприятии и категоризации цвета. 8. Лексика цветообозначения в художественной литературе, священных текстах и фольклоре. 9. Словари и атласы. 10. Смежные области исследований и прикладные аспекты (антропология, этнография, психология, перевод, реклама) [Самарина, 2007, с. 279–280]. При этом отмечается, что «...акцент делается на проблеме отношений между цветом как психофизической реальностью, цветовой лексикой индоевропейских народов и многообразием форм функционирования цвета в культуре» [Самарина, 2007, с. 279].

Об актуальности, востребованности и развитии новых направлений колоративистики свидетельствует проведение в Смоленске всероссийских конгрессов по цвету с международным участием. Первый всероссийский конгресс по цвету состоялся 18–20 сентября 2019 г., обсуждались вопросы, связанные с теорией цвета и его практическим использованием в различных социокультурных практиках, рассматривались соответствующие социологические, политологические, педагогические, аксиологические, культурологические и экономические аспекты [Социальные трансформации, 2019]. Второй Всероссийский конгресс по цвету проходил 1–5 декабря 2020 г. в формате международной научной конференции Российского общества цвета. Специальной темой очередного Третьего Всероссийского конгресса по цвету (5–7 декабря 2022 г.) стали направления: философия цвета, психология цвета, социология цвета, лингвистика цвета, цвет в искусстве и дизайне, цвет в науке и технологиях. Можно отметить дальнейшее развитие традиционных направлений (аспектов) исследования и становление новых.

В статье дается представление о ряде направлений колоративистики, которые в настоящее время вызывают активный интерес исследователей.

Цель работы – рассмотрение основных направлений колоративистики и определение тенденций развития колоративистики как отрасли научного знания.

Методология (материалы и методы). Материалом исследования послужили научные статьи, авторефераты, сборники научных трудов, монографии по изучаемой проблеме.

Основные методы исследования – анализ научной литературы по теме исследования; описательный и сопоставительный методы.

Результаты исследования. Анализ научной литературы по проблеме исследования показал, что можно выделить ряд основных направлений изучения цвета, как базовых (основополагающих), так и частных.

Философия цвета. Проблема философии цвета является сквозной на протяжении всего развития научного познания: от Античности через Средневековье и Возрождение до современности. Так, осмысливая учение Гуссерля о природе цвета, суждения Канта об участии сознания в синтезе цветовых представлений и воззрения Витгенштейна о мыслителе как художнике плеромы восприятия цвета, Н.А. Кормин заключает: «...и поэтому мы в эстетике способны не только строить цветообраз, а преобразовать сознание», утверждая тем самым роль цвета в процессах мышления и осмысления действительности [Кормин, 2020, с. 15]. Продолжая рассуждения Канта, Н.А. Кормин полагает существование цветового спектра возможным только в единстве рефлексивного сознания и созерцания [Кормин, 2019, с. 41] и подчеркивает, что «свет и цвет столь значимы для человека потому, что делают для него мир своим» [Кормин, 2019, с. 29].

Как пишет В.Г. Кузьмин, цветовая реальность – это первое, что открывается взору познающего при его знакомстве с миром, она проявляется в каждом мгновении жизни и до конца его дней остается неразгаданной. Фактически, замечает философ, мы рождаемся в цвет, мы живем в цвете – и мы покидаем цвет, так и не познав его полностью [Кузьмин, 2018, с. 29–30].

Понятие о цвете формируется у человека в результате его жизненного опыта. Откладываясь в ментальной системе человека, многочисленные цветовые образы составляют определенную систему. Эта система представляет собой цветовую картину мира [Кузьмин, 2018, с. 29–30].

Как указывает В.Г. Кузьмин, поскольку вне познающего субъекта цвета не существует, а сам познающий субъект при этом всегда является конечным реципиентом в восприятии цвета, то цветовая реальность является физиологичной и зависящей от возможностей самого познающего субъекта [Кузьмин, 2018, с. 24]. Таким образом, наблюдатель изнутри заполняет внешний мир, полный света, цветом. Можно сказать, что от внешнего мира к наблюдателю идут потоки света, а от наблюдателя изнутри во внешний мир идут потоки цвета и характер потоков цвета зависит от наблюдателя. Следовательно, колоративистика как область научного знания изначально антропоцентрична.

В.Г. Кузьмин подчеркивает, что и цветовая реальность, и познающие ее субъекты могут быть только в динамическом развитии [Кузьмин, 2018, с. 20],

и формулирует принцип относительности для цветовой реальности: «каков сам познающий субъект в момент интенции, такова и цветовая реальность при восприятии актуального в этот момент цветового текста» [Кузьмин, 2018, с. 29]. Можно сделать вывод, что цветовая реальность носит исключительно субъективный характер и напрямую зависит от познающего ее субъекта, при этом и познающий субъект, и цветовая реальность взаимосвязаны, причем первый влияет на вторую: познающий субъект воздействует на цветовую реальность самым фактом познания ее и тем самым меняет ее. Таким образом, есть смысл проводить изучение взаимодействия познающего субъекта и цветовой реальности в русле антропоцентрической парадигмы.

Заметим, что цветовая реальность находит воплощение в мире материи, так, названия камней-самоцветов (изумрудов, аметистов, рубинов, сапфиров, аквамарин и др.) на территории Урала называют «самоцветной полосой Урала» [Ян Юйбин, 2021, с. 92].

Психофизиология цвета. Изучение влияния света и цвета на психофизиологическое состояние человека имеет давнюю историю. В отечественной науке взаимосвязь между цветовым зрением и работой нервной системы человека отражена еще в трудах физиолога С.В. Кравкова, выявившего, что цветовое воздействие приводит к изменениям в работе нервной системы [Кравков, 1951, с. 156–163], а изменение состояния нервной системы, в свою очередь, влияет на цветовое зрение, причем изменения в работе каждого из аппаратов глаза – зелено-, красно- и синеощущающего – имеют свою специфику [Кравков, 1951, с. 133–136; Кравков, 1951, с. 137–138].

Диссертация Б.А. Базымы «Исследование отношения к цвету как метода в диагностике эмоциональных нарушений при шизофрении» (1991) посвящена изучению взаимосвязи цветовых предпочтений и эмоционального состояния больных шизофренией. В числе других эта проблема изложена в монографии «Психология цвета: теория и практика» (2005). Автор утверждает, что для шизофрении характерно неадекватное отношение к цвету, а по преобладанию в рисунках того или иного цвета можно сделать выводы об особенностях протекания шизофрении: эмоциональной патологии и тематике бредовых и галлюциаторных переживаний [Базыма, 2005, с. 60]. Кроме того, для больных шизофренией характерны грубые нарушения цветовосприятия и соотношения порогов цветоразличения, что может служить показателем патологии психики, а изменения цветовой чувствительности при шизофрении отражают клиническую картину заболевания [Базыма, 2005, с. 62–63]. Описывая прикладное значение цвета в психиатрии, Б.А. Базыма заключает: «Часто там, где традиционные методы клинического и психологического исследований не позволяют глубоко проанализировать характер и содержание психосимптоматики, либо даже ее не обнаруживают, цвет остается, пожалуй, единственным психодиагностическим средством, способным решать, казалось бы, бесперспективные задачи» [Базыма, 2005, с. 83].

По мнению Б.А. Базымы, связь цвета и мышления носит сложный, неоднозначный характер и опосредуется эмоциональной сферой личности [Базыма, 2005, с. 55]. Автор отмечает: «Цвет вызывает определенные и специфические изменения в психическом мире человека, интерпретация которых порождает то, что мы называем цветовыми ассоциациями и символами, впечатлениями от цвета» [Базыма, 2005, с. 25–26]. Б.А. Базыма подчеркивает, что количество цветовых символов достаточно ограничено, и называет в качестве основных цветов белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый и фиолетовый. При этом исследователь указывает, что данный список может меняться в зависимости от конкретной культуры, и замечает, что исчерпывающе четкого определения понятия «основной цвет» не существует [Базыма, 2005, с. 3].

Т.Б. Пасечник и И.Г. Савельева рассуждают о сложном характере цвета как явления: будучи одновременно и объективным, и субъективным, цвет является в то же время и независимым, и зависящим от наблюдателя [Пасечник, Савельева, 2019, с. 715].

Цветовая реальность, по В.Г. Кузьмину, открывается познающему субъекту с той стороны, которая соответствует сознательному и подсознательному уровням самого познающего субъекта в момент ее познания, в силу этого цветовая реальность может изучаться в двух взаимодополняющих направлениях, обусловленных особенностями познающего субъекта, – психофизиологическом и лингвокультурологическом. Поскольку познающий субъект является конечным реципиентом восприятия цвета, вне познающего субъекта цветовой реальности не существует [Кузьмин, 2018, с. 24]. Таким образом, цвет может изучаться только в контексте изучения человека.

Этимология цветообозначений. Ввиду многомерности цвета как объекта исследования существует множество теорий происхождения цветообозначений. Одной из самых известных, значимых и обсуждаемых в мире является теория языковых универсалий Б. Берлина и П. Кей. На большом фактическом материале разных языков Б. Берлин и П. Кей выделили и описали стадии появления терминов цветообозначения, являющиеся универсальными для определенного количества языков [Berlin, Kay, 1969].

Согласно теории Б. Берлина и П. Кей, полная система цветообозначений, появляющихся в языке в течение семи стадий, составляет 11 терминов цвета: I – белый, черный; II – красный; III–V – синий, зеленый, желтый; VI – коричневый; VII – розовый, оранжевый, фиолетовый, серый.

В русском языке имеется 12 базовых цветоименований: цветовая реальность в русской культуре развивалась своим путем, обусловленным географическими и культурно-историческими факторами, вследствие чего к базовым наименованиям цвета добавился голубой [Кузьмин, 2018, с. 28].

Описывая стадии появления цветообозначений в культуре человека, Н.П. Вольская указывает на широкую распространенность цветов радуги: красный – оранжевый – желтый – зеленый – голубой – синий – фиолетовый – и замечает,

что в повседневном общении наряду с этими цветами обычно употребляются белый и черный, а фиолетовый и оранжевый упоминаются крайне редко [Вольская, 2016, с. 100].

А.И. Бардовская подчеркивает, в русской лингвоцветовой картине мира все основные названия цветов, по Б. Берлину и П. Кею, кроме оранжевого, функционируют в составе синестетических метафор, что, по мнению исследователя, свидетельствует об универсальности характера «ядерных» цветообозначений [Бардовская, 2013].

Имеются расхождения между отнесением конкретных цветообозначений к определенным лексико-семантическим группам цвета. Так, в русском языке В.Г. Кульпина относит фиолетовый к группе красного цвета, замечая при этом, что «фиолетовый не является для русского языкового сознания важным цветом» и «в отечественной лексикографии в большинстве семантизаций фиолетового цвета в качестве отправного пункта выступает термин синего цвета» [Кульпина, 2007, с. 156], тогда как Б. Берлин и П. Кей выделяют фиолетовый как отдельный термин цвета, потому что: 1) указанные цвета появляются в языке на разных стадиях: красный на второй стадии, а фиолетовый – на седьмой, последней; 2) с точки зрения физической оптики красный и фиолетовый цвета находятся на противоположных концах видимого спектра светового излучения.

В то же время Б. Берлин и П. Кей рассматривают розовый как отдельный цвет, тогда как В.Г. Кульпина относит его к группе красного цвета, семантизируя как «бледно-красный», «неярко-красный», «белый с красноватым оттенком» [Кульпина, 2007, с. 155].

Как отмечает Е.Н. Алымова, национальное мышление вербализует опыт осмысления цветового пространства в лингвоцветовую картину мира. Цветообозначения антропоцентричны и этноцентричны, поскольку отражают особенности лингвокультуры того или иного этноса [Алымова, 2007, с. 74]. В.Г. Кульпина относит колористические предпочтения носителей языка к этническим константам, понимаемым в русле учения С.В. Лурье как бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации этноса к окружающей среде [Кульпина, 2001, с. 403].

Таким образом, система цветообозначений любого языка обладает выраженной национально-культурной спецификой и позволяет получить представление о менталитете этноса и его базовых ценностях на материале колоративной лексики. Можно предположить, что теория Б. Берлина и П. Кея описывает стадии формирования лингвоцветовой картины мира коллективного бессознательного определенного этноса в диахронии.

Исторический подход. В контексте развития системы цветообозначений русского языка исторический подход наиболее полно представлен в исследованиях Н.Б. Бахилиной, проанализировавшей процессы формирования лексико-семантической группы «цвет» начиная с XI в. [Бахилина, 1975].

Исторический подход отражен и в работах других ученых: так, В.Г. Кульпина дает описание системы цветообозначений русского языка в историческом

освещении [Кульпина, 2007, с. 126–129], а методика описания концептов цвета В.Г. Кульпиной предполагает диахронический характер описания концептов [Кульпина, 2007, с. 130]. Рассуждая об истории становления системы цветообозначений, В.Г. Кульпина указывает на ее динамический характер: «Современная синхронная система цветообозначений не является раз навсегда данной. Инновативные процессы, совершавшиеся в этой сфере, продолжают развиваться, затрагивая в значительной мере цветообозначения артефактов» [Кульпина, 2019, с. 237].

Эмотивная лингвистика. В современной прикладной колоративистике, помимо традиционных номинативных и элокутивных цветообозначений, выделяют эмотивные колоративы (И.С. Баженова¹, 2004; Н.А. Мартьянова², 2007; А.Ю. Вычужанина³, 2009; А.Е. Бочкарев, 2017 и др.).

Описывая мир чувств в цветовых характеристиках на материале сопоставления польского и русского языков, В.Г. Кульпина резюмирует: «... базой для выражения эмоций являются самые распространенные абстрактные цвета» [Кульпина, 2001, с. 135–144].

О возможности изображения эмоций посредством цветовой метафоры пишет И.С. Баженова в диссертации «Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект)» (2004). Автор отмечает, что выстраивается ассоциативная связь, опирающаяся на конкретные представления: *цвет – сравнение – образ*. В результате проведенного исследования эмоций И.С. Баженова выделяет группы явлений, прямо или косвенно передающих оттенки цветообозначений. Так, анализируя эмотивную лексику художественной прозы со второй половины XVIII столетия по XX в., И.С. Баженова выделяет цветообозначения для описания цвета лица персонажей: красный /бледный/белый/бесцветный/синий/черный/желтый/зеленый/коричневый/серый – и указывает, что каждый цветовой оттенок несет определенный эмоциональный заряд [Баженова, 2004, с. 35–36].

О передаче эмоциональных состояний посредством цветообозначений пишет и Н.А. Мартьянова в диссертации «Полевое описание элокутивных колоративов (на материале произведений А.И. Куприна)» (2007).

Далее Н.А. Мартьянова выделяет в творчестве А.И. Куприна традиционные для русского языкового сознания цветные элокутивные средства, эмотивное значение которых обусловлено культурным опытом народа, и описывает индивидуально-авторские: выражение радости с помощью голубого цвета, волнения – с помощью розового и сочетания черного цвета с голубым [Мартьянова, 2013, с. 83].

Описание роли цветообозначений в передаче эмоциональных концептов проводит А.Ю. Вычужанина в диссертации «Роль цветообозначений в передаче

¹ Баженова И.С. Обозначение эмоций в художественном тексте (прагматический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 52 с.

² Мартьянова Н.А. Полевое описание элокутивных колоративов (на материале произведений А.И. Куприна): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 20 с.

³ Вычужанина А.Ю. Роль цветообозначений в передаче эмоциональных концептов поэтического когнитивного пространства (на материале произведений С.А. Есенина и Д.Г. Лоуренса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 23 с.

эмоциональных концептов поэтического когнитивного пространства (на материале произведений С.А. Есенина и Д.Г. Лоуренса)» (2009). Рассуждая о картине мира, А.Ю. Вычужанина выделяет в ее составе цветовую картину мира, состоящую из цветовых образов, лингвоцветовую картину мира, определяемую как отраженную в языке цветовую картину мира, и эмоциональную картину мира, выражающуюся эмоциональными концептами, в основе которых лежат базовые эмоции. Определяя связь цветообозначений и эмоциональных концептов, А.Ю. Вычужанина изображает художественную картину мира и художественный концепт.

А.Е. Бочкарев перечисляет базовые цвета и оттенки, основываясь на засвидетельствованных в Национальном корпусе русского языка цветообозначениях эмоциональных концептов: белый, черный, серый, красный, розовый, зеленый, синий, – и отмечает, что в русском языковом сознании одним цветом могут быть окрашены разные чувства, а различные степени выраженности того же эмоционального состояния могут изображаться при помощи разных цветов [Бочкарев, 2017, с. 50]. А.Е. Бочкарев подчеркивает, что выбор цветообозначения эмоций задается не абсолютными физическими свойствами цвета, а внутренним убеждением говорящего в необходимости выражения чувств посредством цвета [Бочкарев, 2017, с. 47].

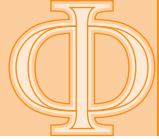
Таким образом, помимо традиционно выделяемых номинативных и элокутивных цветообозначений, можно говорить и об эмотивных колоративах, например: *алый, бледно-красный* – это номинативы, *малиново-розовый, цвет крови, цвет стыда* – элокутивы; выражая в тексте произведения определенные эмоции, эти цветообозначения могут стать эмотивными колоративами.

Функции цветообозначений. Как известно, цветообозначения выполняют целый ряд функций в языке. Наиболее полная классификация этих функций представлена в работах В.Г. Кульпиной, которая выделяет коммуникативную, когнитивную, семиотическую, информативную, прототипическую, интегрирующую, этнолингвокультурную, символическую, экспрессивную, классифицирующе-таксономическую, терминологическую и оценочную функции [Кульпина, 2019, с. 281–283]. Все множество функций цветообозначений автор подразделяет на два психоментальных направления: одни функции способствуют рационализации действительности, а другие служат ее эстетизации [Кульпина, 2019, с. 16].

Эти психоментальные направления функций цветообозначений можно сопоставить с функциями полушарий головного мозга: левое полушарие «отвечает» за рациональное логическое познание мира, а правое – за иррациональное эстетическое.

Цветообозначения в художественном тексте. Исследования цветообозначений на материале художественного текста ведутся по многим аспектам, обратимся к некоторым из них:

1) изучение колоративной лексики в целом – «Белый цвет в поэтической палитре Арсения Тарковского» (Т.А. Воронова, 2018), «Особенности колоративной лексики в романе А.И. Белого “Москва”» (Е.И. Беглова, 2020), «Цветовой континуум повести К.Г. Паустовского “Золотая роза”» (Т.В. Сивова, 2020),

«Функционирование цвета *feuille morte* в романе И.С. Тургенева “Дым”» (А.А. Бельская, 2021), «Колоративная лексика в романе И.С. Шмелева “Пути небесные”» (О.Е. Михайлова, 2022) и др.;

2) символика цвета – «Символика колоративов в рассказе Л.Н. Андреева “Стена”» (В.С. Морщинский, 2017), «Цветосимволизм в поэзии Артюра Рембо» (Л.Х. Хараева, 2020) и др.;

3) цветопись – «Роль цветообозначений в создании образной системы поэзии В. Высоцкого» (Ю.В. Дюпина, 2012), «Поэтика цвета в стихотворениях Н.И. Тряпкина» (Т.Н. Хриптулова, 2016) и др.;

4) цвет как элемент языковой картины мира – «Цветонаименования как значимая характеристика языковой картины мира Л.Н. Андреева» (В.С. Морщинский, 2017), «Термины цвета в репрезентации языковой картины мира К.Г. Паустовского (на материале “Северной повести”» (Т.В. Сивова, 2021) и др.;

5) цвет и время – «Киммерийский хронотоп прозы К.Г. Паустовского: цветное воплощение» (Т.В. Сивова, 2020).

Первые три темы традиционно актуальны, цвет как элемент языковой картины мира – «модное» и перспективное направление, а изучение взаимосвязи цвета и времени можно рассматривать в качестве одной из тенденций развития колоративистики.

Прикладная колоративистика. Многие ученые отмечают, что прикладные исследования активно развиваются в русле современной колоративистики как междисциплинарной области знания.

Так, цветообозначения изучаются в медицинской **лингвистике** (отдельном новом лингвистическом направлении, объектом изучения которого является язык в контексте медицины), например: «Здоровье и болезнь: цветовые ассоциации в современной русской культуре» (Ю.А. Грибер, И.Л. Юнг, 2018), «Языковая актуализация терминов фармакогнозии с компонентом цветообозначения», «Медицинские термины с компонентом цветообозначения в предметной области медицины “офтальмология”» и «Семиотика цвета в медицинской терминологии» (Э.М. Байдашева, 2020, 2020 и 2022), «Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины» и «К вопросу о функционировании терминов с компонентом цветообозначения в клинической медицине» (С.И. Маджаева, Э.М. Байдашева, 2019 и 2020 соответственно), «Колоронимы в медицинской терминологии» (Т.А. Костромина, О.М. Новикова, 2020).

Цвет и цветообозначения активно используются в языке рекламы, например: «Восприятие синего цвета в рекламной коммуникации (на примере печатной рекламы в СМИ Республики Мордовия)» (Д.А. Бакеева, 2019).

Проводятся различные исследования в русле колоративной социолингвистики: «Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке» (Ю.А. Грибер, Д. Йонаускайте, К. Мор, 2019), «Геронтолингвистика цвета: обзор исследований», «Влияние профессионального образования на цветовой лексикон и модели цветонаименования», «Минералогический код в русских цветонаименованиях» (Ю.А. Грибер, 2020, 2021).

Помимо изучения социолингвистики цвета, ученые анализируют использование цвета в самых разных аспектах: «Цветовые предпочтения пожилых людей в различных типах жилого интерьера» (Ю.А. Грибер, Т.А. Самойлова, В.В. Двойнев, 2018), «Цвет как инструмент управления эмоциями в публикациях о пандемии Covid-19 в русскоязычных онлайн-СМИ» (Ю.А. Грибер, Е.Е. Сухова, 2020), «Цветовое оформление публичного пространства малого города как важный фактор его востребованности горожанами (на примере города Вязьмы)» (В.В. Двойнев, В.А. Петрова, 2019), «Цвет без трансцендентного начала: цветовая среда современного дизайна как симулякр» (А.В. Панкратова, 2019).

Выводы. Помимо указанных тенденций, носящих частный характер, можно говорить об общих закономерностях и тенденциях развития системы цветообозначений в целом.

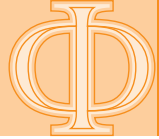
В.Г. Кульпина подчеркивает, что процессы развития сферы цветоименований направлены как на стабилизацию состава цветолексем, так и на их динамику [Кульпина, 2019, с. 277]. В монографии «Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер» (2019) она описывает общие процессы и тенденции развития современной системы цветообозначений, имеющие неоднозначный и зачастую противоречивый характер:

- процессы обобщения цветоименований в пределах крупных хроматических категорий – и процессы дифференциации в сфере цвета, приводящие к разделению оттенков и отъединению их друг от друга;
- тенденция к интернационализации цветообозначений – и подчинение заимствованных цветообозначений законам принимающего языка;
- тенденция к сохранению стародавних цветообозначений – и номинация новых современных реалий в рамках тенденции к эстетизации;
- тенденция к демократизации цветообозначений как продукт развития массовой культуры, идущая от масс, – и тенденции к следованию цветовым трендам в современной моде и к рекламизации цветообозначений как навязывание массам определенных предпочтений;
- тенденция к каталогизации цветообозначений как знаков культуры и мощного средства воздействия на человека [Кульпина, 2019, с. 278–281].

Вместе с увеличением многообразия цветообозначений растет число направлений и подходов к их изучению, что создает предпосылки для комплексного исследования как цветовой картины мира, так и всесторонних реализаций во всех сферах жизни человека как субъекта познания.

Библиографический список

1. Алымова Е.Н. Ассоциативная лингвоцветовая картина мира // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2007. № 2-II. С. 74–77.
2. Базыма Б.А. Психология цвета: теория и практика: монография. СПб.: Речь, 2005. 205 с.
3. Бардовская А.И. Цвето-звуковые метафоры русского языка (данные национального корпуса русского языка) // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 4 (24).
4. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

5. Бочкарев А.Е. О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 43–51.
6. Вольская Н.П. Сравнительный анализ концепта «цвет» в русской и английской языковых картинах мира (на примере колоратива «красный») // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. № 4. С. 99–103.
7. Кормин Н.А. Трансцендентальный спектр цвета: эстетическая размерность // Культура и искусство. 2019. № 6. С. 22–44.
8. Кормин Н.А. Цвет как проблема феноменологической эстетики // Философия и культура. 2020. № 9. С. 9–33.
9. Кравков С.В. Цветовое зрение. М.: Из-во АН СССР, 1951. 189 с.
10. Кузьмин В.Г. Цветовая реальность: свойства и относительность // Философская мысль. 2018. № 10. С. 16–31.
11. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
12. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер: монография. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.
13. Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: Ком Книга, 2007. С. 126–184.
14. Мартянова Н.А. Особенности объективации эмоциональных состояний посредством цветообозначений (на материале произведений А.И. Куприна) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (26). С. 79–84.
15. Пасечник Т.Б., Савельева И.Г. Какого цвета чувства? (на материале английских идиом с цветообозначениями) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 3. С. 714–721.
16. Пискунова С.В., Назарова Н.Ю., Пудовкина Е.Г. Психологическая символика цвета в поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-2 (41). С. 144–148.
17. Самарина Л.В. Библиография по антропологии цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 279–314.
18. Социальные трансформации: сб. науч. ст. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. Вып. 30: Первый Всероссийский конгресс по цвету. 236 с.
19. Щитова О.Г., Щитов А.Г., Хуа К. Когнитивное моделирование цветообозначения в русском и китайском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (195). С. 81–87.
20. Ян Юйбин. Чудесные камни советской эпохи в сказах П.П. БАЖОВА // Сибирский филологический форум. 2021. № 3. С. 92–106.
21. Berlin V., Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley, 1969. 178 p.

Сведения об авторах

Бебриш Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nadejdanick2@mail.ru

Уфимцев Александр Евгеньевич – аспирант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; методист, УМЦ «Центр внедрения ФГОС ОВЗ»; e-mail: ufimtzev@inbox.ru

OVERVIEW OF THE MAIN FOCUS AREAS IN COLORATIVISTICS: ANALYSIS AND TRENDS

N.N. Bebrish (Krasnoyarsk, Russia)

A.E. Ufimtsev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Colorativistics refers to an interdisciplinary field of knowledge. Due to the complexity and heterogeneity of the subject of research, color designations are various factors that draw interest, some of which are relevant criteria, others are just beginning to appear. The article provides a review of the coverage of colorists, which are currently of active interest.

The purpose of this paper is to determine the main focus areas of colorativistics and to determine the development of colorativistics as a branch of scientific knowledge.

Methodology (materials and methods). The material of the study includes scientific articles, abstracts, collections of scientific papers, monographs on the problem under study. The main research methods are the analysis of scientific literature on the research topic; descriptive and comparative methods.

Conclusions. An increase in the number of color designations and areas of their use leads to an increase in focus areas and approaches to their study and creates prerequisites for their comprehensive study. In addition to the observed tendencies, which are of a private nature, we can talk about the main manifestations and trends in the development of the color naming system as a whole.

Keywords: *color terms, color designations, colorativistics, color reality, color picture of the world, linguo-color picture of the world, anthropocentric paradigm; nominative, elocutionary and emotive colors.*

References

1. Alymova E.N. Associative linguocolor picture of the world // Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature. 2007. No. 2-II. P. 74–77.
2. Bazyma B.A. Psychology of color: theory and practice: monograph. St. Petersburg: Speech, 2005. 205 p.
3. Bardovskaya A.I. Color-sound metaphors of the Russian language (data from the national corpus of the Russian language) // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. No. 4 (24).
4. Bakhilina N.B. The history of color designations in the Russian language. Moscow: Nauka, 1975. 288 p.
5. Bochkarev A.E. On color designations of feelings and emotions in the Russian language consciousness // Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2017. No. 4. P. 43–51.
6. Volskaya N.P. Comparative analysis of the concept of “color” in Russian and English language pictures of the world (on the example of the colorative “red”) // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. 2016. No. 4. P. 99–103.
7. Kormin N.A. Transcendental spectrum of color: aesthetic dimension // Culture and art. 2019. No. 6. P. 22–44.
8. Kormin N.A. Color as a problem of phenomenological aesthetics // Philosophy and culture. 2020. No. 9. P. 9–33.
9. Kravkov S.V. Color vision. M.: From the USSR Academy of Sciences, 1951. 189 p.
10. Kuzmin V.G. Color reality: properties and relativity // Philosophical thought. 2018. No. 10. P. 16–31.

11. Kulpina V.G. Linguistics of color: Terms of color in Polish and Russian languages. Moscow: Moscow Lyceum, 2001. 470 p.
12. Kulpina V.G. Linguistic colorology: from history to modernity of color conceptspheres: monograph. Moscow: MAX Press, 2019. 288 p.
13. Kulpina V.G. The system of color designations of the Russian language in historical illumination // Names of color in Indo-European languages: A systematic and historical analysis. Moscow: Com Book, 2007. P. 126–184.
14. Martianova N.A. Features of objectification of emotional states by means of color designations (based on the material of the works of A.I. Kuprin) // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2013. No. 5 (26). P. 79–84.
15. Pasechnik T. B., Savelyeva I.G. What color are feelings? (based on the material of English idioms with color meanings) // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2019. Vol. 10, No. 3. P. 714–721.
16. Piskunova S.V., Nazarova N.Yu., Pudovkina E.G. Psychological symbolism of color in a poetic text // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2014. No. 11-2 (41). P. 144–148.
17. Samarina L.V. Bibliography on the anthropology of color // Names of color in Indo-European languages: System and historical analysis. Moscow: KomKniga. 2007. P. 279–314.
18. Social transformations: collection of scientific articles. Smolensk: Publishing House of Smolensk State University, 2019. Is. 30: The first All-Russian Congress on color. 236 p .
19. Shchitova O.G., Shchitov A.G., Hua K. Cognitive modeling of color designation in Russian and Chinese languages // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2018. No. 6 (195). P. 81–87.
20. Yang Yubin Wonderful stones of the Soviet era in the tales of P.P. BAZHOV // Siberian Philological Forum. No. 3. 2021. P. 92–106.
21. Berlin J., Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley, 1969. 178 p.

About the authors

Bebrish, Nadezhda Nikolaevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University of V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: nadejdanick2@mail.ru

Ufimtsev, Alexander Evgenievich – PhD Candidate, Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; Teacher Resource Center “Center for the Implementation of the Federal State Educational Standard”, Methodologist (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ufimtzev@inbox.ru

УДК 82

ПЕРЕНОСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА КАК СВОЙСТВО ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

А.Ю. Корбут (Иркутск, Россия)
Хоу Синьхао (Иркутск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена исследованию переносного значения прилагательных цвета в русском и китайском языках.

Цель исследования – выявить универсальные свойства языкового мышления. Объектом исследования являются основания переноса значения прилагательных цвета. Предмет данного этапа исследования – выявление свойств языковых семантических универсалий.

Методология. В рамках статьи проведен анализ действия языковых семантических универсалий в русском и китайском языках.

Результаты исследования. Исследование переносных значений прилагательных цвета позволило обнаружить общность языкового мышления китайцев и русских в сфере обретения вторичных значений прилагательных цвета, не связанных с цветовой семантикой. Определено, что метафорическое ассоциативное мышление является универсальным свойством языкового мышления. Полученный результат позволяет увидеть общность языкового мышления китайцев и русских в сфере обретения вторичных значений, не связанных с цветовой семантикой.

Вывод. Выявленное сходство семантических структур обусловлено общностью человеческого мышления, которое порождает наличие транссемантических универсалий.

Ключевые слова: языковая культура, языковые универсалии, уникалия, прилагательные цвета, семантика, вторичное значение, переносное значение, лингвокультура, метафорический перенос, метонимический перенос.

Постановка проблемы. Основной проблемой данного исследования является обнаружение степени сходства и различия путей формирования переносных значений у слов с первичным денотатом «цвет» с целью обнаружения универсальных механизмов языкового мышления.

Цель исследования – выявить различия в основаниях метафорического и метонимического переноса значения у прилагательных цвета, а также наиболее частотных и наиболее соотносительных оснований переноса значения у китайских и русских прилагательных цвета.

Обзор научной литературы по проблеме. Проблемам метафорического и метонимического переноса при функционировании прилагательных цвета посвящены работы Л.В. Щербы, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, О.И. Глазунова, И.М. Кобозевой, Н.Н. Козлова и др. В ходе изучения удалось определить современное состояние разработанности проблемы.

Н.А. Купина и Т.В. Матвеева [Купина, 2013, с. 379] дают следующее определение: «Метафора, как универсальный способ языковой номинации, основана

на образной аналогии, обозначающей перенос наименования с одного предмета на другой на основании интуитивного ощущения сходства между предметами». Представление об интуитивном ощущении сходства вбирает в себя представления о сравнении, сопоставлении, аналогии. Данное определение является базовым для нашей работы.

О.И. Глазунова в работе «Логика метафорических преобразований» фактически обращается к механизмам языкового мышления: «метафора – это уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [Глазунова, 2000, с. 312].

Л.В. Щерба под переносным понимал вторичное значение, которое можно охарактеризовать как «нечто подобное» прямому и которое отражает «раздвоение» основного значения [Щерба, 1958, с. 90]. Образное значение он трактовал как употребление прямого значения, не формирующее самостоятельной лексической единицы.

Исходя из проведенного исследования удалось выявить, что в России русские и китайские переносные значения прилагательных цвета не сопоставлялись, однако теоретическая и практическая база для таких исследований имеется в обеих странах.

Методология (материалы и методы). Для достижения поставленной цели применяются современные методы лингвистического исследования: сопоставительный метод, метод компонентного анализа, количественный метод.

Гипотеза исследования заключается в том, что метафорический и метонимический пути появления вторичных значений универсальны, а следовательно, возможно обнаружить и универсальные основания переноса значения. Метафорический и метонимический виды переноса актуальны для функционирования прилагательных цвета в лексической системе любого языка.

Результаты исследования. В основе разных языковых культур лежат одни и те же вербальные процессы. Речь идет о так называемых «языковых универсалиях», присутствие которых позволяет осваивать, а потом и сопоставлять формальное выражение языков разных типов и систем. Сравнение языков положительно при наличии какого-либо одного сходного элемента их структуры. Сравнительное изучение не настолько эффективно в том случае, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы ни в чем не имеют сходства [Такоева, 2022, с. 173]. В отличие от уникалий, выявляющих структурные характеристики конкретно взятой лингвокультуры, языковые универсалии, как одно из важнейших понятий типологии, присущи всем или большинству языков.

Стоит отметить, что не все сходные характеристики различных лингвокультур стали существенным поводом научных исследований. Множество исследователей

часто обращаются к термину «языковые универсалии» для описания относительно новых лингвокультурных явлений [Успенский, 1970, с. 11]. Однако только этим сфера применения обозначенного термина, безусловно, не ограничивается. В зависимости от характеристик, лежащих в основе конкретно взятой классификации, выделяют несколько типов языковых универсалий [Гринберг и др., 1970, с. 24].

Центральным понятием общей лингвистики является представление о языковых универсалиях, общих для всех языков свойствах. Переход номинации от одного явления к другому, то есть наличие переносных значений в структуре лексем, относится к абсолютным универсалиям. Общеязыковыми средствами формирования переносного значения являются языковая метафора и метонимия. При формировании переносного значения названные явления отражают способы языкового мышления [Корбут, Хоу, 2021, с. 3192].

Новизной проведенного исследования является осмысление переносных значений и путей переноса как универсального свойства языкового мышления. Для понимания приемов языкового мышления было осуществлено сопоставительное исследование переносных значений прилагательных с первичным значением цвета в русском и китайском языках (рис. 1). Это позволило наблюдать функционирование выделенной в результате исследования транссемантической универсалии.

Прилагательные цвета в русском языке	Прилагательные цвета в китайском языке
Черный	黑色
Белый	白
Серый	灰色
Синий	蓝色
Зеленый	绿色
Фиолетовый	紫罗兰
Красный	红色
Желтый	黄色

Рис. 1. Материал исследования семантических универсалий
Fig. 1. The material of the study of semantic universals

Мы обнаружили, что существует множество синонимичных терминов для цветовых категорий, таких как красный, зеленый, синий, желтый, черный, белый.

Удалось установить, что среди метафорических значений обнаруживаются межязыковые (универсальные) метафоры, присутствующие независимо от специфики национальных картин мира. Стоит предположить, что среди мета-

форических значений прилагательных цвета присутствует около 50 % межъязыковых метафор (универсальных метафор).

Количество переносных значений прилагательных цвета представлено на рис. 2. В русском языке их число составило 113 значений, в китайском языке – 164 значения.

Рис. 2. Количество переносных значений у прилагательных цвета
Fig. 2. The number of figurative meanings of adjectives of color

Согласно полученному результату мы видим, что у китайских прилагательных в целом больше переносных значений, чем у русских. По нашему мнению, это связано с широко распространяемыми переносными значениями в китайском языке.

В рамках проведенного исследования были изучены прилагательные цвета в русских толковых словарях А.П. Евгеньевой и С.И. Ожегова, что позволило оценить распространенность того или иного вида переноса в русском языковом мышлении. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Структуризация прилагательных цвета по метафорическому и метонимическому переносу в словарях русского языка

Table 1

Structuring of adjectives of color by metaphorical and metonymic transfer in dictionaries of the Russian language

Прилагательные цвета	Метафорический перенос	Метонимический перенос
Черный	25	3
Белый	14	7
Серый	8	1
Желтый	5	2
Синий	4	0
Зеленый	9	5
Красный	24	6
Итого	89	24

В результате проведенного анализа мы выявили, что в русском языке доминирует метафорический перенос по сравнению с метонимическим (табл. 2).

Таблица 2

Структуризация прилагательных цвета по метафорическому и метонимическому переносу в словарях китайского языка

Table 2

Structuring of adjectives of color by metaphorical and metonymic transfer in Chinese dictionaries

Прилагательные цвета	Метафорический перенос	Метонимический перенос
黑色 черный	36	8
白色 белый	17	11
灰色 серый	7	1
黄色 желтый	16	12
蓝色 синий	6	1
绿色 зеленый	20	6
红色 красный	18	5
Итого	120	44

В китайском и русском языках метафорический перенос значительно доминирует по сравнению с метонимическим. Метафорический перенос в китайском языке (120 случаев) количественно преобладает над метафорическим переносом в русском языке (89 случаев) (рис. 3).

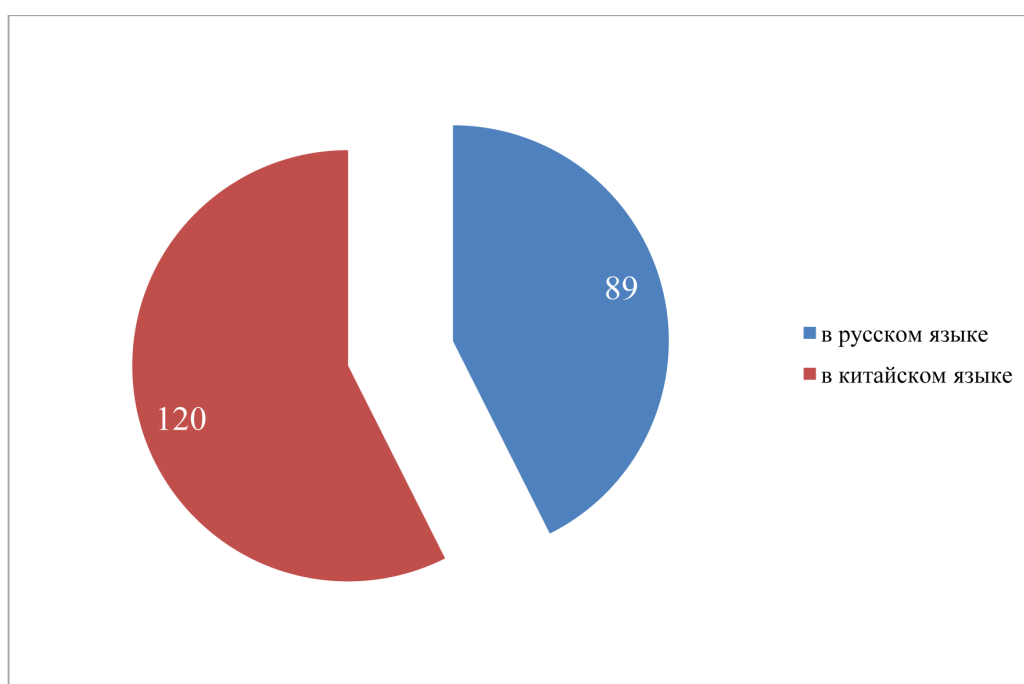

Рис. 3. Количество случаев метафорического переноса
Fig. 3. The number of cases of metaphorical transference

Причем в русском и китайском языках случаев метафорического переноса по цветовому сходству 39 и 36 соответственно.

Случаев метафорического ассоциативного переноса в русском и китайском языках 61 и 80 соответственно.

Анализ результатов приводит к следующему выводу: ассоциативное мышление является преобладающим свойством языкового мышления русских и китайцев. Пути семантического освоения прилагательных цвета в русском и китайском языковом мышлении можно признать единообразными. Это говорит о схожих представлениях и ассоциативном мировоззрении.

Выделено общее количество случаев метонимического переноса при образовании вторичного значения у прилагательных цвета: в китайском языке – 44, в русском языке – 24 (рис. 4).

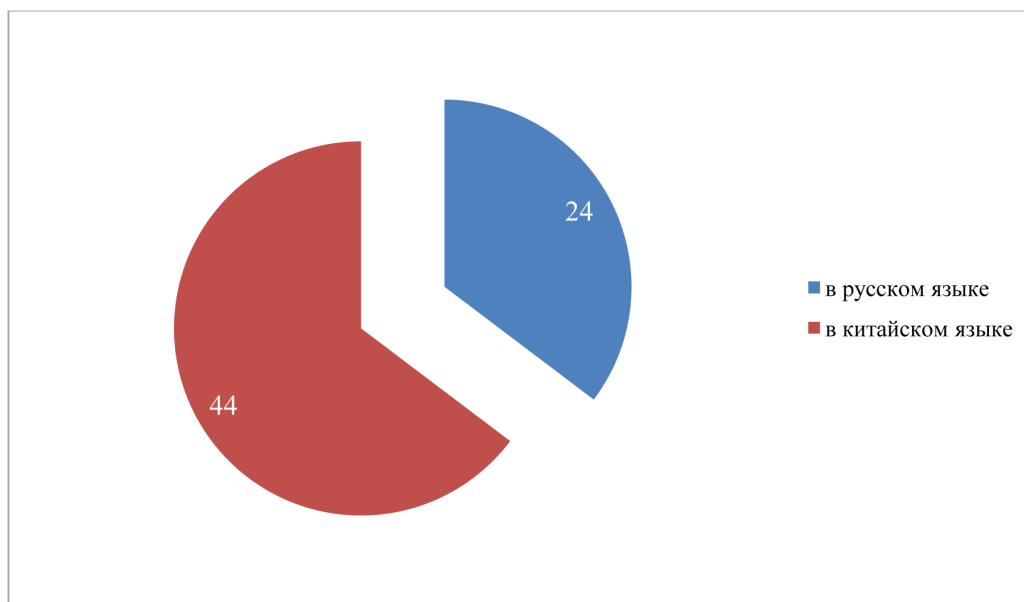

Рис. 4. Количество случаев метонимического переноса
 Fig. 4. Number of cases of metonymic transfer

Во всех названных случаях универсальным основанием переноса значения является единство приемов образного мышления, которое способствует формированию универсальных свойств языкового мышления. Метонимический перенос можно отнести к приемам языкового мышления, которые значительно экономят речевые усилия. Метонимический перенос в области прилагательных цвета больше распространен в языковом мышлении китайцев.

Для оценки языкового мышления русских и китайцев произведен расчет доли метонимического переноса в языковом мышлении. В русском языке мы получили следующее соотношение: $24/113=0,21$. В китайском языке мы получили: $44/163=0,26$.

Можно говорить о наличии следующей транссемантической универсалии: среди переносных значений прилагательных цвета метонимический перенос составляет не более 26 %.

Для наглядного отображения представим диаграмму доли метонимического переноса в языковом мышлении русских и китайцев (рис. 5 и 6).

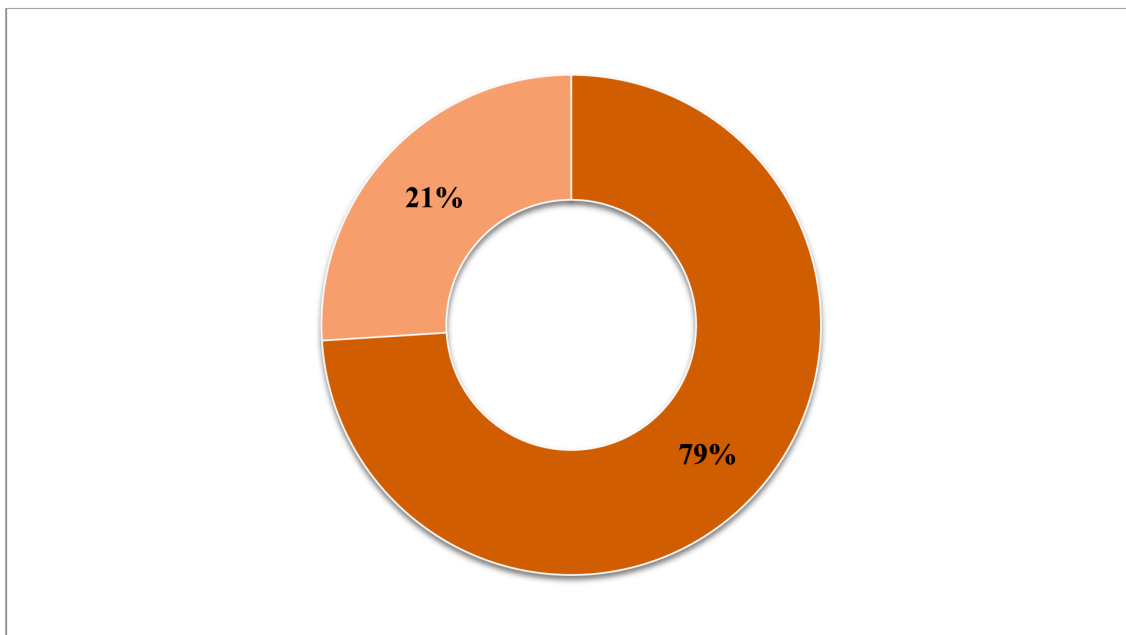

Рис. 5. Доля метонимического переноса в языковом мышлении русских
Fig. 5. For metonymic transfer in the language thinking of Russians

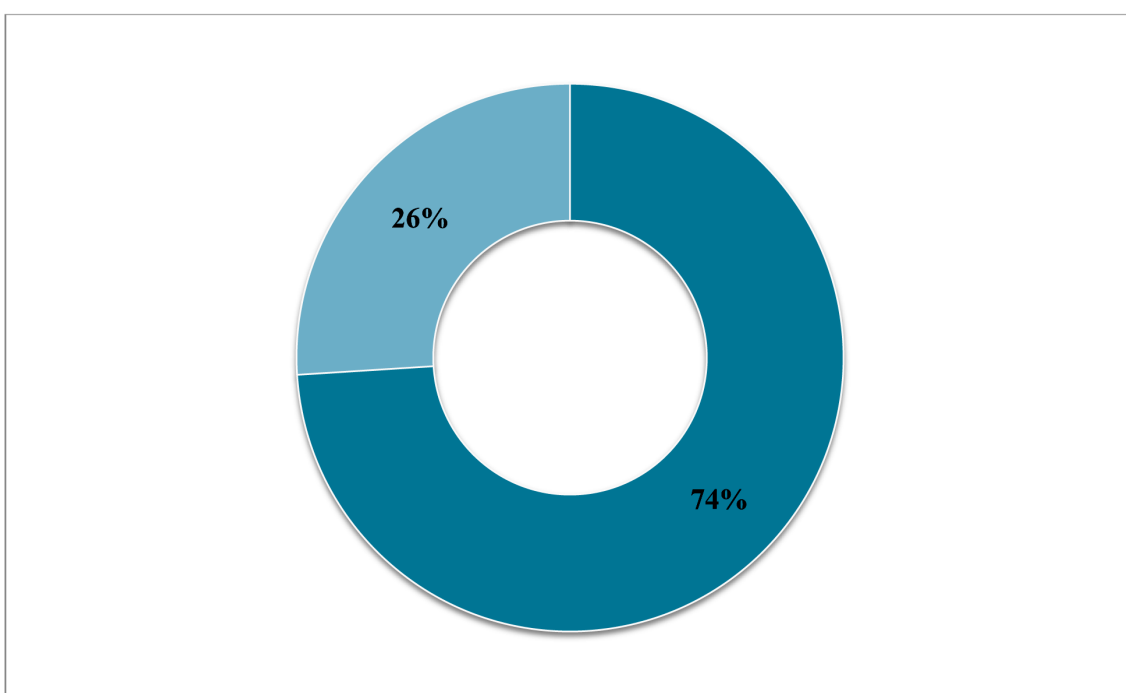

Рис. 6. Доля метонимического переноса в языковом мышлении китайцев
Fig. 6. The share of metonymic transfer in the language thinking of the Chinese

Таким образом, мы можем наблюдать, что доля метонимического переноса значительно ниже метафорического. Однако в китайском языке по сравнению с русским доля выше.

Заключение. Проведенное исследование переносных значений прилагательных цвета позволяет увидеть общность языкового мышления китайцев и русских в сфере обретения вторичных значений, не связанных с цветовой семантикой. Это иллюстрируется, например, тем, что в китайском и русском языковом мышлении прилагательное 红色 – красный имеет объемную семантическую структуру, в которой среди множества значений обнаруживается значительное сходство оснований метафорического переноса [Корбут, Хоу, 2021, с. 33].

В целом основания метафорического переноса в русском и китайском языках имеют как сходство, так и различия. Метафорометонимическая семантическая структура прилагательных цвета в русском и в китайском языке, где метафорический перенос преобладает над метонимическим, наиболее частотна. Данная структура характерна для прилагательных цвета «черный», «белый», «серый», «желтый», «зеленый», «красный».

Обнаруженное сходство семантических структур обусловлено общностью человеческого мышления, которое порождает наличие транссемантических универсалий.

Список словарей

1. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
2. Словарь современного китайского языка. 《现代汉语词典》/北京: 商务印书馆, 2010年. 698页. Пекин: Коммерческая пресса, 2010. 698 с.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. М.: Мир и Образование, 2018. 736 с.

Библиографический список

1. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2000.
2. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Д. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1970. Вып. V.
3. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. 1970. № 5. С. 114–162.
4. Корбут А.Ю., Хоу С. Анализ метафорического и метонимического переноса значения слова «красный» как способ осмысления языкового сознания // Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования [Электронный ресурс]: матер. регион. науч.-практ. конф. «XXVIII Кудрявцевские педагогические чтения» (Иркутск, 27 марта 2021 г.) / отв. ред. Л.Н. Роженцова. Иркутск: Аспринт, 2021. Вып. 3. С. 31–38.
5. Корбут А.Ю., Хоу С. Сравнительное исследование переносного значения прилагательных в русской и китайской лексической системе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 10. С. 3191–3195.
6. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 415 с.
7. Никифоров А.Л. Языковые универсалии в структуре понимания // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54, № 4. С. 49–56.
8. Розов Н.С. Антропологические корни языковых универсалий // Научные исследования. 2022. Т. 33, № 4. URL: <https://chelovek.iphras.ru/article/view/8121>

9. Савицкая Е.В. Соотношение языкового и неязыкового мышления // Наука, образование и культура. 2020. С. 32–37.
10. Такоева Т. Языковые универсалии как основа компаративных разысканий // Современные исследования социальных проблем. 2022. № 14 (4). С. 171–183. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-171-183>
11. Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. 1970. № 5. С. 5–30.
12. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / отв. ред. М.И. Матусевич; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Л.: Изд-во Ленигр. ун-та, 1958. 180 с.

Сведения об авторах

Корбут Александра Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет; e-mail: aukrbsv@mail.ru

Хоу Синьхао – аспирант кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет, e-mail: 434602553@qq.com

THE FIGURATIVE MEANING OF ADJECTIVES OF COLOR AS A PROPERTY OF LINGUISTIC THINKING (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

A.Yu. Korbut (Irkutsk, Russia)

Hou Xinhao (Irkutsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article is devoted to the study of the translational meaning of adjectives of color in the Russian and Chinese languages.

The purpose of the study is to identify the universal properties of linguistic thinking. The object of the study is the grounds for transferring the meaning of adjectives of color. The subject of this stage of research is to identify the properties of linguistic semantic universals.

Methodology. The article analyzes the effect of linguistic semantic universals in Russian and Chinese.

Research results. The study of the figurative meanings of color adjectives allowed us to discover the commonality of the language thinking of the Chinese and Russians in the field of acquiring secondary meanings of color adjectives that are not related to color semantics. It is found out that metaphorical associative thinking is a universal property of linguistic thinking. The result obtained allows us to see the commonality of the language thinking of the Chinese and Russians in the field of acquiring secondary meanings unrelated to color semantics.

Conclusion. The revealed similarity of semantic structures is due to the commonality of human thinking, which generates the presence of trans-semantic universals.

Keywords: *linguistic culture, linguistic universals, uniqueness, adjectives of color, semantics, secondary meaning, figurative meaning, linguo-culture, metaphorical transfer, metonymic transfer.*

Dictionaries

1. Dictionary of the Russian language / Ed. by A.P. Evgenieva. Moscow: Rus. yaz.; Polygraph Resources, 1999. 702 p.
2. Dictionary of Modern Chinese. 《现代汉语词典》/北京, 20102010年。 698页. Beijing: Commercial Press, 2010. 698 p.
3. Explanatory dictionary of the Russian language / Ed. by S.I. Ozhegova. Moscow: Mir i Obrazovanie, 2018. 736 p.

References

1. Glazunova O.I. Logic of metaphorical transformations // Publishing House: St. Petersburg State University, 2000.
2. Greenberg J., Osgood C., Jenkins D. Memorandum on Language Universals. In the book: New in Foreign Linguistics. Moscow, 1970. Is. V.
3. Greenberg J. Some grammatical universals, mainly concerning the order of significant elements // New in linguistics. 1970. No. 5. P. 114–162.
4. Korbut A.Yu., Hou S. Analysis of metaphorical and metonymic transfer of the meaning of the word “red” as a way of understanding linguistic consciousness // Vectors of philology development in the context of modernization of modern philological education [Electronic resource]: materials of the regional scientific and practical conference “XXVIII Kudryavtsev pedagogical readings” (Irkutsk, March 27, 2021) / Ed. by L.N. Rozhentsov. Irkutsk: Asprint, 2021. P. 31–38. Is. 3.

5. Korbut A.Yu., Hou S. Comparative study of the figurative meaning of adjectives in the Russian and Chinese lexical system // *Philological sciences. Questions of theory and practice Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14, No. 10. P. 3191–3195.
6. Kupina N.A., Matveeva T.V. *Stylistics of the modern Russian language: a textbook for bachelors*. Moscow: Yurayt Publishing House, 2013. 415 p.
7. Nikiforov A.L. Linguistic universals in the structure of understanding // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. Vol. 54, No. 4. P. 49–56.
8. Rozov N.S. Anthropological roots of linguistic universals // *Scientific research*. 2022. Vol. 33, No. 4. URL: <https://chelovek.iphras.ru/article/view/8121>
9. Savitskaya E.V. Correlation of linguistic and non-linguistic thinking // *Science, education and culture*. 2020. P. 32–37.
10. Takoeva T. Linguistic universals as the basis of comparative research // *Modern studies of social problems*. 2022. No. 14 (4). P. 171–183. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-171-183>
11. Uspensky B.A. The problem of universals in linguistics // *New in linguistics*. 1970. No. 5. P. 5–30.
12. Shcherba L.V. *Selected works on linguistics and phonetics* / Ed. by M.I. Matusevich; Leningr. State University named after A.A. Zhdanov. Leningrad: Publishing House of Lenigr. university, 1958. Vol. 1. 180 p.

About the authors

Korbut, Aleksandra Yurievna – DSc (Philology), Professor, Department of Philology and Methodology, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); e-mail: aukrbsv@mail.ru

Hou Xinhao – PhD Candidate, Department of Philology and Methodology, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); e-mail: 434602553@qq.com

УДК 811.112.2`36

ИТЕРАТИВНЫЙ ТАКСИС В ЗЕРКАЛЕ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

И.В. Архипова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается вопрос речевой реализации значений итеративного таксиса в контексте межкатегориального взаимодействия субкатегорий примарного таксиса, мультипликативности, итеративности и дистрибутивности.

Целью работы является описание различных примарно-таксисных категориальных ситуаций с мультипликативной, итеративной и дистрибутивной семантикой, актуализируемых в немецких высказываниях с предложными девербативами и темпоральными предложениями.

Методология исследования (материалы и методы). Настоящее исследование выполнено в рамках функционально-семантического подхода к изучению и описанию языковых явлений и лингвистических феноменов. Языковой феномен межкатегориального взаимодействия трактуется на парадигматическом уровне как некая прототипическая сила, детерминирующая речевую актуализацию таксисных категориальных значений в конкретных высказываниях.

Материалом исследования послужили 8500 высказываний, извлеченных методом направленной выборки из базы Лейпцигского национального корпуса и Немецкого электронного словаря.

Результаты исследования. В ходе данного исследования использованы метод направленной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный методы.

В ходе исследования обнаружено, что актуализация итеративно-примарно-таксисных, мультипликативно-примарно-таксисных и дистрибутивно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности детерминируется межкатегориальным взаимодействием различных семантических субкатегорий. В качестве индикаторов и итеративно-таксисных детерминантов выступают девербативы и глаголы итеративной, мультипликативной и дистрибутивной семантики, а также различные итеративные адвербиалы и адъективы. Прототипической силой при реализации значений дистрибутивно-примарного таксиса обладает субъектная/объектная множественность глагольных действий.

Ключевые слова: таксис, примарный таксис, итеративный таксис, итеративно-примарный таксис, мультипликативно-примарный таксис, дистрибутивно-примарный таксис, межкатегориальное взаимодействие, итеративно-таксисная категориальная ситуация.

Постановка проблемы. Вопросы актуализации категориальных значений аспектуальности и итеративности освещаются в работах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как В.С. Храковский, А.А. Червяков, А.Б. Шлуинский, Г.Р. Муллахметова, Е.А. Молостова, С.В. Шустова, Е.С. Комиссарова, Л. Готье, Д. Хаберкорн, В.И. Дресслер [Храковский, 2011; Червяков, 2019; Муллахметова, Молостова, 2018; Шлуинский, 2006; Шустова, Комиссарова, 2015; Gautier, Haberkorn, 2004; Dressler, 1968]. Проблемы межкатегориального взаимодействия различных функционально-семантических категорий

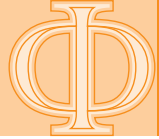
и субкатегорий исследуются в трудах А.В. Бондарко, И.В. Архиповой, С.В. Шустовой, Е.С. Комиссаровой и др. [Архипова, 2020; Бондарко, 2017; Шустова, Комиссарова, 2015]. В этой связи отметим, что все исследователи вопросов межкатегориального взаимодействия различных грамматических категорий (в широком спектре его понимания) придерживаются мнения выдающегося отечественного лингвиста А.В. Бондарко, который в одной из работ отмечает, что «чистых» грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия, нет» [Бондарко, 2017, с. 85].

Особый интерес представляет проблема межкатегориальных связей категории аспектуальности, в частности субкатегории итеративности (кратности, множественности) и таксиса. Проблема актуализации синкретичных таксисных значений в контексте межкатегориального взаимодействия сопряженных функционально-семантических категорий остается до сих пор недостаточно разработанной, чем и обусловлен наш исследовательский интерес к данной проблематике.

Целью настоящего исследования является описание речевой актуализации сопряженных итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в немецких высказываниях с различными итеративными индикаторами. В качестве итеративно-таксисных индикаторов выступают девербативы, глаголы, адвербиалы и адъективы различной итеративной семантики – итеративной, мультипликативной, дистрибутивной.

Итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации имеют сопряженный характер, поскольку объединяют хронологические значения одновременности, предшествования или следования с категориальной семантикой итеративности, мультипликативности или дистрибутивности. Детальный функционально-семантический анализ различных итеративно-таксисных категориальных значений обусловил необходимость введения в научный обиход ряда терминов, раскрывающих с большей объяснительной силой сущность итеративно-примарно-таксисных, мультипликативно-примарно-таксисных и дистрибутивно-примарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности (см. термины *итеративно-примарный таксис*, *мультипликативно-примарный таксис*, *дистрибутивно-примарный таксис*), которые, в свою очередь, рассматриваются нами в зеркале межкатегориального взаимодействия субкатегории примарного таксиса с субкатегориями итеративности, мультипликативности и дистрибутивности.

Методология исследования (материалы и методы). Настоящее исследование выполнено в рамках функционально-семантического подхода к изучению и описанию языковых явлений и лингвистических феноменов. Языковой феномен межкатегориального взаимодействия трактуется на парадигматическом уровне как некая прототипическая сила, детерминирующая речевую актуализацию таксисных категориальных значений в конкретных высказываниях. Прототипическая сила межкатегориального взаимодействия рассматривается как релевантный фактор, обуславливающий таксисную актуализацию на синтагматическом уровне. Она заключается в том, что межкатегориальное взаимодействие

выступает в качестве инструмента реализации синкретичных таксисных значений в конкретно-речевых высказываниях.

В ходе данного исследования использованы метод направленной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный методы. Эмпирический материал получен из электронной базы Лейпцигского национального корпуса¹ и Немецкого словаря².

Результаты исследования и их обсуждение. Межкатегориальное взаимодействие субкатегорий примарного таксиса, итеративности, мультипликативности и дистрибутивности детерминирует речевую актуализацию различных вариантов примарно-таксисных категориальных ситуаций на синтагматическом уровне, т.е. в конкретных высказываниях. Таковыми являются итеративно-примарно-таксисные, мультипликативно-примарно-таксисные и дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования.

Под термином *итеративно-примарный таксис* (в широком смысле) следует понимать разновидность примарного таксиса, включающего различные итеративные значения (собственно итеративные, мультипликативные, дистрибутивные). В качестве индикаторов и детерминантов категориальных значений мультипликативно-примарного, итеративно-примарного и дистрибутивно-примарного таксиса одновременности и разновременности выступают глаголы (итеративные, мультипликативные, дистрибутивные), девербативы итеративной, мультипликативной и итеративной семантики, а также различные итеративные адвербиалы и адъективы. Дистрибутивная множественность предикатных актантов глагольных действий выступает в качестве прототипического фактора, способствующего речевой реализации значений дистрибутивно-примарного таксиса. Субъектная и объектная множественность глагольных предикатов носит при этом релевантный характер.

Актуализация мультипликативно-примарно-таксисных категориальных ситуаций как результат межкатегориального взаимодействия примарного таксиса и мультипликативности. Актуализация значений мультипликативно-примарного таксиса одновременности или разновременности возможна в силу межкатегориального взаимодействия субкатегории примарного таксиса и субкатегории мультипликативности, языковыми репрезентантами которой являются девербативы и глаголы мультипликативной или многоактной семантики.

Мультипликативно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности актуализируются в высказываниях с таксисными предлогами темпоральной семантики *in, bei, nach, vor* и др., содержащих девербативы-мультипликативы с семантическим признаком «генетическая мультипликативность» типа *das Zucken, das Achselzucken, das Schulterzucken, das Nicken, das Winken, das Klopfen, das Kopschütteln, das Kopfnicken, das Schmunzeln, das Seufzen* и др. и/или глаголы мультипликативной семантики.

¹ LC – Leipzig Corpora (Лейпцигский национальный корпус).

² DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (Электронный словарь немецкого языка).

В высказываниях с генетически-мультипликативными девербативами *das Achselzucken, das Schmunzeln, das Nicken, das Winken, das Klopfen* актуализованы мультипликативно-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования и одновременности:

- (1) *Nach Achselzucken* hat Lugano-Verteidiger Tim Heed die Lösung (LC).
- (2) *Bei all dem Schmunzeln* hagelt es mitunter heftige Kritik (LC).
- (3) Ansonsten bleibt es *beim Nicken* (DWDS).
- (4) Als das Geräusch lauter wird, folgen ihre Mütter, Bäuerinnen in bunten Pump-hosen und mit Kopftuch, und helfen den Kindern *beim Winken* (DWDS).
- (5) ...der Rest geht *im Klopfen des Saals* unter (DWDS).
- (6) *Im Nicken* fühlte er Orientierung, und so nickte er in regelmäßigen Abständen immer wieder (DWDS).

Актуализация итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций как результат межкатегориального взаимодействия примарного таксиса и итеративности. Итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации как результат межкатегориального взаимодействия примарного таксиса и итеративности актуализируются в высказываниях с таксисными предложениями темпоральной семантики *in, bei, mit, während, nach, vor, bis* при наличии в них итеративных девербативов и глаголов.

Девербативы с семантикой генетической и словообразовательной итеративности (*das Streichen, das Schnurren, das Schwenken, das Knurren, die Unterredungen, die Untersuchungen, die Besichtigungen, die Begegnungen, die Besuche* и др.) являются языковыми манифестантами субкатегории итеративности. Они становятся таксисными актуализаторами при «выходе в речь», т.е. на синтагматический уровень конкретного высказывания с тем или иным словообразовательно-итеративным или генетически-итеративным девербативом, например:

- (7) Die Bäume stehen *beim Schwenken* der Hochbahn-Träger im Weg (DWDS).
- (8) *Beim Streichen* kommt es auf die gleichmäßige Verteilung der Farbflüssigkeit an... (DWDS).
- (9) Orsells aber *schnarcht beim Schnurren* der Katze... (DWDS).
- (10) Der Kläger lenkte *nach anfänglichem Knurren* relativ rasch ein... (LC).
- (11) *Bei den Unterredungen mit Göttinger Professoren* erregte Franklin vor allem mit der Schulderung der vom ihm in Philadelphia ins Leben gerufenen Akademie (des Vorläufers der heutigen University of Pennsylvania) Aufsehen (DWDS).
- (12) *In den weiteren Begegnungen* bekommt es Jürgen Klopps FC Liverpool mit Rekordsieger Real Madrid zu tun (LC).
- (13) Dieser menschlich unwürdige Moment gehört *bei Besichtigungen in München* fast schon dazu (LC).
- (14) *Bei den Untersuchungen* ging es darum, dass Clinton in ihrer Zeit als Außenministerin einen privaten Server in ihrem Haus auch für dienstliche Korrespondenzen genutzt hat (DWDS).

В высказываниях (7–10) актуализация итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и строгого следования детерминирована генетически-итеративными девербативами *das Streichen, das Schnurren, das Schwenken, das Knurren*. В высказываниях (11–14) в качестве итеративных детерминантов таксисных значений выступают итеративно-словообразовательные девербативы *die Untersuchungen, die Unterredungen, die Besichtigungen, die Begegnungen*.

В функции индикаторов и детерминантов итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций выступают итеративные адвербиалы и адъективы (*selten, häufig, oft, immer, fast immer, wieder, immer wieder, jeder, mehrmalig* и др.). Ср.:

(15) Doch während der häufigen Besuche bei seinem Freund gelingt es den beiden immer wieder, innige Zeiten miteinander zu verbringen (LC).

(16) Besonders positiv fällt bei jedem Besuch auf, dass die Küche und der Service trotz vollem Haus schnell arbeiten (DWDS).

(17) Den Besuchern bleibt aber bei jedem Abschied der Eindruck, einen wahrhaft europäischen Menschen gesprochen zu haben, dem die Fülle gewaltigen Bildungstoffes, der dem humanistischen Deutschen seit den Tagen Goethes das Gepräge gab, ein selbstverständlicher und allezeit gegenwärtiger Besitz ist (DWDS).

(18) Erst nach mehrmaligem Klingeln und Klopfen wurde den Ordnungshütern geöffnet (LC).

(19) Er fehlt selten bei den Unterredungen, die der Bundeswirtschaftsminister mit maßgeblichen Persönlichkeiten aus Wirtschaft und Verwaltung führt (DWDS).

В высказываниях (15–17) актуализованы итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности. Они детерминированы итеративными адъективами *jeder, häufig* и словообразовательно-итеративным девербативом *die Besuche*. В высказывании (18) актуализована сопряженная итеративно-мультипликативно-примарно-таксисная ситуация строгого следования. Она обусловлена девербативами итеративной и мультипликативной семантики *das Klingeln* и *das Klopfen*, а также итеративным адъективом со значением частотности *mehrmalig*. В высказывании (19) актуализованная итеративно-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности специфицирована словообразовательно-итеративным девербативом *die Unterredungen* и итеративным адвербиалом *selten*.

Актуализация дистрибутивно-примарно-таксисных категориальных ситуаций как результат межкатегориального взаимодействия примарного таксиса и дистрибутивности. Актуализация дистрибутивно-примарно-таксисных значений одновременности и разновременности является результатом межкатегориального взаимодействия примарного таксиса и субкатегории дистрибутивности. В качестве детерминирующего фактора при речевой реализации категориальных значений дистрибутивно-примарного таксиса выступает множественность предикатных актантов глагольных действий – субъектных или объектных, например:

(20) Beim Auseinandergehen ermuntern sie sich mit «allee» (von aller) und grüßen mit «salü» (DWDS).

Актуализованная в высказывании (20) дистрибутивно-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности обусловлена девербативом-дистрибутивом *das Auseinandergehen* и субъектной множественностью глагольных действий (см. субъект *sie*).

При дистрибутивной множественности субъектных актантов глагольных действий в следующих высказываниях немецкого языка актуализируются сопряженные дистрибутивно-примарно-таксисные и итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные ситуации:

(21) *Und fast immer gingen die Zweibrücker nach den wichtigen Begegnungen als Sieger vom Platz* (LC).

(22) *Rund 17 Jahre nach ihrer Trennung fanden die beiden Superstars wieder zueinander...* (LC).

(23) *Mit der Trennung werden die beiden Sparten bald selbstständig* (LC).

(24) *Nach einer Trennung wünschen sich viele Klarheit, an der man sich abarbeiten kann* (LC).

В высказываниях (21–22) с семантикой дистрибутивной множественности субъектных актантов глагольных действий (см. субъекты *die Zweibrücker*, *die die beiden Superstars*) актуализованы итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные значения строгого следования. Они обусловлены итеративными адвербиалами *fast immer*, *wieder* и словообразовательно-итеративным девербативом *die Begegnungen*. В высказывании (23) выражена дистрибутивно-примарно-таксисная категориальная ситуация частичной одновременности. В высказывании (24) реализована дистрибутивно-примарно-таксисная категориальная ситуация строгого следования. Прототипическим фактором речевой актуализации категориальных значений дистрибутивного таксиса является дистрибутивная множественность предикатных актантов (см. *die beiden Superstars* и *viele* в высказываниях 23–24).

В следующем высказывании актуализована синкретичная мультипликативно-дистрибутивная семантика одновременности, обусловленная девербативом-дистрибутивом *das Auseinandergehen* и мультипликативным значением глагола *schütteln* (см. сочетание *die Hände schütteln*):

(25) *Wir haben uns beim Auseinandergehen die Hände geschüttelt* (DWDS).

В высказывании (26) реализована итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности. Она детерминирована дистрибутивной множественностью (см. субъект *die bekannten Konflikte*) и итеративным адвербиалом *wieder*. Ср.:

(26) *Beim Zusammentreffen von Bundeskanzlerin Angela Merkel und dem israelischen Regierungschef Benjamin Netanjahu bei den deutsch-israelischen Regierungskonsultationen sind die bekannten Konflikte wieder sichtbar geworden* (DWDS).

В высказываниях (27–30) актуализованные итеративно-дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности обусловлены субъектной множественностью (см. субъекты *wir*, *die Verwandten*, *die obligato-*

rischen Begleitmusiksätze, sie), итеративным адъективом *jeder* и генетически-итеративными девербативами *das Klopfen, das Schlagen der Flügel* и итеративным глаголом *sich wiederholen*:

(27) *Die Verwandten ließen ihm bei jedem Besuch in der alten Heimat spüren, dass er keiner mehr von ihnen sei* (DWDS).

(28) «Weiter so» und «Alles Gute» lauten *die obligatorischen Begleitmusiksätze beim Klopfen* (DWDS).

(29) Wie alle fliegenden Insekten *erzeugen sie beim Schlagen der Flügel Wärme* (DWDS).

(30) *Sie wiederholen sich bei jedem Besuch westdeutscher Politiker bei der DDR-Führung, egal welcher Partei der West-Besucher angehört* (DWDS).

Реализованная в высказывании (31) сопряженная мультипликативно-дистрибутивно-таксисная категориальная ситуация одновременности специфицирована генетически-мультипликативным девербативом *das Seufzen* и субъектной множественностью (см. субъект *die scharfen Kanten*). Ср.:

(31) Im Laufe der Jahre war der Brocken in der Brust korrodiert, und *beim Seufzen schnitten die scharfen Kanten Kerben in die Lungenflügel* (DWDS).

Заключение. Таким образом, актуализация значений итеративного, мультипликативного и дистрибутивного таксиса является результатом межкатегориального взаимодействия субкатегорий примарного таксиса, итеративности, мультипликативности и дистрибутивности. При актуализации итеративно-примарно-таксисных и мультипликативно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в качестве индикаторов и таксисных детерминантов выступают девербативы и глаголы итеративной, мультипликативной и дистрибутивной семантики. При речевой реализации дистрибутивно-примарно-таксисных категориальных значений в качестве прототипического фактора выступает дистрибутивная множественность предикатных актантов глагольных действий и девербативы-дистрибутивы.

Библиографический список

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
3. Муллахметова Г.Р., Молостова Е.П. Семантика итеративности в структуре длительного способа действия в русском, французском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-1 (79). С. 158–160.
4. Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «Либриком», 2011. С. 124–152.
5. Червяков А.А. О категории итеративности в современном английском языке // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2019. № 3. С. 98–101.

6. Шлуинский А.Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 46–75.
7. Шустова С.В., Комиссарова Е.С. К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 1 (2). С. 115–118.
8. Dressler W.U. Studien zur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Böhlau im Kommission, 1968. 253 S.
9. Gautier L., Haberkorn D. Aspekt und Aktionsarten im heutigen Deutsch // Eurogermanistik: europäische Studien zur deutschen Sprache. Stauffenburg. 2004. 238 S.

Сведения об авторе

Архипова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романских и германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: irarch@yandex.ru

ITERATIVE TAXIS MIRRORED BY INTERCATEGORIAL INTERACTION (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

I.V. Arkhipova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article deals with the issue of speech implementation of the values of iterative taxis in the context of intercategory interaction of subcategories of primary taxis, multiplicativity, iterativeness and distributiveness.

The purpose of this paper is to describe various primary taxis categorical situations with multiplicative, iterative and distributive semantics, actualized in German statements with prepositional deverbatives and temporal prepositions.

Methodology (materials and methods).

This study was carried out within the framework of the functional-semantic approach to the study and description of linguistic phenomena. The linguistic phenomenon of intercategory interaction is interpreted at the paradigmatic level as a kind of prototypical force that determines the speech actualization of taxis categorical meanings in specific statements.

The material of the study includes 8,500 statements extracted by directed sampling from the database of the Leipzig National Corpus and the German Electronic Dictionary.

Research results. In the course of this study, the directed sampling method, hypothetical-deductive, inductive, descriptive and contextual methods were used.

In the course of the study, it was found that the actualization of iterative-primary taxis, multiplicative-primary taxis and distributive-primary taxis categorical situations of simultaneity and non-simultaneity is determined by the intercategory interaction of various semantic subcategories. Deverbatives and verbs of iterative, multiplicative and distributive semantics, as well as various iterative adverbials and adjectives serve as indicators and iterative-taxis determinants. The prototypical power in the realization of the values of the distributive-primary taxis is possessed by the subjective / objective plurality of verbal actions.

Keywords: *taxis, primary taxis, iterative taxis, iterative-primary taxis, multiplicative-primary taxis, distributive-primary taxis, intercategory interaction, iterative-taxis categorical situation.*

References

1. Arkhipova I.V. Taxis category in different-structured languages: monograph. Novosibirsk, 2020. 173 p.
2. Bondarko A.V. Verbal categories in the system of functional grammar. 2nd ed. Moskau: Languages of Slavic culture, 2017. 336 p.
3. Mullakhmetova G.R., Molostova E.P. Semantics of iteration in the structure of a long mode of action in Russian, French and Tatar languages // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2018. No. 1-1 (79). P. 158–160.
4. Khrakovskiy V.S. Iterativity // *Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis*. 6th edition. Moscow: Librikom Book House, 2011. P. 124–152.
5. Chervyakov A.A. On the category of iteration in modern English // *Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and philological sciences*. 2019. No. 3 (14). P. 98–101.
6. Shluinskiy A.B. On the typology of predicate plurality: the organization of the semantic zone // *Questions of linguistics*. 2006. No. 1. P. 46–75.

7. Shustova S.V., Komissarova E.S. On the question of intercategory interaction (on the example of the category of iteration in German) // Eurasian Bulletin of Humanitarian Research. 2015. No. 1 (2). P. 115–118.
8. Dressler W.U. Studien zur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Böhlau im Kommission, 1968. 253 p.
9. Gautier L., Haberkorn D. Aspekt und Aktionsarten im heutigen Deutsch // Eurogermanistik: europäische Studien zur deutschen Sprache. Stauffenburg, 2004. 238 p.

About the author

Arkhipova, Irina Viktorovna – DSc (Philology), Professor, Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); e-mail: irarch@yandex.ru

УДК 811.161.1:821.161.1(09)

ФРАГМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ XIX В. НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА А.С. ПУШКИНА

Е.А. Кудрявцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена рассмотрению узуальных языковых единиц XIX в., отраженных в письмах А.С. Пушкина, в аспекте их несоответствия современным нормам. Исследование «малых диахронических сдвигов», произошедших в языке за 100–200 лет, представляется сегодня весьма актуальным, поскольку язык пушкинского времени уже достаточно отдален от нас, чтобы отграничить его от современного узуса. Для этого требуются накопление и систематизация соответствующих языковых фактов.

Цель статьи – охарактеризовать ряд произносительных, грамматических и лексических единиц, свойственных узусу XIX столетия в отличие от современного.

Материал исследования. Основным материалом исследования послужили письма А.С. Пушкина за 1830 г. В качестве дополнительного материала привлекались данные «Словаря языка Пушкина» и Национального корпуса русского языка.

Основные методы – диахронический, сопоставительный, контекстного и компонентного анализа.

Результаты исследования. Анализ эпистолярных текстов Пушкина позволяет подтвердить мысль о том, что произносительные и грамматические нормы XIX в. характеризовались более широкой вариативностью, чем в современном языке. Фиксация значений слов, актуальных для пушкинской эпохи, в современных словарях не всегда отражает реальную практику их употребления, поскольку в данных лексемах могли произойти существенные семантические изменения. Примеры глагольного управления также могут свидетельствовать о малых семантических сдвигах в словах, на что указывает изменение их лексико-грамматической сочетаемости.

Ключевые слова: узус XIX в., малые диахронические сдвиги, язык Пушкина, вариативность языковых единиц, морфологические формы, лексическая семантика, глагольное управление.

Постановка проблемы. Язык А.С. Пушкина трудно назвать малоизученным. Ему посвящена обширная литература. Однако существует не так много работ, в которых речевая практика поэта изучалась бы в аспекте характеристики узуса его эпохи в соотношении с современной речевой традицией. Исключение, пожалуй, составляют лексика и фразеология. В этом смысле актуальным представляется изучение не только речевой практики Пушкина, но и других представителей (не обязательно писателей и поэтов) всего XIX столетия.

Цель статьи – охарактеризовать некоторые языковые единицы, отраженные в письмах А.С. Пушкина, которые можно квалифицировать как элементы узуса первой половины XIX столетия, отличающие его от современного узуса.

Обзор научной литературы. Вопрос об отличии русского литературного языка XIX в. от современного ему языка (середины XX в.) был поставлен в работах

Л.А. Булаховского [Булаховский, 1948; 1957]. Однако признавая, что на протяжении столетия изменения произошли и в лексике и в грамматике, исследователь замечает, что они коснулись прежде всего поэтического языка (который формировался выдающимися представителями этого периода) и отдельных жанров литературы, в то время как за их пределами подобные изменения не столь значительны [Булаховский, 1957, с. 16–19]. Выводы автора сделаны на обширном материале, однако при анализе произносительных и грамматических особенностей указанного периода Л.А. Булаховский опирается прежде всего на художественные, в том числе поэтические, тексты. Лексика же исследуется на материале разножанровых текстов, но в центре внимания оказываются ее стилистические характеристики [Там же].

Среди значимых работ, посвященных речевой практике пушкинской поры в сравнении с современной, нужно назвать статью Г.О. Винокура «Пушкин и русский язык», написанную к столетней годовщине смерти поэта. В центре внимания лингвиста оказываются по преимуществу грамматические, а также отдельные произносительные и лексико-стилистические явления – особые формы рода, числа, падежа некоторых существительных и прилагательных, распространенность ударного окончания *-ы* в соответствии с современным *-а* (*гнезды, блюды*), активность окончания родительного падежа *-у* по сравнению с современным *-а*, отсутствие *н* в косвенных падежах местоимения 3 лица с предлогами (*между ими*), образование страдательных причастий от глаголов, не образующих таковых в современном языке (*он был отказан*); ударение, отличающееся от современного (например, у существительных женского рода множественного числа – *страны́, скалы́, судьбы́*); лексика, активно функционировавшая во времена А.С. Пушкина, которая позднее сузила сферу употребления до «областной» или просторечной (например, *испужать, допустить*) [Винокур, 1959, с. 189–204].

Г.О. Винокур высказал в статье два важных, на наш взгляд, тезиса. Один из них заключается в том, что язык писателя нужно изучать в контексте его эпохи [Там же, с. 189]. Второй касается непосредственно узуса первой половины XIX в., который характеризовался значительно большей вариативностью нормы, чем это наблюдается в современном языке [Там же, с. 193].

Еще одним исследованием языка Пушкина, созданным в первой половине XX в., в котором затрагивается вопрос об изменениях, произошедших в языке со времен поэта, является работа Б.В. Томашевского [Томашевский, 1956].

Новый всплеск интереса к узусу XIX столетия в его исторической динамике наблюдается в начале 2000-х гг. Выделяется направление, в рамках которого изучаются «малые диахронические сдвиги» [Падучева, 2018], то есть изменения в языке, наблюдающиеся на протяжении 100–200 лет.

Так, семантические сдвиги в словах, влияющие на лексическую сочетаемость последних и особенности управления, рассмотрены на материале прозы А.С. Пушкина Д.О. Добровольским [Добровольский, 2001; 2003; 2013]. «Эффекту ближней семантической эволюции», то есть внешне незаметным семан-

тическим изменениям в словах, произошедшим за столетие, которые «затемняют» смысл текста ушедшей эпохи в восприятии современных читателей, посвящены, например, работы Анны А. Зализняк и А.Б. Пеньковского [Зализняк, 2012; Пеньковский, 2000].

Грамматические и лексико-семантические сдвиги на материале языка Л.Н. Толстого рассмотрены Е.В. Падучевой в уже упомянутой статье [Падучева, 2018]. Е.В. Рахилина подобный анализ проводит на примере творчества М.Ю. Лермонтова [Рахилина, 2017]. Автор последнего исследования является одним из создателей корпуса XIX в., для которого была разработана система помет, позволяющих отследить отклонения от норм современного русского языка и выявить, насколько системный характер они имеют. В этом же русле выполнена работа [Ахапкина, 2019].

Таким образом, можно говорить о существовании традиции подобных исследований. В то же время, по словам Е.В. Падучевой, «изучение малых диахронических сдвигов только начинается» [Падучева, 2018, с. 61].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили письма А.С. Пушкина на русском языке за 1830 г. В некоторых случаях для оценки широты использования конкретных единиц привлекались Словарь языка Пушкина (далее – СЯП) и Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ).

Единицы, пережившие исторические изменения, выделялись путем применения диахронического метода. Для выявления семантических особенностей элементов использовались методы контекстуального и компонентного анализа. Наконец, при проверке типичности для рассматриваемого периода тех или иных форм и конструкций на основании фиксации последних в словарях и НКРЯ применялся сопоставительный метод.

Результаты исследования. Одной из особенностей узуса первой половины XIX в., как уже отмечалось [Винокур, 1959; Добровольский, 2001], было само наличие вариантов, один из которых впоследствии был устранен. Эта вариативность особенно заметна в морфемном облике слов, однако ее можно видеть и в конструкциях с управлением. Ниже рассмотрены подобные единицы, а также элементы узуса, которые не имели вариантов.

Вариативные формы с «выпадением»/без «выпадения» гласного в морфеме. Этот факт отмечен Л.А. Булаховским в числе произносительных вариантов и объяснен созданием поэтического ритма [Булаховский, 1948, с. 7–11]. Однако примеры такой вариативности встречаются не только в поэзии, но и в прозаических текстах.

В проанализированных письмах довольно частотны существительные среднего рода с суффиксом *-ij- /-j-* (*счастье, несчастье, новоселие, мечтанье, вниманье, чтение/чтение, утешение*). Варианты могут наблюдаться в пределах одного контекста:

...имел я счастье о том Вас уведомить (А.Х. Бенкендорфу, с. 288).

Пушкин приходил поздравить Вас с новоселием (М.П. Погодину, с. 294).

Чтение его «Истории» заменило Жуковскому чтение Муравьева статс-секретаря (П.А. Вяземскому, 283).

Дамы от него в восхищении (М.Н. Загоскину, с. 281).

В современном русском языке нормативно закреплён только один из вариантов (*счастье*, но *внимание*). В «Русской грамматике», правда, отмечено несколько слов, в отношении которых вариативность допускается [Русская грамматика, 1982, т. 1, с. 127], однако словари последних десятилетий и речевая практика демонстрируют практически во всех случаях использование только одной формы (ср. *усердие* при отсутствии *усердые*).

Такой же вариативностью характеризовалась флексия творительного падежа *-ию/-ию* у существительных 3 склонения (ср. в русском языке *-ию*). Во всех проанализированных примерах встретилась только форма на *-ию*, однако СЯП показывает, что Пушкин употреблял и формы без *и*:

С искренним и глубоким почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивый государь (А.Х. Бенкендорфу, с. 288).

Ваши 1800 р. ассигнациями получил с благодарностью (М.П. Погодину, с. 303).

Скучно издавать газету одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища (П.А. Вяземскому, с. 283).

Вам обязан я больше нежели чем жизнью (А.Н. Гончарову, с. 297). Заметим, что в этом примере есть и ошибочный для современного языка союз *нежели чем*.

Вариативность форм творительного падежа существительных, прилагательных, местоимений на *-ою (-ею)/-ой (-ей)*. Л.А. Булаховский, ссылаясь на Н. Греча, отмечает, что в начале XIX в. второй вариант окончания воспринимался как просторечный [Булаховский, 1948, с. 104]. В письмах Пушкина встретились оба варианта с преобладанием окончания *-ою*, однако о действительном соотношении таких форм только на основании писем судить трудно. Формы на *-ою (-ею)*, согласно последним разысканиям, продолжают оставаться активными на протяжении всего столетия, при этом принцип выбора одного или другого варианта не ясен [Падучева, 2018, с. 54].

Это отчасти было причиною невольного моего проступка (А.Х. Бенкендорфу, с. 288).

Булгарин изумил меня своею выходкою (П.А. Вяземскому, с. 290).

Я с охотою взялся бы выкупить Ваши долги... (В.С. Огонь-Догановскому, с. 305).

Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь (П.А. Плетневу, с. 313).

Что за сердце у ней? твердою дубовою корой, тройным булатом грудь ее вооружена, как у Горацьева мореплавателя (П.А. Вяземскому, с. 319). В этом примере, кроме того, присутствует не свойственная современному литературному языку, но встречающаяся в просторечии форма родительного падежа (*у*) *ней*.

Вариативные формы глагола. В письмах встретился глагол *обойтись*, который поэт употреблял наряду с *обойтись* и *обойтися*. Вид *обойтись*

встречается у Пушкина семь раз [СЯП, 2000, т. 3, с. 46] (из них два раза в анализируемом материале) и представляет определенную трудность при оценке степени его распространенности в указанный период. Словарь церковнославянского и русского языка, относящийся к середине столетия, уже не фиксирует этой словоформы, в текстах этого же времени (по данным НКРЯ) она тоже не встречается. Однако именно этот вариант глагола был характерен для языка XVIII и, по-видимому, начала XIX в. [Словарь русского языка XVIII в., 2006, вып. 16, с. 36]. Глагол входил в видовую пару с *обходиться*, имевшим несколько значений, и впоследствии был вытеснен вариантом *обойтись*. Можно предположить, что поэт усвоил это слово из речевой практики старшего поколения и сделал чертой индивидуального употребления.

Оба примера из писем отражают одно значение – ‘прожить, не испытывая необходимости в чем-либо’:

Вот тебе моя просьба. Погодин собрался ехать в чужие края, он может обойтись без вспоможения (П.А. Вяземскому, с. 290).

Осмеливаюсь повторить Вам то, что уже говорил я Золотову: главное дело не вооружить противу себя Канкрин, а никак не вижу, каким образом Вам без него обойтись (А.Н. Гончарову, с. 304).

Деепричастия, отсутствующие в современном языке. В приведенных ниже примерах два деепричастия образованы от глагола совершенного вида с помощью суффикса *-а-* (*-я-*) (при обычном в современном языке *-в-*), еще одно создано по модели, утраченной в современном литературном языке, но сохраняющейся в просторечии (ср.: сказать не подумавши):

О слоге упомяну я вкратце, предоставя его журналам, которые, вероятно, подымут его на царя (и поделом), а вы их послушайтесь (М.П. Погодину, с. 324).

Здравствуй, душа моя, каково поживаешь, а я, оконча дела мои, еду в Москву (П.А. Плетневу, с. 314).

Государь, получив просьбу Вашу, отдаст ее непременно на рассмотрение министра финансов, а министр, уже раз отказавши, захочет и теперь поставить на своем (А.Н. Гончарову, с. 304).

Формы множественного числа у существительных, относящихся в современном литературном языке к категории *singularia tantum*.

Возвратитесь обогащенные воспоминаниями, новым знанием, вдохновениями (С.П. Шевыреву, с. 295).

Позвольте мне... еще раз сердечно Вас поблагодарить за отеческие милости (А.Н. Гончарову, с. 303).

Форма глагола или причастие не употребляется в современном русском языке. При этом сам глагол, от которого образована форма, в настоящее время вполне употребителен.

Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! (П.А. Плетневу, с. 316). Императив *отстойте*, который образован от вполне нормативного в современном языке глагола совершенного вида *отстоять* со значением (‘защитить’),

сегодня не употребляется. Здесь уместна была бы форма несовершенного вида *отстаивайте*, образованная от глагола того же вида, или *защитите*.

Я радуюсь, я счастлив, что несколько строк, робко наброшенных мною в «Газете», могли тронуть вас до такой степени (Н.И. Гнедичу, с. 280). Причастие *наброшенный* образовано от глагола *набросать*, то есть в данном случае ‘быстро, бегом написать’. Глагол функционирует в русском языке, но от него нормативно образуется причастие *набросанный*. Надо сказать, что и это причастие очень редко встречается: в НКРЯ с начала 2000-х зафиксировано 3 примера в указанном значении.

Слова не сохранили данного значения в современном языке. Речь идет о лексемах, которые употребляются в русском языке, но с другими значениями. Часто семантические сдвиги происходят из-за сужения значений многозначных слов и закрепления с соответствующим значением другой лексемы. Семантический сдвиг нередко влечет изменение синтаксического окружения.

Обратимся к примерам:

Свадьба моя отлагается день ото дня далее (П.А. Плетневу, с. 311). Глагол *отлагаться* и мотивирующий его глагол *отлагать* в значении ‘переносить’ практически не встречаются в современном языке (в НКРЯ присутствуют единичные примеры в стилистически маркированных контекстах). Для современного узуса свойственно одно значение *отлагаться* – ‘образовывать отложения из частиц размытых пород’ (БТС, 2000, с. 751). Заметим, что БАС-3 приводит этот пушкинский контекст (и он единственный) для иллюстрации значения ‘переноситься на другой срок’. Типичным в приведенном контексте было бы сказать *откладывается*, но в таком случае аномальной будет сочетаемость с обстоятельствами *день ото дня далее*.

...ваши 1800 р. ассигнациями получил с благодарностию, а прочие чем вы скорее достанете, тем меня более одолжите (М.П. Погодину, с. 303). Согласно современной норме, глагол *одолжить* входит в конструкцию *одолжить что-либо кому-либо* (в просторечии и *у кого-либо*) и означает ‘дать (взять) займы’. В приведенном контексте сегодня уместно было бы сказать *обяжете*. Во времена Пушкина значение ‘дать займы’ было хорошо известно, однако едва ли не более активно слово употреблялось в значении ‘обязать, вызвать чувство признательности к себе’ [СЯП, 2000, т. 3, с. 103]. В БАС-3 значение присутствует с пометой *устаревшее* [2009, т. 13, с. 502].

Слово утрачено в современном языке. Таких примеров немало. Здесь остановимся на нескольких.

Не посылаю вам замечаний (частных) потому что некогда вам будет переменять то, что требует перемены (М.П. Погодину, с. 324). Глагол *переменять* (и тем более глагол совершенного вида *переменить*), на первый взгляд, кажется нормальным для современного языка. Однако поиск актуальных контекстов, в которых могло бы появиться это слово, приводит во всех случаях к родственным глаголам с другими приставками (*изменять, заменять, сменять* и т.п.).

БАС-3 отмечает этот глагол как устаревающий [2011, т. 16, с. 222]. НКРЯ уточняет эти данные: тексты двух последних десятилетий показывают относительную употребительность глагола *переменить* (387 примеров) и отсутствие глагола *переменять*.

Все это не очень утешно (П.А. Плетневу, с. 311). В современном языке функционируют либо приставочные образования (*безутешно, неутешно*), которые, однако, не встречаются в роли предиката, либо образования с другим суффиксом (*утешительно*). БАС-1 фиксирует слово как устаревшее [1964, т. 16, с. 1039]. В БТС оно отсутствует.

Соперничествовать с Раичем и Шалиновым как-то совестно (П.А. Вяземскому, с. 296). По данным СЯП, у Пушкина это слово встречается только один раз, однако оно было известно узусу XIX столетия. В НКРЯ немногочисленные контексты с этим словом и производными от него причастиями и деепричастиями относятся к середине и концу века, а последний пример датируется 1937 г. В БАС-1 слово отсутствует.

Глагольное управление отличается от современного. Некоторые случаи глагольного управления первой половины XIX в. были описаны в [Булаховский, 1948], отдельные примеры управления в речевой практике Пушкина – в [Добровольский, 2001]. Проанализированный материал демонстрирует два типа грамматических сдвигов в управлении:

1) предлог при управляемом слове изменяется или утрачивается, сама же падежная форма не меняется;

2) меняется падежная (предложно-падежная) форма, иногда при этом происходят и другие трансформации, например включение в конструкцию дополнительного слова или замена самой конструкции.

Примеры первого типа:

Что касается до памятника, то я тотчас по приезде в Москву писал о нем Бенкендорфу (А.Н. Гончарову, с. 303). Ср.: *касается памятника*.

Я живу в деревне, как в острове, окруженный карантинами (А.А. Дельвигу, с. 318). Ср.: *на острове*.

Каков ты с министрами? и будешь ли ты в службе новой? (П.А. Вяземскому, с. 288). Ср.: *на службе*.

Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт (П.А. Вяземскому, с. 286). Ср.: *на концерт*.

Не знаю, кого винить, не смею никого винить, но я писал к тебе несколько раз... (Н.С. Алексееву, с. 328). Ср.: *писал тебе*.

Примеры второго типа:

Прощай, душа, на другой почте я, может быть, еще что-нибудь тебе пришлю (А.А. Дельвигу, с. 318). Ср.: *с другой почтой / другой почтой*. В СЯП контексты с предложным падежом иллюстрируют именно значение ‘событие отправки почты’, а не ‘учреждение для отправки корреспонденции’ [2000, т. 3, с. 653].

Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется... (П.А. Плетневу, с. 326). Ср.: в прозе. Форма творительного падежа актуализирует сему 'способ изложения', в то время как предложный падеж – сему 'форма, в которую вкладывается содержание'. Такое же управление было характерно и для слова *стихи*. У Пушкина встречаются и формы предложного падежа этих существительных. В современном языке творительный инструмента сохраняется для обозначений стихотворных размеров (ямб, хорей и т.п.). Вообще же и форма в прозе при глаголах, обозначающих создание текста, будет сегодня неестественна, так как на этот смысл будет указывать сам тип текста: *написал 5 повестей*.

Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом (П.А. Вяземскому, с. 296). Ср.: у министров. Здесь характер управления определяется семантикой управляющего глагола. Глаголы *справиться, узнать, спросить* актуализируют смысл 'получение информации из источника', что нормативно выражается сейчас родительным падежом. С творительным падежом, акцентирующим внимание на совместности производимого действия, а не на результате, сейчас уместно было бы употребить глагол *поговорить*.

Я было написал на него ругательную анти-критику, слогом «Галатеи» – взяв в эпиграф Павлуша медный лоб приличное названье! – собирался ему послать, но не знаю куда дел (П.А. Вяземскому, с. 283). Ср.: в качестве эпиграфа/эпиграфом.

Надеюсь при своем возвращении найти Вас и все семейство Ваше в добром здравии (М.Н. Загоскину, с. 306). Ср.: после (своего) возвращения.

Заключение. Случаи отклонения от современной языковой нормы, зафиксированные в письмах А.С. Пушкина, подтверждают общее положение о том, что узус XIX столетия существенно отличается от современного, и эти отличия затрагивают (хотя и в разной степени) практически все подсистемы языка. Это еще раз свидетельствует о том, что для реконструкции речевой практики указанного периода необходимо накопление достаточного эмпирического материала, то есть исследование с точки зрения динамики узуса письменного наследия как можно большего числа авторов XIX в., в том числе и таких, казалось бы, хорошо изученных, как Пушкин.

Проанализированные примеры демонстрируют широкую вариативность на уровне морфем, морфологических форм и синтаксических единиц – это в целом подтверждает уже имеющиеся выводы [Винокур, 1959], что язык XIX в. характеризовался значительно большей подвижностью нормы, чем современный.

Приведенные контексты, демонстрирующие не свойственное для современного русского языка синтаксическое окружение слов, дополняют представление о происшедших в них семантических сдвигах. Количество таких сдвигов, по видимому, довольно велико. Это позволяет ставить вопрос о корректировке данных позднейших лексикографических источников, ориентирующихся во многих случаях на словоупотребление писателей XIX в. (ср. приведенный пример с глаголом *отлагаться*). Сегодня эта задача существенно облегчается благодаря электронным текстовым корпусам.

Особый интерес представляет изучение глагольного управления. С одной стороны, сопоставление конструкций XIX в. с современными «высвечивает» внешние отличия, например, использование предлогов там, где сейчас беспредложное управление (*касается до памятника, писал к тебе*) или активность одних предлогов по сравнению с другими (*в острове, в службе, в концерт*), что, в свою очередь, могло быть влиянием французского языка (это требует отдельного исследования). С другой стороны, в таких конструкциях обнаруживаются незаметные, на первый взгляд, компоненты значения, которые слово имело в этот период и которые определяли его лексико-грамматическую сочетаемость.

Список словарей и источников

1. Большой академический словарь русского языка. М.: Наука, 2009. Т. 13. 769 с. (БАС-3).
2. Большой академический словарь русского языка. М.: Наука, 2011. Т. 16. 638 с. (БАС-3).
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. (БТС).
4. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 9. 447 с.

Библиографический список

1. Ахапкина Я.Э. Микродиахронические сдвиги в употреблении глагольной лексики (на материале повести И.А. Тургенева «Ася») // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. XV, № 3. С. 271–294. DOI: 10.30842/alp2306573715311
2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев: Изд-во Киев. гос. ун-та, 1957. 492 с.
3. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев: Радянська школа, 1948. 466 с.
4. Винокур Г.О. Пушкин и русский язык // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 189–206.
5. Добровольский Д.О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 161–178.
6. Добровольский Д.О. Лексическая семантика в диахронии: язык художественной прозы Пушкина и современное словоупотребление // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет словаря языка Пушкина: сб. ст. М.: Азбуковник, 2013. С. 76–82.
7. Добровольский Д.О. Лексическая сочетаемость в диахронии (к динамике узуальных норм) // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2003. Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX века. С. 125–138.
8. Зализняк Анна А. Об эффекте ближней семантической эволюции // PHILOLOGICA. Двужычный журнал по русской и теоретической филологии. 2012. Т. 9, № 21/23. С. 1–22.
9. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] // Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2003–2023. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.04.2023).
10. Падучева Е.В. Из наблюдений над языком Л. Толстого (к вопросу о малых диахронических сдвигах) // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 49–63. DOI: 10.31857/S0373658X0001396-4
11. Пеньковский А.Б. Загадки пушкинского текста и словаря («Евгений Онегин», 1, XXXVII, 13–14) // Philologica. 2000. Т. 6, № 14–16. С. 41–70.

12. Рахилина Е.В. Говорю я, Карл... // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 1 июня 2017 г.). Вып. 16 (23). М.: Изд-во РГГУ, 2017. Т. 2. С. 384–394.
13. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 16. 1610 с. (БАС-1).
15. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2006. Вып. 16 (Обломить – Онца). 277 с.
16. Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Азбуковник, 2000. Т. 3. 975 с. (СЯП).
17. Томашевский Б.В. Вопросы языка в творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т.1. С. 126–184.

Сведения об авторе

Кудрявцева Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: katekudr@yandex.ru

RECONSTRUCTED FRAGMENT OF SPEECH PRACTICE DATED BACK TO 19TH CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE LANGUAGE OF ALEKSANDR S. PUSHKIN

E.A. Kudryavceva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to usual linguistic units of the 19th century reflected in the letters of A.S. Pushkin in the aspect of their inconsistency with modern standards. The study of “small diachronic shifts” that have occurred in the language for 100–200 years seems to be very relevant today, since the language of Pushkin’s time is already far enough away from us to delimit it from modern usage. This requires the accumulation and systematization of relevant linguistic facts.

The purpose of the article is to characterize a number of pronunciation, grammatical and lexical units characteristic of the 19th century *usus*, in contrast to the modern one.

Research material. The main material of the study was the letters of A.S. Pushkin dated back to 1830. The data of Pushkin’s Dictionary of Language and the National Corpus of the Russian Language were used as additional material.

Research methods include diachronic, comparative, contextual and component analysis.

Research results. The analysis of Pushkin’s epistolary texts prove the idea that the pronunciation and grammatical norms of the 19th century were characterized by a wider variability compared to the modern language. The fixation of the meanings of words relevant to the Pushkin era in modern dictionaries does not always reflect the actual practice of their use, since significant semantic changes could occur in these lexemes. Examples of verbal control can also indicate small semantic shifts in words, as indicated by a change in their lexical and grammatical compatibility.

Keywords: *19th century usus, small diachronic shifts, Pushkin’s language, variability of language units, morphological forms, lexical semantics, verb government.*

List of dictionaries and sources

1. Big academic dictionary of the Russian language. Moscow: Nauka, 2009. T. 13. 769 p.
2. Big academic dictionary of the Russian language. Moscow: Nauka, 2011. Vol. 16. 638 p.
3. Big explanatory dictionary of the Russian language / Comp. and Ch. ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
4. Pushkin A.S. Collected Works: in 10 vol. Moscow: Pravda, 1981. Vol. 9. 447 p.

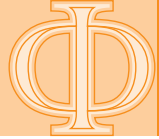
References

1. Akhapkina Ya.E. Microdiachronic shifts in the use of verbal vocabulary (on the material of I. A. Turgenev’s story “Asya”) // Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. 2019. Vol. XV, No. 3. P. 271–294. DOI: 10.30842/alp2306573715311
2. Bulakhovsky L.A. Russian literary language of the first half of the 19th century. Vocabulary and general remarks about the syllable. Kyiv: Kyiv State University Press, 1957. 492 p.
3. Bulakhovsky L.A. Russian literary language of the first half of the 19th century. Phonetics. Morphology. Word stress. Syntax. Kyiv: Radyan’s school, 1948. 466 p.
4. Vinokur G.O. Pushkin and the Russian language // Vinokur G. O. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1959. P. 189–206.
5. Dobrovolsky D.O. On the dynamics of the usage (Pushkin’s language and modern word usage) // Russian language in scientific coverage. 2001. No. 1. P. 161–178.

6. Dobrovolsky D.O. Lexical semantics in diachrony: the language of Pushkin's fiction and modern word usage // Author's lexicography and the history of words: on the occasion of the 50th anniversary of the publication of Pushkin's Dictionary of Language: collection of articles. Moscow: Azbukovnik, 2013. P. 76–82.
7. Dobrovolsky D.O. Lexical compatibility in diachrony (on the dynamics of usual norms) // Russian language today. Active language processes at the end of the 20th century. Moscow: Azbukovnik, 2003. Is. 2. P. 125–138.
8. Zaliznyak Anna A. On the effect of near semantic evolution // PHILOLOGICA. Bilingual journal on Russian and theoretical philology. 2012. Vol. 9, No. 21/23. P. 1–22.
9. National Corpus of the Russian Language (NCRL) [Electronic resource] // Institute of the Russian Language. V.V. Vinogradov RAS. Moscow, 2003–2023. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (access date: 04.14.2023).
10. Paducheva E. V. From observations on the language of L. Tolstoy (to the question of small diachronic shifts) // Problems of Linguistics. 2018. No. 5. P. 49–63. DOI: 10.31857/S0373658X0001396-4
11. Penkovsky A.B. Riddles of Pushkin's text and dictionary ("Eugene Onegin", 1, XXXVII, 13–14) // Philologica. 2000. Vol. 6, No. 14–16. P. 41–70.
12. Rakhilina E.V. I'm talking, Karl... // Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Based on the materials of the annual international conference "Dialogue" (Moscow, May 31 – June 1, 2017). Is. 16 (23). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2017. Vol. 2. P. 384–394.
13. Russian Grammar: in 2 vol. Moscow: Nauka, 1982. Vol. 1. 783 p.
14. Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vol. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1964. Vol. 16. 1610 p.
15. Dictionary of the Russian language of the XVIII century. St. Petersburg: Nauka, 2006. Is. 16. 277 p.
16. Dictionary of the Pushkin language: in 4 vols. Moscow: Azbukovnik, 2000. Vol. 3. 975 p.
17. Tomashevsky B.V. Questions of language in Pushkin's work // Pushkin: Research and materials. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. Vol. 1. P. 126–184.

About the author

Kudryavceva, Ekaterina Aleksandrovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: katekudr@yandex.ru

УДК 791.65

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В СОВОКУПНОМ ТЕКСТЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ БАЛА

В.В. Маслеева (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается совокупный текст петербургского интернет-сайта, посвященного исторической реконструкции бала. Базовой характеристикой анализируемого текста признается оценочность.

Цель статьи – выявление особенностей речевой репрезентации доминирующей в смысловой структуре эстетической оценки.

Методология. С помощью статистической обработки были проанализированы лексические средства выражения эстетической оценки в культурно-просветительских текстах, в фрагментах научно-популярных изданий, информирующих о национальной бальной культуре, в осведомительных модульных текстах и отзывах гостей современных балов.

Результаты исследования. Речевая репрезентация эстетической оценки в совокупном тексте продвижения обусловлена его сверхзадачей, жанровыми характеристиками компонентов, ориентацией коллективного автора на ожидания аудитории.

Ключевые слова: *исторический бал, эстетическая оценка, средства продвижения.*

Постановка проблемы. Актуальность исследования характеризуется включенностью исторической реконструкции бала в многообразный, многоаспектный процесс актуализации разнотипных явлений национальной культуры. Современное медийное пространство все активнее начинает презентовать разнообразные типы исторической реконструкции, что ставит вопрос о текстовых форматах такой презентации. Ответы на этот вопрос ищет медиалингвистика, демонстрирующая постоянно возрастающий интерес к текстам продвижения.

Обзор литературы. Этот интерес фиксируется в многочисленных исследованиях, авторы которых пытаются осмыслить ключевые теоретические понятия. Представление о тексте продвижения формируется с опорой на концепции Л.В. Уховой [Ухова, 2018], Е.Г. Борисовой [Борисова, 2019], Е.В. Быковой [Быкова, 2011] и др.

В этом же сегменте научного дискурса создаются теоретические основания концепции речевого воплощения категории оценки в медиадискурсе, основания которой были заложены в публикациях Л.Р. Дускаевой [Дускаева, 2014; 2015], Н.С. Цветовой [Цветова, 2016], А.В. Самсоновой, [Самсонова, 2018], Е.М. Вольф [Вольф, 2009] и др.

Цель работы состоит в выявлении особенностей речевой репрезентации эстетической оценки в совокупном тексте продвижения исторической реконструкции бала, представленном в формате интернет-сайта.

Методология. Эмпирическая база исследования – совокупный текст сайта, созданного в 2022 г. петербургской командой «Бальные истории прошлого» для людей, посещающих балы или увлекающихся этой темой. На сайте опубликованы культурно-просветительские тексты соответствующей тематики [Захарова, 1999, с. 88], фрагменты научно-популярных изданий, информирующих о национальной бальной культуре [Лотман, 2022, с. 134], осведомительные модульные тексты и отзывы гостей современных балов.

Все эти публикации на одном специализированном сайте рассматриваются нами как совокупный медиатекст, обладающий единой коммуникативной направленностью, обусловленной определенной потребностью модератора и возможностями канала трансляции. Сверхзадачей данного совокупного медиатекста является продвижение исторической реконструкции бала, что заставляет, вслед за Л.В. Уховой, воспринимать его как коммуникативную единицу, функционирующую в уникальном городском маркетинговом пространстве. Тексты для сайта подбирались с учетом предпочтения гостей современных балов, чтобы удовлетворить их потребности в информации, в связи с чем в структуре сайта выделяются несколько разделов: история бала, история бального дресс-кода, бальный этикет, схемы и видео танцев, календарь ближайших балов в Санкт-Петербурге, отзывы гостей балов.

Отбор текстов для сайта осуществлялся по следующим критериям:

- 1) соответствие информационному запросу целевой аудитории;
- 2) историческая корректность (для научно-популярных текстов по истории балов, дресс-кода и т.д.);
- 3) достоверность информации, отраженной в модульных компонентах сайта, например даты следующих балов (отбор требует от создателей сайта сверки нескольких источников).

Ключевые характеристики данного текста формируются под влиянием оценочной интенциональности, если рассматривать интенциональность вслед за авторитетными учеными как «категорию, в состав которой входят такие психологические феномены, как желание, намерение, принятие решения, планирование, попытка, направленные на совершение действия и достижение определенного результата» [Соскина, Хорольская, 2009, с. 57].

Текстовому воплощению оценочной интенции посвящена работа Е.М. Вольф «Функциональная семантика оценки», в которой определена структура оценки, представленная несколькими элементами, – субъект оценки и ее объект, связанные оценочным предикатом. Субъектом оценки выступает лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка, а объект оценки – это лицо, предмет, событие, к которым относится оценка. Субъект или объект оценки зачастую соединяются аксиологическими предикатами мнения, ощущения, восприятия. Важной особенностью оценки, по мнению Е.М. Вольф, является субъективный фактор, взаимодействующий с объективным, который предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к самому объекту

(например, «нравится/не нравится», «ценить/не ценить», «одобрять/не одобрять» и т.п.). Объективный (дескриптивный, признаковый) компонент оценки ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносится оценка [Вольф, 2009, с. 11].

Известно, что Н.Д. Арутюнова выделяет несколько типов оценочных значений: общеоценочное – реализуется с использованием прилагательных *хороший* и *плохой*, а также с их синонимами. Частно-оценочных значений несколько: сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (*приятный, вкусный, привлекательный, душистый*); психологические, а именно интеллектуальные (*интересный, увлекательный*), банальные и эмоциональные (*радостный, желанный, приятный*); этические (*моральный – аморальный, добрый – злой, добродетельный – порочный*); утилитарные (*полезный, вредный*); нормативные (*правильный – неправильный, здоровый – нездоровый*); телеологические (*эффективный – неэффективный, удачный – неудачный*); наконец, эстетические (*красивый, прекрасный*) [Арутюнова, 1988, с. 44].

Для нас принципиально важным является идея Л.Р. Дускаевой о прагматических основаниях функционирования разнотипных оценочных значений в медиадискурсе:

- общие, сенсорно-вкусовые и психологические оценки востребованы при изложении фактов, поскольку сопровождают стадию обработки сведений о мире;
- сублимированные и рационалистические оценки используются в аналитических текстах при познании динамики происходящего;
- разные виды оценок используются для подтверждения сублимированных и рационалистических оценок, которые даны установленным в ходе журналистского анализа свойствам ситуаций или явлений в социальной жизни и т.д. [Дускаева, 2014].

Объект описания в анализируемом нами совокупном тексте обладает сразу несколькими эстетически значимыми характеристиками: гармоничностью, приверженностью традициям, историчностью и т.д. При продвижении исторической реконструкции бала авторы соответствующих медиатекстов ориентируются именно на эти характеристики, что заставляет нас обратить внимание на речевую презентацию именно эстетической оценки. Объектом эстетической оценки в интересующем нас медиатексте является пиар-событие, рассматриваемое в современной гуманитаристике в системе event-мероприятий, основным требованием к которым можно считать их соответствие хорошо осознанной цели продвижения, т.е. высочайший прагматизм.

Опираясь на работы авторитетных ученых, мы признаем уникальность эстетической оценки как обозначения эстетической ценности, значимости объекта, фиксации особенностей его эстетического восприятия. В то же время мы учитываем достаточно высокую степень прагматизма эстетической оценки, транслируемой в медиапространстве в целом, в текстах продвижения в частности.

В нашем случае в роли субъекта эстетической оценки исторической реконструкции бала могут выступать организаторы мероприятий, формирующие оценочное поле для участников бала, сами участники под воздействием образа, который был навязан организаторами мероприятия, а также авторы пиар-, исторических, научно-популярных и культурно-просветительских текстов, специализированных блогов, которые в том или ином варианте используются модераторами мероприятия при создании специализированного совокупного медиатекста.

В ходе выявления критериев эстетической оценки мы обнаружили в научной литературе несколько проблем. Главная из них: критерии этого типа оценки создаются не просто с учетом, но на основе эмоциональных переживаний [Малевинский, Ахмадзаи, 2018], что затрудняет их систематизацию и структурное описание.

Л.Р. Дускаева основным критерием эстетической оценки художественного произведения определяет «соответствие изображения и стоящего за ним объекта некоей художественной цели, что можно признать абсолютно верным. <...> В этом случае эстетическая оценка включает: а) указание на знаки оценки выделенных свойств; б) сопоставление особенностей воспроизведения с замыслом создателя; в) образную интерпретацию художественного материала; г) передачу эмоционального отклика, состояния, вызванного восприятием произведения» [Дускаева, 2015, с. 33].

Но объект оценки в нашем случае иной, поэтому мы в первую очередь ориентируемся на более общую типологию эстетических критериев, предложенную И. Цвердахели, который считает, что все критерии эстетической оценки могут подразделяться на формальные и содержательные. Формальные критерии – гармоничность, симметрия, порядок, ритм. Содержательные критерии: подлинность, идентичность, функциональность, уместность, соответствие, разнообразие, экологическая выносливость [Гуревич, 2003, с. 234].

Кроме того, наш эмпирический материал, включающий модульные тексты, визуальные текстовые компоненты, заставляет учитывать замечание С.О. Малевинского и С.А. Ахмадзаи, обративших внимание на существование таких оценочных критериев, «которые применяются для оценки расцветки объектов эстетической оценки и тех, что используются для характеристики их внешних контуров, строения, пропорций» [Малевинский, Ахмадзаи, 2018]. Критерии первого типа раскрываются при восприятии гармонирующих и негармонирующих цветов (удовольствие или неудовольствие). Критерии второго – это производные от эстетического восприятия форм различных материальных предметов (в первую очередь человеческого лица и тела).

Наконец, при анализе эстетической оценки исторической реконструкции бала в совокупном тексте продвижения необходимо учитывать наличие в семантике оценочных средств элементов, которые формируют косвенное побуждение к участию в оцениваемом событии, основанное на чувстве сопричастности. Это чувство может формироваться у адресата в случае, если потребительские характеристики оцениваемого события будут презентованы как эстетически значимые.

К таким характеристикам традиционно относят оригинальность события, его соответствие определенному стилю, наличие художественных характеристик, композиционную завершенность и целостность.

С учетом всех этих замечаний, идей, положений, концепций мы склонны думать, что критериями эстетичности исторической реконструкции бала можно считать:

1) полноту и органичность по отношению к историческому канону того сценария, по которому осуществляется проведение бала (бал – это сложносоставное мероприятие: от двух и более танцевальных отделений, фуршет и ужин, музыкальные номера, дополнительные увеселительные (развлекательные) мероприятия для участников);

2) стилевую определенность оцениваемого события, которая проявляется уже на этапе распространения модульных текстов (объявлений и пригласительных билетов), в соблюдении дресс-кода, воссоздании костюмов, музыкальном сопровождении);

3) соответствие бального пространства сложившимся в массовом сознании культурно-историческим стереотипам (площадкой мероприятий должны выступать интерьеры дворца, дворянского особняка или загородной усадьбы);

4) гармоничность бального пространства как эстетического феномена, все характеристики которого существуют в гармоничном единстве (цветовые доминанты, использование интерьерных деталей и т.п.);

5) степень воссоздания высокой национальной коммуникативной культуры, т.е. соответствие реконструируемой коммуникативной модели определенным этикетным требованиям, которое проявляется в речевом поведении персонажей и организаторов исторической реконструкции бала.

Как верно отмечает О.Н. Иванищева [Иванищева, 2022, с. 73], художественное сознание может выступать в качестве системного ценностного представления в сложившейся социокультурной ситуации понимания и отражения в эстетических категориях мира, общества, человека.

Результаты исследования. Статистическая обработка лексических средств выражения эстетической оценки бала дает следующие результаты. В 52 % эстетическая оценка выражается различными **прилагательными**, самые популярные: *прекрасный* (567 случаев), *великолепный* (432 случая), *потрясающий* (365 случаев), *грандиозный* (124 случая), *роскошный* (98 случая), *оригинальный* (56 случаев) и т.д. Наиболее частотные виды оценочных прилагательных: **аффективные** (*великолепная белая Николаевская зала, прекрасную организацию бала*), **общеоценочные** (*прекрасные платья у дам*), **качественно-относительные** (*оригинального русского костюма, какие богатые сарафаны из бархата, шелка, индийских тканей, какое разнообразие цветов*).

Далее по убыванию частотности идет класс **наречий** (35 %): *красиво* (67 случаев), *гармонично* (51 случай), *шикарно* (23 случая) (*очень гармонично смотрелись музыканты, когда пары кружились по паркету*).

Самая непопулярная в интересующем нас отношении лексическая группа – **существительные** (13 %): *мастер* (9 случаев), *молодец* (3 случая), *красавицы* (2 случая).

Полученные нами результаты подтверждают наблюдение Н.С. Цветовой о том, что ядром «системы речевых средств, используемых для выражения эстетической оценки, <...> являются выразительные средства» [Цветова, 2018, с. 191]. **Метафоры** используются в 45 % оценочных фрагментов (*поэзия бального костюма, блеск русского костюма, мерцающее пламя, волшебное сияние*). Высокой частотностью обладают развернутые метафоры (*звездой этого вечера можно назвать танцмейстера, который то лавировал между пар, то скакал полькою со всеми; гости собирались горстями*).

В заголовках самый популярный тип оценочных средств – **прецедентные феномены**:

– поэтические цитаты (67 %) – *Средь шумного бала, случайно* (из стихотворения А.К. Толстого). *Открылся бал. Кружась, летели четы молодые за четой* (строчки из стихотворения Одоевского А.И. «Бал»);

– названия художественных и публицистических произведений (31 %) – *После бала* (из рассказа Л.Н. Толстого «После бала»);

– трансформация фразеологизмов (2 %) – *Мазуркой бал не испортишь* (ср. с поговоркой «Кашу маслом не испортишь») – замена компонента.

Проанализированный нами материал заставляет сделать вывод о том, что выбор оценочных средств в значительной степени зависит от жанровой принадлежности того или иного текстового фрагмента. Нами было проанализировано более двадцати текстов разной жанровой принадлежности, опубликованных на сайте. Мы получили следующие результаты. Большинство примеров использования эстетической оценки (67 %) встречается, как правило, в отзывах, в более свободных по структуре и стилистике текстах, которые написаны под воздействием особого эмоционального состояния, переживаемого под влиянием только что завершившегося события. Авторы отзывов оценивают гармоничность бального пространства, полноту и органичность по отношению к историческому канону и т.д.

Спасибо всем участникам и организаторам за невероятный бал, душевную атмосферу, красоту, эстетику и великолепие (отзыв гостя после бала «Сказочные истории» 25 мая 2019).

Большое спасибо организаторам, музыкантам, фотографам за такой чудесный бал! Мягкое, деликатное звучание музыкантов стало приятным сюрпризом (отзыв гостя после бала «Рождественские истории» 25 мая 2019).

В исторических текстах (например, [Петровский, 1825]) примеры эстетической оценки встречаются реже. Такие примеры были обнаружены нами только в 10 % оценочных фрагментах. Так, эстетическая оценка используется в описаниях бальных костюмов, при презентации танцевальных фигур, при общем оценивании бального церемониала:

В XII–XIII вв. особой изысканностью отличалась придворная жизнь Лотарингии и Тюрингии (История балов).

Как правило, в научно-популярных и культурно-просветительских текстах эстетическая оценка мотивируется. Для мотивации используются комментарии, в которые включаются изобразительно-выразительные средства.

Приведем наиболее типичный пример из «Истории балов», опубликованной на сайте: *Простой бал – простая пляска, требующая немногих шагов и приятств, приобретенных добрым воспитанием, составляет всю цель этих спектаклей. В торжественных случаях удобное прибежище для людей без воображения.*

В данном случае основным средством трансляции эстетической оценки самого распространенного типа балов – *простого бала* – становится метафора *простая пляска*, семантика которой уточняется в метафорическом комментарии *удобное прибежище для людей без воображения*.

При трансляции оценки в этом типе текстов используются устаревшие лексико-грамматические ресурсы, что функционально значимо, поскольку такая оценка становится средством формирования особой атмосферы, которая должна соответствовать представлению о балах.

В анализируемом случае в полном соответствии с требованиями к речевой форме культурно-просветительских жанров эстетическая оценка разворачивается с помощью прецедентного высказывания, оценочная позиция автора усиливается сравнением:

На публичных балах не было, как ныне, «много великолепия без искусства, великих пышностей без замысла и расточительности без увеселения» (История балов).

Мастерство организаторов исторических балов оценивается с помощью речевого стереотипа, который выражает восторг, восхищение, мотивируется развернутым описанием, в смысловой структуре которого доминируют прилагательные, фиксирующие дворцовое великолепие танцевального зала:

Организация бального пространство была выше всяких похвал. Его освещали двадцать посеребренных бронзовых люстр с хрустальными подвесками и двадцать четыре торшера из позолоченной бронзы (История балов).

Также эстетическая оценка может подчеркиваться усилением отрицания. Здесь же автор выделяет дополнительные критерии соответствия программы бала ожиданиям гостей:

Танцевальная программа была составлена филигранно, нисколько не погрешив ни против хорошего вкуса, ни против традиций (История балов).

С нашей точки зрения, на основании полученных результатов может быть создан специализированный банк оценочных средств и своеобразный пассивный сценарий эстетического оценивания исторической реконструкции бала, который при трансформации по оригинальным моделям поможет авторам сайта усилить его воздействующий потенциал.

Выводы. При анализе совокупного текста специализированного сайта, целью которого является продвижение исторической реконструкции бала, мы пришли к выводу, что речевая репрезентация эстетической оценки в совокупном тексте

продвижения обусловлена его сверхзадачей, жанровыми характеристиками компонентов, ориентацией коллективного автора на ожидания аудитории, уровнем его речевой компетентности.

Наиболее активно оценочную лексику используют авторы отзывов, в которых для трансляции авторских эмоций чаще всего применяются качественные прилагательные. Но данный жанр демонстрирует стереотипность подхода к отбору оценочных средств, ориентацию на ожидания аудитории и невысокую речевую компетентность авторов.

В иных текстовых компонентах для трансляции эстетической оценки чаще всего используются изобразительно-выразительные средства (эпитеты, метафоры, устаревшие слова и выражения, разного типа прецедентные феномены и т.п.). Их функционирование осложняется уникальными возможностями по созданию особой атмосферы исторической реконструкции национальной бальной культуры, которая с успехом может использоваться при конструировании имиджа северной столицы как пространства, удовлетворяющего запрос массовой аудитории на особый формат презентации исторического знания в особом культурном пространстве, предоставляющем разнообразный набор ролей и масок.

Представляется, что одним из вариантов работы авторов по усилению воздействующего потенциала анализируемого текста может стать создание сценария эстетического оценивания исторической реконструкции бала, основными компонентами которого могут стать критерии оценки, фонд речевых оценочных средств.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (Оценка. Событие. Факт). М.: Наука, 1988. 47 с.
2. Борисова Е.Г. Рекламный текст с позиций адресата // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: кол. монография / под ред. Е.Г. Борисовой и Л.Г. Викуловой]. М.: Флинта, 2019. 345 с.
3. Быкова Е.В. Модульный текст в семиотическом аспекте // Записки Горного института. 2011. Т. 193. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modulnyy-tekst-v-semioticheskom-aspekte> (дата обращения: 20.06.2022).
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Челышевой. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 11–12.
5. Гуревич П.С. Культурология. М.: Проект, 2003. 336 с.
6. Дускаева Л.Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-otsenochnyh-kommunikativnyh-deystviy-v-zhurnalistskom-kulturno-prosvetitel'skom-diskurse> (дата обращения: 23.03.2023).
7. Дускаева Л.Р. Отражение эстетической оценки произведений искусства в арт-медиадискурсе // Культура/Culture. 2015. № 12.
8. Захарова О.Ю. Русский бал XVIII – начала XX века. Танцы, костюмы, символика. М.: Журналист, агентство «Гласность», 1999.
9. Иванищева О.Н. Рецензия на книгу: Самсонова А.А. «Арт-журналистика. Речевые техники оценивания произведения искусства». Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 118 с. // Сибирский филологический форум. 2022. № 4. С. 73–76. URL: <http://sibfil.ru/index.php/sibfil/article/view/290/214>

10. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). М.: Иллюминатор, 2022. С. 234.
11. Малевинский С.О., Ахмадзаи С.А. Эстетические оценки и их языковое выражение // Культурная жизнь юга России. 2018. № 3 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskie-otsenki-i-ih-yazykovoe-vyrazhenie> (дата обращения: 05.02.2023).
12. Петровский Л. Правила для благородных общественных танцев. Харьков, 1825. 236 с.
13. Самсонова А.А. Оценивание произведения искусства в журналистском тексте (на примере романа Е. Водолазкина «Лавр») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenivanie-proizvedeniya-iskusstva-v-zhurnalistskom-tekste-na-primere-romana-e-vodolazkina-lavr> (дата обращения: 23.03.2023).
14. Соскина С.Н., Хорольская Е.С. К вопросу о модальности, интенции и интенциональности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-modalnosti-intentsii-i-intentsionalnosti> (дата обращения: 03.02.2023).
15. Ухова Л.В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018 № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvigayuschiy-tekst-ponyatie-osobennosti-funktsii> (дата обращения: 12.02.2023).
16. Хороший тон: сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной: в пяти отделах. Спб.: Издание Германа Гоппе, 1881. 321 с.
17. Цветова Н.С. Арт-медиадискурс // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2018.
18. Цветова Н.С. Эстетика медиаречи: к вопросу о лингвостилистическом статусе проблемы // Верхневолжский филологический вестник. 2016 № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetika-mediarechi-k-voprosu-o-lingvostilisticheskom-statuse-problemy> (дата обращения: 12.02.2023).

Сведения об авторе

Маслеева Виктория Валерьевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: Enriel-252@yandex.ru

AESTHETIC EVALUATION IN THE CUMULATIVE TEXT PROMOTING THE HISTORICAL BALLROOM RECONSTRUCTION

V.V. Masleeva (Saint Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article considers the cumulative text of the St. Petersburg Internet site dedicated to the historical ballroom reconstruction. Evaluation is recognized as the basic characteristic of the analyzed text.

The purpose of the article is to identify the features of speech representation of the aesthetic evaluation dominating in the semantic structure.

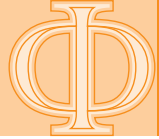
Methodology. With the help of statistical processing, lexical means of expressing aesthetic evaluation were analyzed in cultural and educational texts, in fragments of popular scientific publications informing about the national ballroom culture, in informative modular texts and reviews of guests of modern balls.

Research results. The speech representation of aesthetic evaluation in the cumulative text of the promotion is due to its extra-task, the genre characteristics of the components, the orientation of the collective author to the expectations of the audience.

Keywords: *historical ball, aesthetic evaluation, means of promotion.*

References

1. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings (Assessment. Event. Fact). Moscow: Science, 1988. 47 p.
2. Borisova E.G. Advertising text from the position of the addressee // Marketing linguistics. Regularities of the promoting text: a collective monograph / Ed. by E.G. Borisova, L.G. Vikulova. Moscow: Flinta, 2019. 345 p.
3. Bykova E.V. Modular text in semiotic aspect // Notes of the Mining Institute. 2011 Vol. 193. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modulnyy-tekst-v-semioticheskom-aspekte> (access date: 06.20.2022).
4. Wolf E.M. Functional semantics of evaluation / Introduction by N.D. Arutyunova, I.I. Chelysheva. Ed. 4. Moscow: Book House "LIBROCOM", 2009. P. 11–12.
5. Gurevich P.S. Culturology. Moscow: Project, 2003. 336 p.
6. Duskaeva L.R. Expression of evaluative communicative actions in journalistic cultural and educational discourse // Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. 2014. No. 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-otsenochnyh-kommunikativnyh-deystviy-v-zhurnalistskom-kulturno-prosvetitel'skom-diskurse> (access date: 03.23.2023).
7. Duskaeva L.R. Reflection of the aesthetic evaluation of works of art in the art media discourse // Culture. 2015. No. 12.
8. Zakharova O.Yu. Russian ball of the XVIII – early XX century. Dances, costumes, symbols. Moscow: Journalist, agency "Glasnost", 1999.
9. Ivanischeva O.V. Book review: Samsonova A.A. "Art journalism. Speech techniques for evaluating works of art". Saint. Petersburg: Aleteya, 2021. 118 p. // Siberian Philological Forum. 2022. No. 4. P. 73–76. URL: <http://sibfil.ru/index.php/sibfil/article/view/290/214>
10. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century). Moscow: Porthole, 2022. P. 234.

11. Malevinsky S.O., Akhmadzai S.A. Aesthetic assessments and their linguistic expression // Cultural life of the South of Russia. 2018. No. 3 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskie-otsenki-i-ih-yazykovoe-vyrazhenie> (access date: 05.02.2023).
12. Petrovsky L. Rules for noble public dances. Kharkov, 1825. 236 p.
13. Samsonova A.A. Evaluation of a work of art in a journalistic text (on the example of E. Vodolazkin's novel "Laurel") // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2018. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenivanie-proizvedeniya-iskusstva-v-zhurnalistskom-tekste-na-primere-romana-e-vodolazki-na-lavr> (access date: 03.23.2023).
14. Soskina S.N., Khorolskaya E.S. On the question of modality, intention and intentionality // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2009. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-modalnosti-intentsii-i-intentsionalnosti> (access date: 03.02.2023).
15. Ukhova L.V. "Promoting text": concept, features, functions // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2018 No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvigayuschiy-tekst-ponyatie-osobennosti-funktsii> (access date: 12.02.2023).
16. A good tone collection of rules and advice for all occasions of social and family life. In five departments. St. Petersburg: Published by Herman Goppe, 1881. 321 p.
17. Tsvetova N.S. Art-media discourse // Media linguistics in terms and concepts: dictionary / Ed. by L.R. Duskaeva. Moscow: Flinta, 2018. P. 191.
18. Tsvetova N.S. Aesthetics of media speech: on the issue of the linguistic-stylistic status of the problem // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2016 No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetika-mediarechi-k-voprosu-o-lingvostilisticheskom-statuse-problemy> (access date: 12.02.2023).

About the author

Masleeva, Victoria Valeryevna – PhD Candidate, St. Petersburg State University St. Petersburg, Russia); e-mail: Enriel-252@yandex.ru

УДК 811.161.1'37

КОРОНАВИРУС КАК ЯЗЫКОВОЙ УЧАСТНИК СИТУАЦИИ «ПАНДЕМИЯ» (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕДИАТЕКСТОВ)

Чжан Юнсян (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье обсуждается *проблема* представленности языковой ситуации «Пандемия», ставшей за последние годы отдельной актуальной темой СМИ.

Цель проводимого исследования – исчисление семантических ролей одного из «участников» названной языковой ситуации – *коронавируса* – в русскоязычной медиакартине мира с учетом текстового *материала*, интернет-публикаций изданий «Комсомольская правда», «LIFE», «РБК», «Газета.ру», «Росконгресс» и РИА «Новости». В фокусе внимания оказывается содержательная сторона высказываний, включающих типичные номинации выделенного элемента: *коронавирус, вирус, ковид* и др.

Методология исследования. В качестве основного научного подхода в лингвистических границах выбран *метод* семантического, в частности семантико-синтаксического, анализа высказывания и текста в целом, а в качестве *научной базы* – научные исследования, посвященные изучению «пандемийной темы» в разного рода текстах и в системе языка.

Результаты исследования показывают, во-первых, разнообразный ролевой репертуар семантических ролей *коронавируса* (субъект, посессор, каузатор, деструктив, контрагенс, средство, объект, объект характеристики и др.), во-вторых, присутствие *коронавируса* как языкового участника в нескольких предметных сферах (социальной, научной и физической), в-третьих, факт «предпочтения» того или иного ролевого типа определенной сферой; так, в языковых ситуациях, отнесенных к социальной сфере, *коронавирус* чаще выбирает роли активного субъекта, а в научной сфере – оказывается в специфической позиции объекта интеллектуальных действий.

Заключение. В целом *коронавирус* осмыслен в медиакартине мира как один из ключевых элементов глобальной ситуации «Пандемия», который ярко и разнообразно проявляет себя в различных языковых сценариях.

Ключевые слова: *коронавирус, семантическая роль, медиакартина мира, социальная сфера, научная сфера, языковая ситуация, характеристика, пропозиция.*

Постановка проблемы. В отечественной лингвистике «пандемийная» и «коронавирусная» темы популярны начиная с 2020 г. Сотни новых лексем влились в национальные языки для того, чтобы описать новый режим существования человеческой цивилизации. Весь этот языковой фонд работает на оформление языковой ситуации «Пандемия», влияющей на сознание массового адресата СМИ.

С учетом сказанного *цель* проводимого исследования – исчисление семантических ролей одного из «участников» названной языковой ситуации – *коронавируса* – в русскоязычной медиакартине мира; соответственно, *коронавирус* определен как *объект* исследования. Репрезентантами данного участника являются несколько лексем: *коронавирус, вирус, ковид, корона, COVID-19, COVID, SARS-Cov-2, SARs.*

Методология (материалы и методы). Материалом анализа стали интернет-публикации изданий «Комсомольская правда», «LIFE», «РБК», «Газета.ру», «Росконгресс» и РИА «Новости» (см. список источников), посвященные настоящему и будущему пандемии коронавируса и показывающие, какое место в описании пандемии отведено ее первопричине.

Автора данной статьи интересует прежде всего содержательная сторона номинаций коронавируса в высказывании. Такой подход должен помочь понять, как осмыслен названный языковой участник медиасознанием и какое место отведено ему в общем представлении о пандемии.

В качестве основного научного подхода в лингвистических границах выбран метод семантического, в частности семантико-синтаксического, анализа высказывания и текста в целом, когда главным оказывается исследование сочетаемости *коронавируса, вируса* и под. в первую очередь с глаголами и именами, а также содержания этой сочетаемости. Такой подход принят в работах по семантическому синтаксису, лексической семантике и когнитивной лингвистике [Арутюнова, 1999; Логический анализ языка, 1991; 1992; 2000; 2019; Васильев, 2023; и мн. др.], в которых особое внимание уделено типологии языковых участников и ролей, или актантов. Их анализ помогает понять не только общую структуру языковой ситуации, но и ее содержательное наполнение [Шмелева, 1994].

Обзор научной литературы. Вышеобозначенную научную базу актуализируют исследования, посвященные изучению «пандемийной темы» в разного рода текстах и в системе языка.

Назовем в этой связи коллективную монографию «Русский язык коронавирусной эпохи» и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», которые опубликовал Институт лингвистических исследований Российской академии наук в Санкт-Петербурге в 2021 г., а также сборник «Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное», включивший материалы Международной научной конференции, прошедшей в Нижнем Новгороде в октябре 2020 г.

В сборнике «Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное» анализу отдельных языковых явлений в эпоху коронавируса посвящают свои статьи ряд авторов [Активные процессы..., 2021]. Так, О.И. Северская пишет об универсальном и национальном в коронавирусной лексике [Северская, 2021], а Т.Б. Радбиль – о лексеме *самоизоляция* как о неологизме в русской речи новейшего периода [Радбиль, 2021]. Одни авторы обращают внимание на активизацию словообразования в эпоху пандемии коронавируса в целом: подобным образом рассуждают Й. Митурска-Бояновска [Митурска-Бояновска, 2021] и Е.Н. Геккина [Геккина, 2021]. Другие авторы фиксируют ту же тенденцию, ориентируясь на конкретные и частные примеры: И. Палоши рассуждает о словообразованиях типа *пересамостояизоляция – недокарантин* [Палоши,

2021], а О.Л. Куликова – о деривационных возможностях лексемы *корона* в ироничном заголовке *Коронавирус и Коронабелорус* [Куликова, 2021].

В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» представлено около 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020–2021 гг. Для 1000 наиболее значимых для текущей языковой ситуации слов дано лексикографическое описание, около 2500 слов приведены без словарной обработки¹.

В монографии «Русский язык коронавирусной эпохи» описаны динамические процессы, произошедшие в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 [Русский язык коронавирусной..., 2021]. Названный коллективный труд наиболее комплексно отражает языковые процессы в эпоху пандемии, а его авторы – российские и зарубежные ученые – системно анализируют пандемийную неологию, яркое словотворчество, интенсивную языковую игру, происходящую на просторах интернета и современных массмедиа; обзор наиболее значимых наблюдений и выводов как итога этой большой работы представлен в [Чжан Юнсян, 2022].

Кроме перечисленных выше коллективных трудов, существует много журнальных публикаций по теме. Для автора данной статьи полезными, в частности, были выводы исследования В.Е. Замальдинова, подробно обсуждающего узуальные и окказиональные способы словообразования от лексем *коронавирус*, *вирус*, *ковид* и *корона*. Ученый обращает внимание на оценочность новообразований, а также на то, что они акцентируют внимание на актуальных социополитических проблемах общества, которые возникли или усилились в связи с пандемией [Замальдинов, 2020].

Можно говорить о том, что лингвистическое сообщество оперативно отреагировало на вызов времени и осмыслило «пандемийную»/«коронавирусную» тему по возможности полно и детально. В последние годы вышло множество отдельных статей, а также совместных работ, посвященных влиянию социального явления пандемии коронавируса на языковую систему.

Результаты исследования

1. Первичное знакомство с медийным материалом заставило обратить внимание на то, что в ряде проанализированных публикаций фиксируется неопределенность знания об изучаемом объекте: коронавирус – это *вирус*, о котором до сих пор многое остается неизвестным. В некоторых же случаях делается запрос на определение данного явления: *Давайте для начала ответим на вопрос, что такое коронавирус. Не с эпидемиологической, а с социальной точки зрения*. Несмотря на общую неполноту информации, авторы публикаций выделяют несколько сторон явления: эпидемиологическую и социальную, – дополняя их информационным аспектом: *Говоря об эпидемии, мы должны различать вирус и информационный вирус*.

¹ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2021. 550 с.

Такое комплексное осмысление *коронавируса* находит подтверждение в содержательной структуре высказываний, которые его характеризуют. Ср.:

Вирус <...> живое существо; Вирусы – это отдельная ветвь жизни на Земле; CoViD-19 является серьезной эпидемией по типу тяжелого гриппа с осложнениями на легкие; У абсолютного большинства болезнь будет протекать бессимптомно; К осени, надо полагать, коронавирус перестанет представлять какую-либо реальную опасность – физическая сфера.

Вирусы – это автономные геномы только попадая в какую-то чужую клетку; И такая ситуация со всеми вирусами человека, все они – это бывшие зоонозы; Вирусы еще называют облигатными клеточными паразитами, поскольку их геном, упакованный в капсид, может размножаться; Он [вирус] стал научной загадкой для мирового академического сообщества – научная сфера.

Сегодня некоторые мировые лидеры уже называют коронавирус едва ли не самой страшной угрозой со времен Второй мировой войны; Главный виновник плохого настроения – коронавирус; Вирус раздора – социальная сфера.

Во всех приведенных примерах *вирус* является **объектом характеристики**. При этом важны два момента. Во-первых, характеристики в содержательном аспекте разделяются по трем сферам: физическая сфера, научная сфера и социальная сфера. Во-вторых, большинство характеристик физической и научной природы помещаются в пропозицию таксономической характеристики [Шмелева, 1994, с. 20]. Она указывает на принадлежность объекта к какому-либо классу или типу (*существо, ветвь жизни, геномы*) и является объективной. В-третьих, все выявленные характеристики *вируса*, имеющие социальное содержание (*угроза, главный виновник, раздор*), и единичные «физические» и «научные» характеристики (*опасность, научная загадка*) находятся в составе пропозиции качественной характеристики. Она указывает на особые признаки объекта, связана с оценкой и поэтому часто субъективна.

Таким образом, в медиатекстах *вирус* осмыслен как объект характеристики, принадлежащий трем содержательным сферам – социальной, научной и физической.

Его описания как физического явления естественны и предсказуемы, поскольку соответствуют самой его природе в наибольшей степени. Сосредоточимся на анализе представленности коронавируса как социального и научного феномена, что кажется более интересным. Рассмотрим далее семантические роли коронавируса с учетом сказанного.

2. Социальная сфера. Помещая *коронавирус* в социальную сферу, языковое сознание признает либо не признает его существование, а в случае признания отмечает фазы этого существования. Ср.:

США и Китай пытаются повесить друг на друга ответственность за появление вируса и высылают журналистов по обвинениям в дезинформации вместо того, чтобы сотрудничать в производстве вакцины и передаче

необходимого оборудования; Обследования на выявление наличия вируса в организме, возможно, станут частью жизни; Когда и чем закончится пандемия COVID-19, нам еще предстоит узнать.

Начнут требовать справки, что у вас нет этого вируса.

Таким образом, *коронавирус* осмысливается как **объект существования** и оформляется в форме родительного падежа при отглагольных существительных.

Та же языковая форма используется, когда *коронавирус* представлен как **посессор**, который осмыслен как языковой участник, которому «принадлежат»:

– то или иное положение дел: *Для сдерживания его [вируса] распространения понадобился политический ответ в виде искусственно спровоцированной экономической катастрофы; Соотношение сил между государствами существенно скорректируется, причем связано это будет <...> с эффективностью реакции на распространение вируса в каждом отдельном государстве; Пандемия коронавируса является проблемой трансграничной; Страны справятся со вспышкой коронавируса;*

– определенные состояния, качества, атрибуты: *Опыт коронавируса показал, что за свободу, право самостоятельно принимать решения, иметь собственную позицию и жить своей, а не навязанной жизнью люди цепляться не будут; Упор был сделан на всеобщее тестирование, добровольную отчетность и сотрудничество с <...> общественностью <...> ведь люди сами понимают опасность вируса и соблюдают правила гигиены; Неспособность ООН к выработке какого-либо решения по урегулированию данной кризисной ситуации вследствие разногласий по поводу названия вируса и отсутствие решения Совета Безопасности.*

Впрочем, идея принадлежности коронавирусу каких-либо характеристик, атрибутов или ситуаций может оформляться и другими, предложно-падежными, формами: *К январю 2021-го человечество выработает иммунитет к вирусу* (предлог к и дательный падеж); *В истерии вокруг коронавируса кто-то заинтересован.* *Нынешняя эпидемия действительно решает ряд проблем [социально-экономических] (предлог вокруг и родительный падеж); Чем вся эта история с коронавирусом закончится для экономики, непонятно (предлог с и творительный падеж).*

О наличии в репертуаре *коронавируса* роли **субъекта** заставляет говорить контекст, где данный участник олицетворен и представлен через антропоморфную метафору как человек, имеющий свое лицо: *Европа <...> оказалась перед проблемой разобщенности своих действий перед лицом коронавируса.*

Однако наиболее ярко представление о субъектной природе *коронавируса* проявляет себя в случаях, когда представляющая его лексема оформляется через именительный падеж в составе глагольных словосочетаний, обозначающих:

– целенаправленное движение: *Вирус <...> привел к чрезвычайной медицинской ситуации глобального масштаба; Коронавирус унес в прошлое комфорт и блага глобализации; Вирус, который стал причиной вспышки новой болезни, на всегда войдет в историю человечества;*

– социальные действия: *Коронавирус наложилась на общую экономическую ситуацию, на нефтяной конфликт; Он [коронавирус] подводит черту под глобализацией; Произойдет перераспределение финансов в пользу этой маленькой группы [американские корпорации] <...> сам по себе коронавирус к этому отношения не имеет*, – в том числе оформленные в составе метафоры: *Коронавирус <...> поставил целый ряд стран в положение подопытных крыс*;

– ментального действия: *SARS-Cov-2 помог всем осознать: угроза нового заражения сейчас также актуальна для человечества, как и 100, 200 или 300 лет назад*.

Последние три примера заставляют воспринимать *коронавирус* как компонент, способный влиять на ситуацию. В том случае если эта характеристика воздействующего фактора оказывается главной, следует говорить о роли **каузатора**. Эта роль, например, очевидно проявляет себя в словосочетаниях с глаголом *изменить*, где описано действие «коронавирусного» субъекта (именительный падеж), направленное на глобальные объекты – *мир* или *жизнь*: *Коронавирус изменит мир; Изменит нашу жизнь коронавирус и <...> наш мир уже никогда не будет прежним*. Одновременно можно представить каузатор в пассивной позиции, когда он оформлен творительным падежом существительного, а объект каузации – именительным: *Вот сейчас мы все озабочены COVID-19*.

Другим типичным способом обобщенно обозначать каузацию, который используют, в частности для отсылки к вышесказанному, являются фразеологизированные словосочетания *вызывать последствия / ждать последствий*: *Было совершенно непонятно, почему вдруг этот вирус, в общем-то, давно известный, стал <...> вызывать такие последствия [то есть вспышку заболевания]*.

Уточнение может вводиться в пределах того же словосочетания через введение имени прилагательного – для конкретизации сферы, которую затрагивают изменения, либо оценки этих изменений. Ср.: *Политические деятели сосредоточены на преодолении пандемии и попытках оценить экономические последствия, вызванные коронавирусом; Пекин сталкивается с шокирующими последствиями, вызванными вспышкой коронавируса*.

Предельная конкретизация результата в таком случае возможна в режиме диалога, когда один участник делает запрос на информацию о результате, а другой дает однозначный ответ: – *Какие еще последствия коронавируса нас ждут? – Снижение мобильности*.

Если возникает необходимость описать возникшую ситуацию детально, подробно, то она может быть описана в основной части предложения глаголом с зависимыми от него словами. Каузатор при этом присоединяется к сказуемому с помощью предлога *из-за*, принимая форму родительного падежа: *Значительной части людей в мире из-за коронавируса пришлось отправиться на карантин или перейти на режим удаленной работы; Эксперт назвал профессии, представителей которых уволят первыми из-за коронавируса; Глобализация, которую*

уже, казалось, невозможно обратить вспять, остановилась сама собой из-за угрозы распространения заразы.

Отрицательная оценка, которую имеют большинство контекстов, описывающих коронавирус-каузатор, позволяет говорить о том, что потенциально в них содержится указание на разрушительную природу данного участника. Если же такая семантика в значении глаголов преобладает, то следует говорить о роли **деструктора**. Деструктивность в исследованном материале конкретизирована:

– как нарушение, прерывание, блокирование какого-либо действия и состояния: *Коронавирус SARS-Cov-2 <...> запер большую часть населения планеты по домам, парализовал не только социальную, но и экономическую жизнь многих государств; Мир остановился. Вирус прервал мнимое благополучие;*

– как болезнь либо смерть: *Коронавирус <...> усугубил экономическую болезнь, экономический кризис; Что же делает коронавирус, если не убивает, как чума, но загоняет целые страны в карантин.*

Обе эти идеи иногда встречаются в одном фрагменте, и тогда их деструктивное содержание взаимно усиливается: *Новый вирус уже унес более 13 тысяч жизней. Он также разрушил иллюзию устойчивости глобального мира, который казался таким прочным. В считанные дни остановилось свободное перемещение людей, товаров и капитала по всему миру.*

Маркером деструктивной роли становятся существительные урон или потери, которые описывают отрицательный результат. К ним может присоединяться форма предлога *от* в сочетании с родительным падежом коронавируса. Ср.: *Урон от него [коронавируса] оказался катастрофическим для экономики и образа жизни миллионов; Экономика России, мира от этого коронавируса в итоге сильно пострадает <...> Потери ВВП – они, однозначно, будут.*

Заметно, что во многих примерах деструктивность коронавируса акцентируется за счет языковых форм интенсификации. Ср. с предыдущими примерами: *Материальные потери от коронавируса огромны. В масштабах мира они, вероятно, превзойдут уровень Великой депрессии 1929 года. В масштабах нашей страны они, возможно, будут сравнимы с катастрофой 1990-х годов. Полностью и необратимо будет нарушен режим глобализации. Де-факто уничтожен Евросоюз <...> Закрыты и забыты храмы и даже синагоги.*

Семантика интенсивности в случае с коронавирусом, таким образом, выражается единицами практически всех знаменательных частей речи: глаголами (*превзойти, парализовать, уничтожить, опустошать, загонять*), существительными (*катастрофа, пандемия*), прилагательными (*катастрофический, разрушительный, изматывающий, огромный*), наречиями (*сильно, необратимо, беспрецедентно*) и др., а также может развиваться за счет метафорических образов коронавируса – чумы или соломинки. Ср.: *Коронавирус <...> убивает, как чума; и Коронавирус может стать соломинкой, которая переломит спину верблюду глобализации.*

Если описание пандемии переносится в план будущего, то разрушительная природа *коронавируса* может быть представлена как преодоленная. Тогда следует говорить о положительном прогнозе глобальной ситуации «Пандемия»: *Человечеству, возможно, больше и не грозят такие разрушительные и опустошающие эпидемии вирусов.*

Следующий пример: *Оказалось, что в течение двух-четырех месяцев мы способны наладить производство миллионов тестов <...> за всю историю противостояния человека и вирусов такого еще никогда не было* – демонстрирует еще одну роль субъектного типа, которая приписана *коронавирусу* в современной медиакартине мира. Это **контрагенс**, предназначение которого – отражать идею соперничества и противоборства с другим участником ситуации. В нашем случае – это человек, человечество, мир, социум, государства и т.п. субъекты «глобального» типа.

Естественно, что маркерами данной роли будут лексемы *борьба/бороться и сражение/сражаться*, концентрирующие названную идею в своем значении. Например: *Человеческих жертв от борьбы с коронавирусом, по-видимому, будет больше, чем от самого коронавируса; Уничтожить мировую экономику, разрушить глобальное пространство, ликвидировать завоеванные человечеством свободы нужно во имя святой цели – борьбы с опасным гриппом, который назвали коронавирусом; Сражение с таким соперником [коронавирусом] оказалось беспрецедентно тяжелым и выматывающим.*

Идея борьбы детализируется через описание ее отдельных этапов или моментов: *Большинство стран усилят свои сети искусственного интеллекта <...> чтобы ни один микроб, вирус <...> не могли пересечь границу незамеченными; Премьер-министр Израиля <...> издал чрезвычайный указ, по которому для поиска зараженных коронавирусом будут использовать цифровую систему по отслеживанию террористов.*

Завершением процесса становится *победа*, которая может быть оценена положительно или отрицательно, но точно соответствует модели борьбы. Ср.: *Мы победим. Скорее рано, чем позже* и *Победа над болезнью ничего уже не изменит. Фактически речь идет о невероятном ограблении мира в масштабах, которых не было очень давно.*

Типичным выражением идей *борьбы/сражения* является метафора войны. При описании пандемии она может быть отнесена на периферию высказывания и тогда расположена в зоне определений, характеризующих саму ситуацию или ее временной параметр. Ср.: *Президенты говорят о военной ситуации, а жители в панике сметают месячные запасы продовольствия; Все планы общества потребления оказались ничтожными по сравнению с новыми целями этого полувоенного времени – защиты своей страны, города, семьи. Но иногда она повышает свой статус и тогда оказывается, например, на позиции объекта, на который воздействует сам *коронавирус*: *Есть мнение, что коронавирус отсрочил Третью мировую войну <...> Он ее отменил.**

Таким образом, следует говорить о том, что в описаниях социальной сферы *коронавирус* имеет тенденцию оформляться как участник активного типа: субъект, каузатор, деструктор или контрагенс. В широких контекстах эти роли могут быть реализованы одновременно, сменяя и дополняя одна другую, как в следующем примере: *Пандемия [коронавируса – субъект] окончательно отредактирует такое понятие, как патриотизм <...> ведь война никак не поможет справиться с вирусом [контрагенс]. Главными патриотами и защитниками сейчас стали <...> врачи, медсестры, провизоры, работники магазинов, владельцы малого бизнеса. Многие из них сталкиваются с непредвиденным риском заражения [коронавирусом – каузатор] и смерти [от коронавируса – деструктор], на который они никогда не подписывались, но идут на это, потому что не могут иначе.*

В завершение анализа ролевого потенциала *коронавируса* обратим внимание на то, что он может не только менять ролевые амплуа участника, но и переходить в **темпоратив**. При этом выделенными оказываются следующие временные этапы:

– начало пандемии: *Тот формат, в котором люди жили до начала коронавируса SARS-CoV-2, уже не вернется;*

– развитие пандемии: *Арас Агаларов назвал меры, которые могут спасти российский бизнес в условиях пандемии коронавируса и падения цены на нефть;*

– период после пандемии: *Каким будет мир после коронавируса: прогнозы экспертов; Закономерный вопрос – какие именно государства могут стать ключевыми в мире «после коронавируса»; Журнал Politico также опросил видных футурологов о мире после коронавируса.*

Это значит, что, временная координата становится временным «символом» эпохи пандемии.

3. Научная сфера. Как уже говорилось, неопределенность знания является одним из смысловых акцентов, когда речь заходит о *коронавирусе*. Это подтверждает и научный контекст: недостаточность информации может осознаваться либо в отношении объекта в целом (*Вы не знаете, что это за вирус; Он (вирус) стал научной загадкой для мирового академического сообщества*), либо в отношении его отдельной составляющей (*Патогенез смертельно опасной болезни COVID-19, которую он (вирус) вызывает, до сих пор не разгадан*).

Роль **посессора** акцентирует внимание на отношениях принадлежности. Поэтому она позволяет связать с вирусом ту или иную:

– характеристику: *Капсид – внешняя оболочка вируса <...> защита генетического материала (ДНК или РНК) вируса от механических, физических и химических повреждений; Геномы всех вирусов <...> в ней [пробе], грубо говоря, «плавают»; а также штамм вируса и др.;*

– или ситуацию: *Природные очаги вирусов беспокоят ученых.*

Типичное оформление данных отношений – родительный падеж имени посессора (*вируса/вирусов*) в словосочетании, где управляющим компонентом является имя приписанной ему характеристики или ситуации. Реже посессивные отношения помещают в центр высказывания и описывают глаголом с семантикой

принадлежности; тогда имя посессора оформляется в именительном падеже, а имя приписанной характеристики или ситуации оформлено творительным падежом: *CoViD-19 <...> не обладает генетической устойчивостью.*

Контекст показывает, что научная сфера расширяет предмет рассуждений. *Коронавирус* описывается на фоне других *вирусов* и *вирусов* как живых организмов в целом. В частности, это видно на примерах использования:

– роли **субъекта** (именительный падеж), когда языковому участнику приписана способность осмысленного физического действия: *Вирусы <...> способны упаковываться в капсид;*

– либо роли **средства** (творительный падеж): *В Африке постоянно регистрируются случаи инфицирования человека вирусом оспы обезьян.*

Однако наиболее востребованной оказывается роль **объекта** (винительный/родительный падеж). Поскольку главным действующим субъектом научной сферы является ученый, исследователь, *вирусы* в целом и *коронавирус* в частности становятся объектами научного:

– открытия: *Только сейчас мы получили возможность открывать вирусы с действительно большой скоростью – десятки и сотни новых вирусов в год;*

– восприятия: *Такая ситуация продолжалась до 2010 года <...> Только тогда мы получили возможность <...> видеть <...> геномы всех вирусов;*

– описания: *С появлением новых технологий и возможностей в сфере биоинформатики, в сфере обработки больших данных – задача описать все зоонозные вирусы кажется уже вполне решаемой; Есть такая программа, она называется «Global Virome Project». Цель проекта – описать вообще все вирусы;*

– создания/не создания: *Вирус CoViD-19 НЕ СОЗДАН искусственно <...> его летальность слишком мала для летального биологического оружия и слишком велика для нелетального.*

Встречаются примеры, где в составе одного высказывания описан сразу комплекс исследовательских действий в отношении *вируса-объекта*: *Раньше было очень сложно изолировать вирус из природного очага и идентифицировать его – даже хотя бы увидеть его в микроскоп; Кстати, именно по причине высокой изменчивости от этого вируса крайне трудно, если вообще возможно, сделать вакцину и придумать этиотропное лечение.*

Еще более сложный случай – фрагменты, в которых *вирус* представлен как научный объект и одновременно как самостоятельный участник ситуации, обладающий характеристиками и активностью. Тогда пропозиции «научного действия» над ним соседствуют с пропозициями его существования, состояния и движения. Например: *Вот вы берете, например, какую-то пробу от больного. Как вы поймете, есть там вирус или нет? (объект существования) <...> Очень долго вирусологи <...> пытались найти некую модельную систему, которую можно было бы заразить и увидеть – пошел оттуда вирус или нет (субъект). Например, мыши <...> вы можете сказать, что изолировали штамм вируса (посессор). А если она не заболела? Значит ли это, что там нет вируса?*

(объект существования). *Или это значит, что просто вирус не может расти вот на этой модели?* (объект состояния).

Итак, научный контекст представляет *коронавирус* на общем фоне других *вирусов* и *вирусов* как формы жизни в целом, а предпочтительной ролью для него оказывается роль объекта, в том числе объекта научного действия.

Заключение. Результаты исследования показывают, во-первых, разнообразный ролевой репертуар семантических ролей *коронавируса*: объект характеристики, субъект, посессор, каузатор, деструктив, контрагенс, средство, объект, темпоратив.

Кроме того, *коронавирус* как языковой участник присутствует в нескольких предметных сферах: социальной, научной и физической.

Наконец, отмечен факт «предпочтения» того или иного ролевого типа определенной сферой. Так, в языковых ситуациях, отнесенных к социальной сфере, *коронавирус* чаще выбирает роли активнодействующих субъектов, а в научной сфере – оказывается в специфической позиции объекта интеллектуальных действий.

В целом *коронавирус* осмыслен в медиакартине мира как один из ключевых элементов глобальной ситуации «Пандемия», который ярко и разнообразно проявляет себя в различных языковых сценариях.

Список источников

1. Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru>
2. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily>
3. РБК. URL: <https://trends.rbc.ru>
4. РИА Новости. URL: <https://ria.ru>
5. Росконгресс. URL: <https://roscongress.org>
6. Life. URL: <https://life.ru>

Библиографический список

1. Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. 940 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Васильев А.Д. О вербальной коррекции картины мира // Сибирский филологический форум. 2023. № 1 (22). С. 4–13.
4. Геккина Е.Н. Тенденции современного русского словообразования в зеркале инноваций // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 157–165.
5. Замальдинов В.Е. «Вирусные» новообразования в современной медиакommunikации // Русская речь. 2020. № 4. С. 19–27. DOI: 10.31857/S013161170010732-4/
6. Куликова В.А. Новообразования как средство формирования иронии в заголовках текстов интернет-СМИ // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 357–164.
7. Логический анализ языка: Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 204 с.
8. Логический анализ языка: Модели действия / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1992. 166 с.

9. Логический анализ языка: Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. 856 с.
10. Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.
11. Митурска-Бояновска Й. Словообразование в русском языке в эпоху коронавируса // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 459–469.
12. Палоши И. О семантическом соотношении приставок *недо-* и *пере-* в зеркале лексики последних месяцев // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 552–560.
13. Радбиль Т.Б. Лексема *самоизоляция* как семантический неологизм в русской речи новейшего периода // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 640–648.
14. Русский язык коронавирусной эпохи: кол. монография / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2021. 610 с.
15. Северская О.И. Универсальное и национально-специфическое в коронавирусной лексике // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 755–762.
16. Чжан Юнсян. Коронавирус как лингвистический объект // Материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Красноярск, 25 мая 2022 г. [Электронный ресурс] / ред. кол.: А.П. Васильев, С.П. Васильева (отв. за вып.); Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2022. С. 61–64.
17. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. 47 с.

Сведения об авторе

Чжан Юнсян – аспирант кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: 878607884@qq.com

CORONAVIRUS AS A LINGUISTIC PARTICIPANT IN THE “PANDEMIC” SITUATION (BASED ON MEDIA TEXTS)

Zhang Yongxiang (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article discusses the problem of the representation of the “pandemic” language situation, which has become a separate topic in the media in recent years.

The purpose of the study is to calculate the semantic roles of *coronavirus*, one of the “participants” of the “pandemic” language situation in the Russian linguistic worldview taking into account textual *material*, Internet publications of “Komsomolskaya Pravda”, “LIFE”, “RBC”, “Gazeta.ru”, “Roscongress”, and RIA “Novosti”. The focus is on the content side of statements, including typical nominations of the selected element: *coronavirus*, *virus*, *covid*, etc.

The methodology (materials and methods). Therefore, the method of semantic, in particular semantic-syntactic, analysis of the utterance and the text as a whole was chosen as the main scientific approach within linguistic boundaries, and scientific research devoted to the study of the “pandemic topic” in various texts and in the language system was chosen as the scientific basis.

The *research results* show, firstly, a diverse role repertoire of the semantic roles of coronavirus (subject, possessor, causator, destructive, counterparty, means, object, object of characterization, etc.), and secondly, the presence of coronavirus as a linguistic participant in several subject areas (social, scientific, and physical), thirdly, the fact of “preference” of one or another role type by a certain sphere. Thus, in linguistic situations related to the social sphere, coronavirus more often chooses the role of an active subject, and in the scientific sphere, it finds itself in a specific position of an object of intellectual actions.

Conclusion. In general, the coronavirus is comprehended in the media picture of the world as one of the key elements of the global “pandemic” situation, which manifests itself vividly and diversely in various language scenarios.

Keywords: *coronavirus, semantic role, linguistic worldview in media, social sphere, scientific sphere, language situation, characterization, proposition.*

Source textes

1. Newspaper.ru. URL: <https://www.gazeta.ru>
2. TVNZ (Komsomolskaya Pravda). URL: <https://www.kp.ru/daily>
3. RBC. URL: <https://trends.rbc.ru>
4. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru>
5. Roscongress. URL: <https://roscongress.org>
6. Life. URL: <https://life.ru>

References

1. Active processes in the modern Russian language: national and international: Sat. scientific art. / Ed. L.V. Raciburskaya. Moscow: Flinta, 2021, 940 p.
2. Arutyunova N.D. Language and the human world. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999. 896 p.
3. Vasiliev A.D. On verbal correction of the picture of the world. In Sibirskiy filologicheskiy forum // Siberian Philological Forum. 2023. No. 1 (22). P. 4–13.

4. Gekkina E.N. Trends in modern Russian word formation in the mirror of innovation. In *Active processes in the modern Russian language: national and international: Sat. scientific art.* / Ed. L.V. Raciburskaya. Moscow: Flinta, 2021. P. 157–165.
5. Zamaldinov V.E. “Viral” neoplasms in modern media communication // *Russian speech. (Russkaya rech)*. 2020. No. 4. P. 19–27. DOI: 10.31857/S013161170010732-4/
6. Kulikova V.A. Neoplasms as a Means of Forming Irony in Headlines of Online Media Texts. In *Active processes in the modern Russian language: national and international: Sat. scientific art.* / Ed. L.V. Raciburskaya. Moscow: Flinta, 2021. P. 357–364.
7. *Logicheskiy analiz yazyka: Logical analysis of language: Cultural concepts.* Moscow: Nauka, 1991. 204 p.
8. *Logical analysis of language: Models of action.* Moscow: Nauka, 1992. 166 p.
9. *Logical analysis of language: Languages of spaces.* Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 448 p.
10. *Logical analysis of language: The concept of faith in different languages and cultures.* Moscow: Gnosis, 2019. 856 p.
11. Miturska-Bojanovska J. Word formation in Russian in the era of coronavirus. In *Active processes in the modern Russian language: national and international: Sat. scientific art.* / Ed. L.V. Raciburskaya. Moscow: Flinta, 2021. P. 459–469.
12. Paloshi I. On the semantic correlation of prefixes under- and over- in the mirror of the vocabulary of recent months. In *Active processes in the modern Russian language: national and international: Sat. scientific art.* / Ed. L.V. Raciburskaya. Moscow: Flinta, 2021. P. 552–560.
13. Radbil T.B. Lexeme self-isolation as a semantic neologism in modern Russian speech. In *Active processes in the modern Russian language: national and international: Sat. scientific art.* / Ed. L.V. Raciburskaya. Moscow: Flinta, 2021. P. 640–648.
14. *Russian language of the coronavirus era: col. monograph* / Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 2021. 610 p.
15. Severskaya O.I. Universal and national-specific in coronavirus vocabulary. In *Active processes in the modern Russian language: national and international: Sat. scientific art.* / Ed. L.V. Raciburskaya. Moscow: Flinta, 2021. P. 755–762.
16. Zhang Yongxiang Coronavirus as a linguistic object. In *Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference dedicated to the Day of Slavic Literature and Culture.* Krasnoyarsk, May 25 [Electronic resource]. Krasnoyarsk, 2023. P. 61–64.
17. Shmeleva T.V. *Semantic syntax* / Krasnoyar. state un-t. Krasnoyarsk, 1994. 47 p.

About the author

Zhang Yongxiang – PhD Candidate, Department of Modern Russian Language and Methods, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: 878607884@qq.com

УДК 808.1

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ С.А. ШАРГУНОВА «БАБУШКА И ЖУРФАК»

Чжан Вэйдун (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье на материале текста С.А. Шаргунова «Бабушка и журфак» анализируются изобразительные функции стилистически сниженной лексики.

Цель статьи – выявление функций стилистически сниженной лексики в тексте С.А. Шаргунова «Бабушка и журфак».

Методология. С помощью лексикографического анализа была выявлена стилистически сниженная лексика и определена ее художественная функция.

Результаты исследования. Путем стилистического анализа выявлено, что просторечные слова используются для характеристики героев, описания их поведения. В результате исследования автор выделяет изобразительные функции стилистически сниженной лексики: эмоционально-оценочная, функция характеристики героев, художественно-изобразительная.

Выводы. В тексте С.А. Шаргунова в качестве средства художественной изобразительности преобладают экспрессивные глаголы разговорно-просторечного характера со значением высокой интенсивности действия.

Ключевые слова: *изобразительные функции, стилистически сниженная лексика, просторечные слова, глаголы, существительные, характеристика.*

Постановка проблемы. Сергей Александрович Шаргунов¹ известен в современной литературе не только как «талантливый “рассказчик”, но и как идеолог “нового реализма”», создатель “Отрицания траура” (2001) – программного манифеста этого течения, объединившего молодых литераторов, “ключевыми метами” которых, по мнению самого С. Шаргунова, стали “внимание к обычному человеку” и обостренная “социальная отзывчивость”» [Мейстер, 2022]. «Книга без фотографий» С.А. Шаргунова (2011) – фотографический взгляд автора на прошлое. Одной из глав этой книги является эпизод «Бабушка и журфак». Исследователи отмечают, что для авторского стиля С.А. Шаргунова характерны такие особенности, как лаконизм, обилие диалогов, наличие стилистически окрашенных лексем [Горячева, 2019, с. 137].

Обращение к острым социальным проблемам, «внимание к обычному человеку», наличие живых диалогов в текстах С.А. Шаргунова обусловили

¹ Лауреат премий: «Дебют» в номинации «Крупная проза» (2001), Государственной премии Москвы в области литературы и искусства (2003), «Эврика!» (2005), «Arcobaleno» (Италия, 2011), российско-итальянской литературной премии «Радуга» (2011), Международного конкурса «Литературной России» (2013), Всероссийской литературной премии Антона Дельвига (2014).

использование им сниженной лексики как необходимого средства выразительности. «Проблема ненормативности существенна для произведений С. Шаргунова. Часто обсуждаются алкоголь, наркотики, криминальные, суицидальные действия. Иногда появляется ненормативная лексика, демонстрируя стремление “нового реализма” в своеобразной “низовой правде”, когда использование сниженных речевых форм признается оправданным. Интерес к маргинальным формам существования человека сочетается с желанием автора показать себя сторонником нормы» [Ротай, 2013, с. 15]².

Обзор научной литературы. Слово в тексте несет основную информацию о содержании. Оно способно включать в структуру значения различные оттенки стилового, экспрессивного и контекстного характера. «Лексика представляет собой уровень языка, непосредственно связанный с действительностью. Явления реальности, окружающей человека, и его внутренний мир находят воплощения в словах, а они, в свою очередь, зачастую становятся определяющими ментальные черты и особенности поведения носителей языка» [Васильев, 2023, с. 4].

В современном языкознании не существует однозначного понимания стилистически сниженной лексики. Исследователи отмечают спорный характер этого вопроса, например, В.В. Колесов стремится разграничить понятия «арго», «жаргон», «сленг» и «просторечие» по степени открытости (от полностью закрытой системы – «арго» до открытой, незамкнутой системы “просторечие”). Его схема выглядит так: арго > жаргон > сленг > просторечие [Колесов, 2004, с. 194].

Согласно мнению С.И. Ожегова, автора Толкового словаря русского языка, сниженная лексика меньше отличается от литературного языка, или языкового стандарта, где языковой стандарт рассматривается как образцовый, нормализованный язык [Ожегов, 1955, с. 5].

Словарь-справочник лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой определяет внелитературную лексику как слова, находящиеся за пределами литературного языка (диалектизмы, арготизмы, жаргонизмы, вульгаризмы) [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 68].

И.А. Стернин относит стилистически сниженную лексику к ненормативной лексике. Стилистически сниженными лексическими единицами являются сленг, жаргон, просторечие, вульгарная лексика [Стернин, 2011, с. 19].

Л.Г. Самотик, рассматривая просторечную лексику, считает, что это слова и формы, «не входящие в литературный язык или составляющие его периферию, характеризующиеся оттенком упрощения, сниженности, грубоватости, часто используемые в литературных произведениях и разговорной речи как экспрессивные элементы, например: башка, дохлятина, нахрапистый, давеча, завсегда,

² Ротай Е.М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 24 с.

отродясь и др.» [Самотик, 2011, с. 203]. Таким образом, стилистически сниженную лексику можно отнести к внелитературной лексике, т.е. это слова, не включенные в словари литературного языка, но используемые в литературных текстах.

Основной функцией сниженной лексики является выражение эмоций в конкретной эмоциональной ситуации [Коробкина, 2017, с. 109].

Т.А. Кудинова в своей статье «Просторечие как лингвистический феномен: динамика понятия» приводит мнение Н.С. Валгиной: «...идеально нормативная речь психологически создает ощущение сухости, пресности, она не задевает эмоциональных струн» [Кудинова, 2009, с. 137].

Ни один из разрядов слов разговорно-просторечного пласта не имеет замкнутой структуры. Слова, проникающие из ненормативной речи и говоров, на фоне разговорной речи на начальной стадии усвоения сохраняют оттенок ненормативности [Валиева, 2016, с. 62].

Подробно вопросы стилистики русского языка освящены в трудах Л.Г. Бабенко «Филологический анализ текста. Основы теории, принципы, аспекты анализа» [Бабенко, 2004], И.И. Коробкиной «Стилистическая дифференциация современной окказиальной лексики русского языка: вульгаризмы, сленг, жаргонизмы» [Коробкина, 2017].

Большой интерес для изучения специфики авторского стиля, проблемы авторской образности, в том числе проблемы использования маркированных единиц, представляет диссертация Е.М. Ротай «“Новый реализм” в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова» [Ротай, 2013], отдельные замечания о стиле С. Шаргунова в статье А.А. Горячевой «Творчество С. Шаргунова 1990–2000-х гг. как объект научной рефлексии», в которой автор раскрывает специфику творчества писателя, изучает особенности его мировоззрения.

Цель исследования – выявить изобразительные функции стилистически сниженной лексики в тексте С.А. Шаргунова «Бабушка и журфак».

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования избран текст С.А. Шаргунова «Бабушка и журфак». При изучении данного литературного источника были использованы следующие лингвистические методы: дефиниционный, семантического, стилистического, контекстного анализа.

В произведениях С.А. Шаргунова достаточно часто употребляются стилистически сниженная лексика, которая позволяет показать отношение автора к описываемым событиям и действиям героев. К стилистически сниженной лексике относим просторечные слова, которые выполняют художественно-изобразительную функцию в исследуемом нами тексте. Важную роль в описании стилистически сниженной лексики сыграли словари: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка; Словарь синонимов русского языка / под ред. проф. Л.Г. Бабенко и другие.

Результаты исследования. Изучение стилистически сниженной лексики в тексте С.А. Шаргунова «Бабушка и журфак» позволило нам выделить следующие маркированные единицы, имеющие в словарях пометы *разг, прост.*:

а) глаголы: «изводила», «болтались», «пробашлял», «перекидывался», «мелешь», «хехекнула», «врежь», «отвесил», «примотал», «крушили», «уродовали», «тусовалась», «бурлить», «задолбала», «лакали»;

б) существительные: «отморозки», «дебилы», «маркотики», «курилка», «врачиха», «журфаковцы», «задроты».

Рассмотрим функции стилистически сниженной лексики в тексте С.А. Шаргунова.

Стилистически сниженная лексика в тексте С.А. Шаргунова «Бабушка и журфак» употребляется для возрастной и социальной характеристики персонажей. Писатель ценит мнение своей неграмотной бабушки:

Я излагал ей все, что было за день. Она была моим прибежищем, лесная, загадочная, и пускай отвечала малословно и совсем просто, я черпал силы, чтобы завтра снова войти под стеклянный купол (Шаргунов, 2011).

Для создания образа бабушки писатель использует в речи бабушки следующие просторечные слова: «сыны», «чо мелешь-то», «маркотики», «слыхала», «чаво», «убивец», «мого», «дурак».

Сыны мои – Генка, лесник главный по Уралу, отец твой – в Москве батюшка... Любят их люди! (Шаргунов, 2011) – *Сыны* – устар. и обл. – дети мужского пола (Ожегов, Шведова, 2006, с. 785).

Чо мелешь-то? – *Мелешь* – от Молоть 2 – разг. – говорить что-то вздорное (Ожегов, Шведова, 2006, с. 364).

– *Наркотики принимают.*

– *Маркотики, это слыхала я, говорили... А ты чо?*

– *Нет, я никогда.*

– *А то будешь нищий дурак.*

Слово «нищий» она произносила через «ш» [Шаргунов, 2011]. – *Маркотики* – искаженное, просторечное – «наркотики».

Слыхала – просторечное – «слышала» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 733). *Чаво* – просторечное – «чего» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 877).

(О Гитлере) *Убивец, будь проклят. Мужа мого убил* [Шаргунов, 2011]. – *Убивец* – просторечное – «то же, что убийца» (СС).

Стилистически сниженная лексика придает особую художественную выразительность образу неграмотного, но искреннего и непосредственного человека – бабушки. Например:

И меня пуще ихнего любили бы (Шаргунов, 2011, с. 36).

Пуще ихнего – просторечное – употреблено в значении «сильнее, чем кого-либо» (Ожегов, Шведова, 2006).

Она взяла книгу, внимательно глядя, и вдруг желтым когтем стала карябать по фотографии, отдирая бумажные клочки (Шаргунов, 2011, с. 37).

Карябать – просторечное – употреблено значение «царапать» (СС).

Для характеристики студентов факультета журналистики МГУ С.А. Шаргунов использует следующие стилистически сниженные лексические единицы: «задроты», «отморозки», «шмаль», «сокс».

Были свои задроты, обычно скромные и некрасивые, всегда с книжками – они держались вместе (Шаргунов, 2011, с. 34).

Слово «задроты» – просторечное – означает пренебрежительное название людей, которые с головой ушли в учебу.

Были отморозки. Все время они болтались во дворе, у памятника Ломоносову, где дули шмаль и сражались в «сокс»: траурный плотный кусок ткани летал от ноги к ноге (Шаргунов, 2011, с. 34).

Слово «отморозки» – разговорное – люди, способные на отчаянные, жесткие поступки (СП). Шмаль – наркотик, курево (СРС).

Негативную эмоциональную окраску имеют следующие слова: «стариканы» – разговорное – старые люди (Ожегов, Шведова 2006, с. 760); «девка» – просторечное, то же, что и девушка (Ожегов, Шведова, 2006, с. 156); «врачиха» – просторечное от «врач»; «старуха» – разговорное – женщина, достигшая старости (Ожегов, Шведова, 2006, с. 763).

Для характеристики поведения молодых людей С.А. Шаргунов использует просторечные глаголы. Глагол является самым пластичным и продуктивным классом слов, с помощью которых реализуется эмоциональное творчество человека [Очилова, 2022, с. 60].

В целом ряде случаев энергия словообразования строится целиком на внешней грамматической форме процессуального слова при минимальной поддержке семантики корня [Кудинов, 2009, с. 137].

– *Да задолбала, – Кеша перестал ухмыляться* (Шаргунов, 2011, с. 35). – Глагол *задолбала* – разговорный – означает «надоела, утомила какими-либо частыми повторяющимися действиями» (ТекстоЛогия.ру).

Чего ржете, дебилы? я внимал с благоговением, казавшимся мне, даже пошлым (Шаргунов, 2011, с. 35). Глагол *ржете* – разговорное – означает «чрезмерно громко, несдержанно смеяться»; *дебил* – психически недоразвитый человек – (оскорбление) (Ожегов, Шведова, 2006).

Глагол *тусовалась* употреблен в следующем предложении:

А в то время во дворе журфака (в воскресный летний день он был закрыт) тусовалась группа студентов (Шаргунов, 2011, с. 36).

Глагол *тусовалась* употреблен вместо нейтрального «собралась». Тусоваться – просторечное – «собираться вместе для общения, совместного препровождения свободного времени» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 817).

Описывая поведение футбольных болельщиков, С.А. Шаргунов употребляет глаголы «взбунтовалось», «крушили», «уродовали», «ринулись», имеющие в своем значении компонент действия высокой степени интенсивности.

Летом 2002-го после нашего проигрыша Японии толпа футбольных болельщиков взбунтовалась на Манежной площади [Шаргунов, 2011, с. 38].

Глагол *взбунтоваться* – разговорное – означает «поднять бунт, принять участие в бунте» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 108].

Бешеные дети окраин крушили и уродовали все вокруг: били витрины, переворачивали и жгли машины (Шаргунов, 2011, с. 37).

Глагол *крушить* – разговорное – означает «уничтожать, истреблять» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 704).

Глагол *уродовать* – разговорное – означает «искажать, извращать» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 839).

В следующем предложении употребляется глагол «ринулись»:

Тем временем, что и следовало ожидать, несколько болельщиков ринулись за ворота с железными палками наперевес (Шаргунов, 2011, с. 39).

Глагол *ринуться* – разговорный – употреблен в значении «стремительно броситься, устремиться» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 679).

Выводы. В результате семантического, стилистического и контекстуального анализа стилистически сниженной лексики в тексте С.А. Шаргунова «Бабушка и журфак» были выявлены разговорно-просторечные лексемы, среди которых преобладают экспрессивные глаголы со значением интенсивности действия, которые используются для характеристики героев и их поведения. Стилистически сниженная лексика позволяет понять отношения автора к описываемым автобиографическим событиям.

Список словарей и источников

1. Бабенко Л.Г. Словарь синонимов русского языка. М.: Астрель, 2011. 340 с. (СС).
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ИТ и Технологии, 2006. 944 с.
3. Словарь просторечий (СП). URL: <https://russkiyazyk.ru/leksika/slovar-prostorechiy.html> (дата обращения: 05.05.2023).
4. Словарь русских синонимов (СРС). URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/199413/ (дата обращения: 05.05.2023).
5. ТкстоЛогия.ру. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/zadolbat/> (дата обращения: 05.05.2023).
6. Шаргунов С.А. Книга без фотографий. М.: Альпина НОН-ФИКШН, 2011. 224 с.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы, аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с.
2. Валиева Л.Ф. Проблемы разграничения разговорной просторечной лексики в русском языке // Вестник Югорского государственного университета. 2016. Вып. 1. С. 60–64.
3. Васильев А.Д. О вербальной коррекции картины мира // Сибирский филологический форум. 2023. № 1. С. 4–13.
4. Горячева А.А. Творчество С. Шаргунова 1990–2000 гг. как объект научной рефлексии // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. Наука и просвещение. 2019. С. 137–139.

5. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
6. Коробкина И.И. Стилистическая дифференциация современной окказиональной лексики русского языка: вульгаризмы, сленг, жаргонизмы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 108–110.
7. Кудинова Т.А. Просторечие как лингвистический феномен: динамика понятия // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4. С. 135–138.
8. Мейстер Г.И. Именная характеристика персонажа как способ выражения авторской позиции в рассказе С. Шаргунова «ЖУК» // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2022. № 4 (45). 29 июля. С. 158–163. URL: www.strizh-vspu.ru
9. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. М. 1955. Вып. 1. 239 с.
10. Очилова А. Сниженная лексика в современном русском языке // Научный прогресс. 2022. Т. 3. Спец. вып. 1. С. 60–62.
11. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 399 с.
12. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учебник. М.: Флинта, 2011. 500 с.
13. Стернин Н.А. Неприличные формы высказывания в лингвокриминалистическом тексте // Юрислингвистика. 2011. № 1. С. 18–24.

Сведения об авторе

Чжан Вэйдун – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zhangweidong@mail.ru

PICTORIAL FUNCTIONS OF STYLISTICALLY SUBSTANDARD VOCABULARY IN S.A. SHARGUNOV'S TEXT "GRANDMA AND JOURNALISM"

Zhang Weidong (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes the pictorial functions of stylistically substandard vocabulary based on S.A. Shargunov's text "Grandma and Journalism".

The purpose of the article is to identify the functions of stylistically substandard vocabulary in S.A. Shargunov's text "Grandma and Journalism".

The methodology is based on the analysis of stylistically substandard vocabulary, identified by lexicographic analysis, and the identification of its artistic function.

The results of the study. Stylistic analysis revealed that colloquial words are used to characterize the characters, to describe their behavior. As a result of the research, the author identifies pictorial functions of stylistically substandard vocabulary: emotional-evaluative function, function of characterization of heroes, and artistic-pictorial function.

Conclusions. The text of S.A. Shargunov is dominated by expressive verbs of colloquial nature having the meaning of high intensity of action.

Keywords: *visual functions, stylistically substandard vocabulary, colloquial words, verbs, nouns, characteristics.*

Dictionaries and sources

1. Babenko L.G. Dictionary of synonyms of the Russian language. Moscow: Astrel publishing House, 2011. 340 p.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow: IT and Technologies LLC, 2006, 944 p.
3. Dictionary of colloquialisms. URL: <https://ruskiiyazyk.ru/leksika/slovar-prostorechiy.html> (access date: 05.05.2023).
4. Dictionary of Russian synonyms. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/199413/ (access date: 05.05.2023).
5. <url> URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/zadolbat/> (access date: 05.05.2023).
6. Shargunov S.A. Book without photos. M.: Alpina NON-FICTION, 2011, 224 p.

References

1. Babenko L.G. Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles, aspects of analysis: textbook for universities. Moscow: Academic project; Yekaterinburg: Business Book, 2004. 464 p.
2. Valieva L.F. Problems of differentiation of colloquial colloquial vocabulary in the Russian language // Bulletin of the Ugra State University. 2016. Is. 1. P. 60–64.
3. Vasiliev A.D. About verbal correction of the worldview // Siberian Philological Forum. 2023. No. 1. P. 4–13.
4. Goryacheva A.A. S. Shargunov's creativity 1990–2000 as an object of scientific reflection // High technologies, science and education: current issues, achievements and innovations. Collection of articles of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Science and Enlightenment. 2019. P. 137–139.

5. Kolesov V.V. Language and mentality. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2004. 240 p.
6. Korobkina I.I. Stylistic differentiation of modern occasional vocabulary of the Russian language: vulgarisms, slang, jargonisms // Izvestiya Volgograd State Pedagogical University. 2017. No. 4. P. 108–110.
7. Kudinova T.A. Vernacular as a linguistic phenomenon: the dynamics of the concept // Scientific Thought of the Caucasus. 2009. No. 4. P. 135–138.
8. Meister G.I. Nominal characterization of a character as a way of expressing the author's position in S. Shargunov's story "The BEETLE" // Student electronic magazine "STRIZH". 2022. No. 4 (45). July 29. P. 158–163. URL: www.strizh-vspu.ru
9. Ozhegov S.I. Regular questions of speech culture // Questions of speech culture. Moscow, 1955. Is. 1. 239 p.
10. Ochilova A. Reduced vocabulary in modern Russian // Scientific progress. 2022. Vol. 3. Special is. 1. P. 60–62.
11. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary of linguistic terms, Moscow: Prosveshchenie, 1976. 399 p.
12. Samotik L.G. Vocabulary of the modern Russian language: textbook. Moscow: Flinta, 2022. 500 p.
13. Sternin N.A. Indecent forms of utterance in a linguocriminalistic text // Jurislinguistics. 2011. No. 1. P. 18–24.

About the author

Zheng Weidong – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: zhangweidong@mail.ru

УДК 882

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА «ЗАТОНУВШИЙ КОВЧЕГ»

Е.О. Новикова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье дан анализ библейских аллюзий в романе Алексея Варламова «Затонувший ковчег». Представлена парадигма священных образов и мотивов в значимых эпизодах текста, что позволяет уточнить идейно-художественный замысел писателя. Обращаясь к тексту Священного Писания, автор поднимает на страницах своего произведения важные вопросы нравственного самостояния человека в современном мире.

Цель статьи – выявить семантику библейских аллюзий в романе Алексея Варламова «Затонувший ковчег».

В работе используются *методы*: культурно-исторический, сравнительно-типологический, герменевтический, структурно-семиотический анализ текста.

Результаты исследования. Христианская культура играет важную роль в жизни и творчестве А. Варламова. В своих текстах писатель обращается к Библии и как к источнику философско-мировоззренческих принципов. В центре романа «Затонувший ковчег» – судьба человечества. Автор высказывает свой взгляд на раскол православной церкви и нравственное падение современного мира. Мотив «Конца Света» подчеркивает эсхатологическую природу описанных событий. Архетипические образы: Иисуса, Девы Марии, Антихриста, Лжепророка подсвечивают фигуры ключевых героев. Библейские аллюзии на страницах авторского текста позволяют связать священную историю и литературную версию бытия в интертекстуальном дискурсе.

Ключевые слова: А. Варламов, библейские мотивы, аллюзии, ковчег, лжепророк, апокалипсис, Антихрист, Иисус, Богородица.

Постановка проблемы. Библия и для современных деятелей искусства зачастую является эталоном духовных, эстетических и морально-этических ценностей. Мотивы и образы Священного Писания аккумулируют культурный пласт той или иной эпохи. Сюжеты из древнейших текстов Ветхого и Нового Завета становятся источником вдохновения для создания актуальных произведений.

Русская литература имеет неразрывную связь с христианской традицией. В течение многих веков важнейшим в отечественной словесности является, по словам М.М. Дунаева, «ее православное миропонимание, религиозный характер отображения реальности» [Дунаев, 2001]. В своей работе исследователь отмечает, что «литература нового времени принадлежит секулярной культуре, она и не может быть сугубо церковной. Однако Православие так воспитывало русского человека, так учило его осмыслять свое бытие, что он, даже видимо порывая с верою, не мог отрешиться от привитого народу мирозерцания» [Там же]. Христианская этика настолько прочно укрепилась в жизни людей, что мы не всегда

способны в полной мере отрефлексировать ее влияние на формирование нравственного сознания человечества. Библейские образы становятся архетипами – доминирующими проекциями, «которые душа всякий раз переживает заново» [Юнг, 2009, с. 222–223]. Сюжеты Священного Писания укоренились в мышлении, языке, что позволило художникам видеть в Библии поэтический миф.

Словесность конца XX столетия возвращается к наследию классической литературы, где вновь появляется интерес к религиозным текстам и мотивам. В этот период, по словам Н. Ковтун, «культурная ситуация вновь заставила говорить о судьбе реализма в современном мире. Разочарование в идее глобализма, сворачивание проекта постмодернизма вызвало подчеркнутый интерес к реалистическим принципам письма» [Ковтун, 2017, с. 571]. На смену игровой концепции, где превалировало отрицание всевозможных (в том числе и религиозных) культурных ценностей, приходит новая поэтика, которая опирается на традиционалистскую эстетику. С конца 90-х гг. библейский контекст все отчетливее проявляется в текстах многих актуальных писателей: А. Варламова, В. Шарова, А. Иванова, Е. Водолазкина и др. Особенно интересен образ «нового святого». К историям о «современном праведнике» относят роман А. Иванова «Географ глобус пропил» (2003) [Круглов, 2019], тексты Л. Улицкой «Сонечка», «Веселые похороны» [Ковтун, 2014], «Искренне ваш Шурик», где главный герой обладает чертами «святости» (2003) [Гонтарева, 2022, с. 61].

На пороге XXI в. одним из адептов «традиции классического реализма», по мнению Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого [Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 522], становится А. Варламов. В прозе писателя утверждается христианская система ценностей, П.В. Басинский считает произведения Варламова нынешними хранителями реалистических традиций [Басинский, 1996]. Он ставит его в один ряд со сторонниками «деревенской прозы» – В.И. Беловым, В.П. Астафьевым и В.М. Шукшиным. Автор неоднократно затрагивает тему сельской жизни («Дом в деревне: повесть сердца», «Падчевары»). Его творчество окрашено религиозным настроением («Купол», «Затонувший ковчег», «Рождение»). Являясь приверженцем классической прозы, А. Варламов следует гуманистическим идеям русской литературы XIX–XX вв. («Мысленный волк»).

Анализ библейских аллюзий в прозе писателя позволит более глубоко понять авторскую философию и поэтику, уяснить способы создания художественных образов.

Цель статьи – выявить семантику библейских аллюзий в романе Алексея Варламова «Затонувший ковчег».

Методы исследования. В ходе исследования используются методы: культурно-исторический, сравнительно-типологический, герменевтический, структурно-семиотический анализ текста.

Результаты исследования. Для прозы А. Варламова характерно соединение двух форм поэтики: реалистической и религиозно-мифологической. Это связано в том числе с тем, что творчество автора развивается на рубеже конца

XX – начала XXI в. Данный период характеризуется наступлением мирового общецивилизационного кризиса. Культурный пласт претерпевает упадок религиозного сознания, происходит глобальное разочарование в человеке и человечестве, мир находится в состоянии переживания «конца времен».

Уникальность мировосприятия А. Варламова, по мнению критика В. Курбатова, заключается в том, что автор стремится «найти в этом миропорядке определяющий смысл и место» [Курбатов, 2000, с. 3]. В последнем десятилетии XX в. литература «столкнулась с проблемой отсутствия единой правды», которую бы приняло общество [Счастливецва, 2007]. В свою очередь, это побуждает людей ставить перед собой извечные вопросы «о смысле человеческого существования» [Новикова, 2020, с. 56]. Возникают апокалиптические настроения, возвращается интерес к православной культуре, которая вновь становится спасательным судном. А. Варламов констатирует: «Никогда мы не были так близки к Страшному суду и одновременно так к нему не готовы, как сегодня, на исходе второго тысячелетия» [Варламов, 1997, с. 15]. На страницах романа «Затонувший ковчег» автор разворачивает эсхатологический миф. В произведении обнаруживаются цитаты, аллюзии, образы из Ветхого и Нового Завета, которые отображаются на уровне содержания и поэтики текста.

В литературоведении аллюзия определяется как «сознательный авторский намек» [Белокурова, 2005] на известное художественное творение. По выражению И.Р. Гальперина, «аллюзии – это ссылки на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты» [Гальперин, 1958, с. 217]. Исследователь отмечает, что читатель знакомится с этими фактами благодаря присутствию в тексте указания на какое-либо явление. Первоисточник, как правило, неизвестен. Аллюзия всегда несет в себе добавочный скрытый смысл. Автор допускает возможность наличия знакомой ему информации у читателя, однако это не всегда имеет место быть. Подтекст может расшифроваться лишь в том случае, если человек обладает фоновыми знаниями.

Классификация аллюзий очень разнообразна: стихотворные и прозаические цитаты, имена собственные, названия литературных произведений, крылатые выражения, поговорки, цитаты из древнейших источников и многое другое. С аллюзией тесно связано понятие «интертекстуальности», которая представляет собой «пермутацию других текстов» [Кристева, 2004, с. 399]. Очень часто Библия выступает в качестве интертекста, поскольку священный текст метафоричен и символичен. Он обладает сильнейшими образами (архетипами). Русская словесность «по-новому интерпретирует библейские мотивы, образы, символы в сфере содержания и выражения» [Новикова, 2019, с. 18]. Применяемые в художественном произведении цитаты из Священного Писания становятся интертекстуальными элементами. Изучение межтекстовых связей является важной составляющей анализа литературного творчества.

В художественном мире А. Варламова ключевую роль играют религиозно-этические элементы, наполняющие смысловое поле произведения. Писатель

придерживается гуманистических идей, связанных с христианской традицией. Мировоззренческие взгляды автора зависят от религиозного, православного миропонимания. В интервью писатель часто говорит о Библии как о достоверном источнике знаний: «Сказанное в Евангелиях не подлежит сомнению, это аксиома. А вообще для меня очень важен святоотеческий мир, русская и вообще шире – православная агиография. Она мне по-человечески не то чтобы ближе, чем Сам Христос, нет, но я понимаю, очень чувствую эту русскую традицию – не напрямую обращаться к Спасителю, а через людей, Ему всей жизнью послуживших» [Сегень, 2015]. По словам автора, к вере он пришел в сознательном возрасте, будучи студентом: «Я воспитывался в атеистической семье, но стремление к православию пришло от жадного интереса к чему-то отличному от советского, монотонного и одноцветного. Мир церкви, который тогда глухо отрицался, но наперекор всему существовал, вызывал во мне любопытство <...> Так получилось, что именно в МГУ, где сейчас преподаю, я попал в среду людей более продвинутых в духовном отношении, чем я» [Чупринин, 2011]. После окончания университета А. Варламов осмысленно принял Таинство Крещения. Весь пережитый духовный опыт стал подспорьем для его творчества. Размышляя о духовных и нравственных исканиях человека, автор говорит: «Мои герои пережили отход от Бога – и возвращение к Нему в конце жизни. Было интересно проследить, как и почему это происходило [Сегень, 2015].

В октябре 1997 г. выходит в свет роман «Затонувший ковчег». Жанрово-стилистической особенностью прозы становится социально-психологический аспект. Центральная тема произведения – феномен сектантства – была одной из ключевых для художников-традиционалистов: Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина, В. Личутина. В основе авторского мифа Варламова лежит эсхатологический мотив, который является ведущим сюжетообразующим компонентом текста. Так, тема сектантства тесно переплетается с идеей спасения человечества в день Страшного Суда и проходит красной нитью через все произведение.

В книге «Затонувший ковчег» секта представлена автором в варианте двух организаций: «Церкви последнего завета» и староверческой общины Бухары, – которые в процессе религиозной деятельности приводят героев в состояние «зомбирования». Варламов выражает беспокойство феноменом порабощения массовым сознанием, высказываясь о сектантстве как о подлинной беде российской: «Сколь ни поднималось государство, сколь ни крепло на зависть соседям, сектанты все разрушали. Секты декабристов и народников, хлыстов и духоборов, большевиков и диссидентов, секты «новых русских» и Божественного Искупителя – как по заколдованному кругу мчимся, и снова спотыкаемся, и вниз скатываемся» [Варламов, 2002, с. 361]. Озадачиваясь феноменом деструктивности различного рода общественных движений, автор пытается обличать преступные деяния адептов новой веры. Так, поднимая тему сектантства, Варламов создает аллюзию, отсылая читателя к библейским сюжетам и наполняя свое произведение мифологическим содержанием.

Писатель не случайно затрагивает эсхатологическую проблематику в романе. Он констатирует, что на границе двух веков возникает ощущение конечности судьбы человека и всего сущего. В статье, посвященной апокалиптическому настроению общества в кризисную эпоху, Варламов пишет: «И если верно, что одной из “архитем”, увлекших художников начала века, было рождение нового мира и нового человека, то архитемы современной литературы – смерть этого мира и этого человека» [Варламов, 1997, с. 69]. Апокалиптическая тематика интенсифицирует мифологические и библейские образы в нынешней литературе. Возникает новая волна интереса к сфере утопического и антиутопического жанров. Воззрения автора сводятся к тому, что «в основе нынешнего “апокалиптического всплеска” лежит глубочайший кризис позитивистской мысли, вызванной исчерпанностью всех прогрессивных и утопических теорий и идей, идущих от эпохи Просвещения и поставивший мир на порог аннигиляции» [Варламов, 1997, с. 15]¹.

Название романа «Затонувший ковчег» тесно переплетается с библейским преданием о Всемирном потопе. В произведении образ ковчега соотносится с Бухарой, небольшой деревушкой, находящейся в глухой тайге, где испокон веков живут староверы. Аллегорический образ спасательного судна в романе сравнивается с образом трюма: «Хотели теплое местечко занять, а оказались в трюме» [Варламов, 2002, с. 397]. В книге Бытия история о Всемирном потопе повествует о глобальной катастрофе – наводнении. Ужас настигает человечество за грехи и непослушание перед Богом. В предании сказано, что спасение уготовано не всем, лишь «человек праведный и непорочный в роде своем» (Быт. 6:9) способен пережить трагическое событие.

Роман «Затонувший ковчег» охватывает события двух столетий, однако время в произведении выступает больше как биографическое. Художественный текст основывается на пространственных категориях, которые преобладают над временными. Хронотоп романа строится на антиномии город – деревня, выделяется два топоса: Петербург – проклятый град Антихриста и Бухара – Святая обитель.

Начинается роман с истории об освоении новых земель старообрядцами. Целью православных христиан было сохранение устоев и традиций старой веры. Обрядовые реформы, совершенные по указанию патриарха Никона, воспринимались крестьянами враждебно. Миряне были уверены в том, что преобразования церкви свидетельствуют о знамении грядущего пришествия Антихриста, которое должно произойти незадолго до конца света: «В начале восемнадцатого века на строительстве Петербурга, где среди поработанных Петром крестьян трудились тайные и явные противники никонианской веры, произошел побег. Несколько семей, тяготившихся невозможностью свободно следовать своим обрядам, устремились на волю <...> В устье реки Пустой они облюбовали небольшую поляну, вырыли землянки и стали жить. Место было наречено Бухарой <...> Деревня жила так, как будто осталась одна на свете, а весь мир за ее чертой сделался добычей Зверя.

¹ Варламов А.Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1997. 16 с.

Убежденные в своей избранности основатели скита завещали детям не покидать спасительное место, а если слуги Антихриста разыщут их или же голод погонит в иные края, запереться и сжечь себя в очистительном огне» [Варламов, 2002, с. 244].

Произведение отсылает к сказаниям о «далеких землях», возникших в русской народной культуре в конце XVIII в. Отличительным признаком легенд о «далеких землях» становится поиск скитальцами «земного рая» для реализации справедливого и праведного мира. Как отмечает Н. Ковтун, подобные поиски предполагали препятствия, однако это «только усиливало веру в мистический град» [Ковтун, 2009, с. 324]. В романе Варламова герои претерпевают нелегкие испытания: «Первые годы, проведенные бухарянами в лесной пустоши, были неимоверно тяжелыми. Их преследовали неурожаи, и вместо хлеба они ели сосновую и березовую кору. Многие умерли, иные, не вынеся тягот, ушли в обжитые места, но неустанными трудами и молитвами община выстояла» [Варламов, 2002, с. 244]. Пространство леса выступает и в качестве переходного состояния, во время которого происходит сакральное таинство – герои обретают дом: «Со временем ее насельники завели скотину и огороды, срубили избы, амбары и бани, поставили часовню, стали ткать одежду и изготавливать обувь, немудреную мебель и хитрый крестьянский инструмент. Мало-помалу отвоеванное у тайги пространство превратилось в обыкновенную деревню» [Варламов, 2002, с. 244]. Святая обитель напоминала загадочный Китеж-град, так это место именуется один из главных героев – Илья Петрович. И действительно, на протяжении двух веков Бухара в глазах героев представлялась в образе недоступной и желанной русской Атлантиды, где люди жили «как будто лишь им одним, не разорвавшим священный завет с истинным Богом, будет уготовано на небесах спасение» [Варламов, 2002, с. 248].

Параллельно жизни староверческой общины в романе представлена деятельность духовного центра под названием «Церковь Последнего Завета». Религиозная община располагается в Петербурге, изображается в свете любви к человечеству: «Приходили напуганные, одинокие, не нашедшие места в жизни <...> Казалось, в ту пору, когда вокруг все сгущается и жизнь становится страшнее и непредсказуемее, Церковь Последнего Завета сделалась единственным прибежищем для всех измученных и усталых людей. Здесь никто не отталкивал неопытных и робких, как в казенных православных храмах, – здесь любили и рады были каждому» [Варламов, 2002, с. 344]. Проповедь добродетели, однако, оборачивается для приверженцев новой веры злыми помыслами. Ученики религиозной общины становятся рабами в руках духовного наставника.

Оппозиция город – деревня уточняет художественное наполнение каждого локуса. Так, Петербург представляет собой источник порока, лжи и разврата, а Бухара – благодеяния и милости. Историософия разграничивает мир на биполярную модель. Русская мифологическая картина мира делит человечество на служителей Господа (добра) и воинство дьявола (зла). Антагонизм между добром и злом есть воплощение борьбы между истиной и ложью. А. Варламов разворачивает миф таким образом, что в конце романа город остается целым,

а Бухара погружается в «болотную трясиину» [Варламов, 2002, с. 438]. Болото издревле является символом регресса, стагнации, гибели и разложения духовного. Легендарный сюжет подсвечивает трагедию современного грешного мира, где религиозная община погрязла во лжи и пороке. Так утопия, воплотившись в жизнь, становится своей противоположностью. На страницах произведения показано, что не все староверческие общины выдержали проверку временем. Появление в стенах храма лжеучителя послужило причиной скорой гибели Бухары. В Библии сказано: «Были и лжепророки в народе, как и у вас, будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергая искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении» (2 Петра 2:1).

Образ лжепророка соотносится с Вассианом, ученым и атеистом. Имя Вассиан отсылает к реальному религиозному деятелю, известному под псевдонимом Виссарион. Автор и основатель синкретического учения «Последний завет», что аналогично названию параллельно развивающейся в романе петербургской секте – «Церкви Последнего Завета». Самозванец проникает в духовную общину с целью изучения истории скита. Будучи человеком образованным, он принимает на себя «власть над всем муравейником» [Сухих, 2005, с. 21]. Деревенские жители видят в образе Вассиана Святого учителя. Мошенник подчиняет себе души людей при помощи поддельного «чуда». Совершается подлог в виде подмены святых мощей на останки заключенного. В русской народной культуре мощи святых приравнивались к чудотворным иконам. В поверьях сказано, что останки преподобных могут исцелять тела и души страждущих мирян.

В Откровении (16:13; 19:20; 20:10) упоминается о лжепророке как о втором звере, который будет использовать знамения и чудеса, чтобы войти к людям в доверие: «И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле» (Откр. 13:14). Миссия лжепророка на земле заключается в том, чтобы заставить человечество поклоняться Антихристу. Изображение лжеучителя в романе отсылает читателя к времени «Великой скорби». Это событие указывает на появление Антихриста, который одурманит сознание всех людей (Дан. 7:8, 24, 25; Откр. 17:8–14) и вместе с лжепророком они создадут на земле царство Сатаны. Ведущим мотивом в произведении и становится мотив Антихриста. Образ зверя обнаруживается в лице лидера «Церкви Последнего Завета» – Люппо. В переводе с латинского «lupo» означает «волк». В христианской традиции волк – олицетворение зла, дьявола и ереси. Упоминание о звере как источнике хитрости и жестокости присутствует в Новом Завете: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные» (Еван. от Мат. 7:15). Исследователи в области эсхатологии В.Э. Багдасарян и С.И. Реснянский пишут о том, что «феномен самозванца, составивший в отечественной истории самостоятельный сюжет, органично вплетен в ее эсхатологические перспективы. Из какого бы пространства ни приходили самозванцы на царствие, из “латынской” Польши или Урала, они опознаются по признаку чуждости» [Багдасарян, Реснянский, 2022].

Автор романа приписывает Люппе черты чужеземного, пришлого человека: «Некоторое время спустя в Бухаре объявился пришелец. Кто он был таков и откуда взялся, никто точно не знал» [Варламов, 2002, с. 270].

А. Варламов воссоздает апокалиптическую картину. Изображая героев в образах лжепророка и Антихриста, автор отсылает читателя к Откровению, подробно рассказывает о «нечестивой троице» (Откр. 12–13). Вся «грязная» работа возлагается на плечи лжепророка. Послушник руками зверя обольщает людей ложными знамениями. Это хорошо проиллюстрировано в беседе Вассиана и Люппо: «И дерзнете совершить подлог?» – спросил старец, помолчав. «Почему нет? Вас смущает нравственная сторона этой истории? Но чем ваше лжестарчество лучше?» [Варламов, 2002, с. 412].

Противоположный антихристу в романе становится образ Христа, который подсвечивает фигуру Ильи Петровича. Илья – русская версия древнееврейского библейского имени Элийяху – Яхве, в переводе дословно означает «мой Бог» [Вылегжанин, 1999, с. 85]. О том, что Илья Петрович несет в себе прообраз Сына Человеческого, свидетельствует его чистая непорочная природа: «Директор вел жизнь совершенно недоступную понимания поселчан. Он не пил водку, не курил и не ругался матом» [Варламов, 2002, с. 265]. Столкновение героев-антагонистов получает продолжение в диалоге, Люппо обращается к Илье Петровичу: «Я глубоко равнодушен к людям, которые мне не подобны, но к вам чувствую странное влечение. Этакую смесь любви и ненависти, которую не испытывал еще ни к кому <...> Быть может, дело в том, что вы девственник» [Варламов, 2002, с. 399].

Другая особенность избранного героя, роднившая его с образом Святого, связана с учительством: «Молодому педагогу предложили временно сделаться местным Ломоносовым и целиком возглавить обучение в школе» [Варламов, 2002, с. 264]. Однако в начале своего педагогического пути герой отвергает веру, отдавая предпочтение науке. Затем постепенно его убеждения меняются, он приходит к идее, что одно без другого существовать не может. Наука и религия должны быть объединены в одну плоскость: «Мы будем учительствовать, – говорил Илья Петрович, босиком разгуливая вокруг костра и жмурясь от удовольствия. – Мы должны соединить чистоту и строгость Бухары с лучшими достижениями человеческой мысли, мы должны примирить прогресс с верой, знание с моралью и исправить совершенную человечеством в эпоху Просвещения ошибку. С этой точки начнется отсчет новой цивилизации» [Варламов, 2002, с. 385].

Мотив «духовного воспитания» разворачивается в конце романа и приобретает библейский контекст. После того как пало царство Антихриста, лжепророк был сожжен вместе с жителями Бухары, Илья Петрович в компании избранных членов секты «Последнего завета» остается жить на месте сгоревшего поселения. Спустя время женщины бывшего религиозного движения рожают детей от школьного учителя: «Через несколько лет по деревне бегало семеро мальчиков и пять девочек» [Варламов, 2002, с. 436]. Общее число родившихся детей – двенадцать, именно столько было апостолов у Иисуса. Илья Петрович построил школу

для своих учеников, в стенах которой рассказывал о мире, истории, науке и Боге. Дети называли своего учителя отцом и с жадностью впитывали каждое слово, а когда пришло время прощаться, Илья Петрович сказал, что научил их самому главному – любить. В Священном Писании Иисус, прощаясь со своими учениками, завещает им: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собой» (Ин. 13:34–35).

Помимо идеи двенадцати апостолов, важная роль отводилась любимой ученице Христа – Марии Магдалине. Согласно преданию, Мария – супруга сына Божьего. В романе прототипом святой девы-жены становится Мария Цыганова, фаворитка главного героя: «Никогда никаких любимцев или нелюбимцев у него не было, но все же к Маше Цыгановой он испытывал особые чувства. <...> Он чувствовал себя ее единственным покровителем и защитником и теперь решился на совершенно отчаянный, безумный поступок, грозивший ему самыми ужасными последствиями, лишь бы избавить свою возлюбленную ученицу от нежданно-негаданно свалившегося на нее непомерного груза прижизненной святости» [Варламов, 2002, с. 273]. На вопрос собирается ли он обзавестись семьей, директор отвечал, что «невеста его не подросла» [Варламов, 2002, с. 265]. Подобно прекрасной Мадонне, Маша Цыганова стала воплощением идеала и для скульптора Колдаева: «– Что хороша? <...> – Вы посмотрите, какое потрясающее и искреннее выражение стыда в глазах и какое нежное тело! Сколько я ни просил других девушек изображать смущение, у них не получалось. Все равно чувствовалась фальшь. А здесь все настоящее. Представьте себе воровка с Московского вокзала, а глаза – как у святой!» [Варламов, 2002, с. 313].

В произведении воплощается миф о «великом грешнике» или «возрождении грешницы» [Лотман, 1996, с. 338–340]. Истоки мифа обнаруживаются в текстах Священных Писаний. С принятием христианства огромная часть языческих представлений была перенесена на лики церковных святых. Очень часто миф связан с архаичным ритуалом. Так, спасение блудницы может расцениваться как священное действие, однако необходимо обратиться к первоисточнику мифа. По поверьям, библейской блудницей являлась Мария Магдалина, она же – «небесная властительница громов и молний» [Афанасьев, 1995]. В славянских песнопениях Огненную Марию называют сестрой Ильи Громовитого. Древние сказания гласят, что при разделе Вселенной Святому Илье достался «гром небесный», а Пречистой Деве – молния.

В романе в день Ильи-пророка происходит удивительное событие. Машка была отправлена матерью «на болото за морошкой» [Варламов, 2002, с. 259]. На Руси ходили в лес за ягодой в день святой Марии, часто ее называли «Ягодницей и Сладостницей». В этот день «разыгралась страшная гроза» [Варламов, 2002, с. 258] и возле сосны, под которой спряталась героиня, ударила молния. Чудесным образом девушка осталась цела и невредима. В апокрифической беседе Епифания с Андреем (рукоп. XV в.) сказано: «Яко Илья-пророк есть на колеснице езда

гремит, молния пускает по облакам и гонит змия» [Афанасьев, 1995]. В русских легендах молния отождествлялась со стрелой, которой пророк пронзает змею. В Библии змея символизирует искушение. Мотив грехопадения и искупления в романе прослеживается отчетливо. Образ Марии Магдалины, подсвечивающий фигуру героини, вобрал главные характеристики христианского прообраза блудницы. Богословское учение повествует о том, что Мария Магдалина была спасена Иисусом. В романе юная отроковица получает благословение свыше: «На что была она избрана, кем и для какой цели – все это было странно, и не ясно, во всяком случае, никаких людей, отмеченных святостью, в ее роду не было <...> известно, что просто так молния в человека не попадает и независимо от того, погибнет он или нет, сие есть знак свыше» [Варламов, 2002, с. 261].

В образе Маши Цыгановой можно разглядеть и черты, которые связывают ее с образом Пресвятой Марии – матери Сына Божьего. Славяне часто смешивали «Марию Магдалину с Богородицею, ради тождества их имен» [Афанасьев, 1995]. Полмесяца спустя на роковое место у сосны явились бухаряне со старцем Вассианом во главе. Они откапали под деревом ковчег, в котором хранились мощи святой Евстолии. С тех пор жители поселка считали, что Маша Цыганова «богом отмечена». И подобно тому, как у Пресвятой Богородицы просили милости, ходили теперь к юной Отроковице «всякий раз, когда случалась большая ли, маленькая беда» [Варламов, 2002, с. 264]. Благословенная дева Мария отличалась целомудренностью. В романе Маша Цыганова изображается в образе невинной девушки, которая не соблазняется дарами Петербурга. О ней часто отзываются как о «скитской святой», «богородице», «отроковице». Тем самым в образе героини переплетаются черты нескольких мифологических образов: Святой Богоматери и жены Иисуса.

На страницах романа встречаются лексические единицы, которые указывают на библейский источник. Выражения «горе же не праздным и доящим в те дни» [Варламов, 2002, с. 245] отсылает к высказыванию «Горе же беременным и питающим сосцами в те дни» (Мф. 24:19). Здесь речь идет о последних временах перед Вторым пришествием Христа. Слова были произнесены душам, которые носят в чреве божественную любовь и лишены возможности спасения, так как отягощены этим бременем. Под беременными следует понимать людей, которые не произвели на свет ни одну добродетель. Вскормленные грудью – те, кто совершил благодеяния, однако плод их мал и слишком незначителен.

В тексте присутствуют прямые отсылки к Евангелию от Матфея, гл. 12, ст. 25: «В течение нескольких лет несокрушимая обитель раскололась на тех, кто ушел, и тех, кто остался, и затаилась в ожидании беды, ибо сказано в Писании: “Ежели царство какое разделится надвое, то не устоит”» [Варламов, 2002, с. 249]. Фраза повествует о революциях, расколах, переворотах, раздорах внутри определенного общества. Спасение кроется в духовном единении народа. Следовательно, излагая о раздробленности общины, Варламов вводит цитату из Библии, в контексте которой может проясняться авторская идея о наступлении конца времен.

Эсхатологический мотив реализуется в образе поселка «Сорок второй». Известно, что в Откровении Иоанна Богослова говорится: «И даны были ему уста, говорящие горло и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Откр. 13:5). Число сорок два означает, что на протяжении этого времени совершались гонения Антихриста на Церковь. Три с половиной года, или «1290 дней» (42 месяца), ходил Бог по земле и проповедовал Евангелие. Столько же дано было зверю хулить имя Господа, столько же длилось «великое испытание» для всего человечества.

На протяжении многих веков праведники отодвигали день Страшного суда. В книге Бытия предвещено, что конечный суд наступит, когда мир будет охвачен беззаконниками и грешными людьми. В романе поселок «Сорок второй» образовался от номера лесного квартала, куда ссылались арестанты для исправительно-трудовых работ. От бывшего поселения ГУЛАГа остался леспромхозовский номерной пункт, который вобрал в себя «потомков спецпереселенцев, освободившихся заключенных, бичей, бомжей и прочих интерсоциал людей» [Варламов, 2002, с. 254]. Образ безбожника подчеркивает маргинальность, инфернальность пространства.

Выводы. Итак, разворачивая историю современного человека, Варламов обращается к христианской мифологии. Библейские аллюзии на страницах романа позволяют связать священную историю и авторский миф в интертекстуальном дискурсе. Аллюзия как стилистический прием выступает в качестве средства отражения религиозных и философских взглядов художника. В результате эсхатологические мотивы: конца света, спасения, лжеучительства, обетованной земли – становятся сложными гносеологическими символами, которые раскрываются и в образах Антихриста, Иисуса, Святой Девы, лжепророка, ковчега и т.д. Эсхатологический сюжет Всемирного потопа разворачивается таким образом, что в трясину болота погружается не мир в целом, но отдельные персонажи. «Затонувший ковчег» повествует о тонущих представителях религиозных течений, чьи духовные учения далеки от божественного Слова. Места на ковчеге заняли не истинные служители веры, а шарлатаны и последователи сект, поэтому на месте ковчега ничего не осталось, лишь река Пустая катила темные воды мимо низких подтопленных берегов.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1.
2. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики: кол. монография. М.: БОС, 2022. 380 с.
3. Басинский П. Проза современного русского реализма // Литература. 1996. № 5 (197).
4. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrд=%C0%CB%CB%DE%C7%C8%DF&bukv=%C0> (дата обращения: 18.03.2023).
5. Варламов А.Н. Затонувший ковчег: повесть. Романы / предисл. В.Я. Курбатова; ил. В.Л. Гальдяева. М.: Мол. гвардия, 2002. 442 с.: ил. (Проза века).
6. Варламов А. «О дне же том и часе никто не знает». Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века // Литературная учеба. 1997. № 5–6. С. 69–77.

7. Вылегжанин И.Д. Образ Яхве в Ветхом Завете // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 1999. № 1 (13). С. 84–96. EDN NUTАНF
8. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1958. 462 с.
9. Гонтарева А.И. Мотив сиротства в романах Л. Улицкой: случай Шурика Корна и Михея Меламида // Сибирский филологический форум. 2022. № 3 (20). С. 56–68. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-124. EDN DOOXNN
10. Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 6 ч. Изд. второе, испр., доп. М.: Христианская литература. 2001. Ч. I–II. 736 с.
11. Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии / М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Сиб. федер. ун-т. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
12. Ковтун Н.В. Мифопоэтика сюжета о поиске и обретении истины в повести Л. Улицкой «Сонечка» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 233–248.
13. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
14. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики: пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
15. Круглов Р. Христианские темы и мотивы в русской литературе // Журнальный мир [сайт] Заря. 2019. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivu-v-sovremennoy-russkoj-literature> (дата обращения: 18.03.2023).
16. Курбатов В.Я. Отражение небесной битвы // Литературная Россия. 2000. № 45 (1969). С. 3–4.
17. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 2: 1968–1990. 688 с.
18. Лотман Л.М. Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX в. (взаимодействие и развитие) // Русская литература. 1996. № 1.
19. Новикова Е.О. Апокалиптические темы и мотивы в истории русской литературы // Современная филология: состояние, проблемы, перспективы: матер. VIII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Красноярск, 26 ноября 2019 г. / отв. ред. Т.А. Полуэктова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. С. 17–22. EDN PRETCA
20. Новикова Е.О. Мортальные мотивы в произведениях Р. Сенчина // Сибирский филологический форум. 2020. № 2 (10). С. 53–66. DOI: 10.25146/2587-7844-2020-10-2-42. EDN KHFSOH
21. Сегень А. Показать восхождение русского человека во всей его полноте // Беседа с писателем Алексеем Варламовым. Образование и Православие. 2015. 04 июн. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthedu.ru/knizhnoe-obozrenie/12956-pokazat-voshozhdenie-russkogo-cheloveka-vo-vsej.html> (дата обращения: 18.03.2023).
22. Сухих О.С. Мотивы легенды о «Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского в романе А.Н. Варламова «Затонувший ковчег» // Вестник ННГУ. Сер.: Филология. 2005. Вып. 1 (6). С. 19–25.
23. Счастливецва Ю.А. Проза Алексея Варламова 1980–1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2007. 184 с.
24. Чупринин К. Алексей Варламов: Каждый раз в церкви встречаюсь с чудом // Правмир: [сайт]. 2011. 17 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/aleksej-varlamov-kazhdyj-raz-v-cerkvi-vstrechayus-s-chudom/> (дата обращения: 18.03.2023).
25. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы: пер. с нем. 2-е изд. М., 2009.

Сведения об авторе

Новикова Елизавета Олеговна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elisanov1991@gmail.com

BIBLICAL ALLUSIONS IN A. VARLAMOV'S NOVEL "THE SUNKEN ARK"

E.O. Novikova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes biblical allusions in the novel "The Sunken Ark" by Alexei Varlamov. The paradigm of sacred images and motifs in significant episodes of the text is presented. This allows us to clarify the ideological and artistic idea of the writer. On the pages of his work, the author raises important issues of moral self-standing of a person in the modern world when referring to the text of the Holy Scripture.

The purpose of the article is to identify the semantics of biblical allusions in the novel "The Sunken Ark" by Alexei Varlamov.

The article uses the following *methods*: cultural-historical, comparative-typological, hermeneutical, and structural-semiotic analysis of the text.

Research results. Christian culture plays an important role in the life and work of A. Varlamov. In his texts, the writer refers to the Bible as a source of philosophical and ideological principles. At the heart of the narrative of the novel "The Sunken Ark" is the fate of mankind. The author expresses his views on the split of the Orthodox Church and the moral decline of the modern world. The "End of the World" motif emphasizes the eschatological nature of the events in the novel. Archetypal images of Jesus, Virgin Mary, Antichrist, and False Prophet illuminate the figures of the key characters. On the pages of the author's myth, Biblical allusions allow us to connect the sacred history and the literary version of existence proposed by the modern author in an intertextual discourse.

Keywords: *Aleksei Varlamov, biblical motifs, allusions, ark, false prophet, apocalypse, Antichrist, Jesus, the Virgin.*

References

1. Afanasiev A.N. Poetic beliefs of Slavs on nature: Experience of comparative study of Slavic legends and beliefs in connection with mythical legends of other related peoples: in 3 vol. Moscow: Modern writer, 1995. Vol. 1.
2. Bagdasarian V.E., Resnyansky S.I. Russian eschatology: the history of Russian social thought in the focus of apocalyptic: a collective monograph. Moscow: BOS, 2022. 380 p.
3. Basinsky P. Prose of modern Russian realism // Literature. 1996. No. 5 (197).
4. Belokurova S.P. Dictionary of literary terms [Electronic resource]. 2005. Mode of access: URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%C0%CB%CB%DE%C7%C8%DF&bukv=%C0> (access date: 18.03.2023).
5. Varlamov A.N. The Sunken Ark: A Novel. Novels / Foreword by V.Ya. Kurbatov; Ill. Illustrated by V.L. Galdyaev. Moscow: Molnaya Gvardiya, 2002. 442 p. (Prose of the Century).
6. Varlamov A. "About that day and hour no one knows". Apocalyptic motifs in Russian prose at the end of XX century // Literary Studies. 1997. No. 5–6. P. 69–77.
7. Vylegzhanin I.D. The image of Yahweh in the Old Testament // Bulletin of Tambov University. Series: The Humanities. 1999. No. 1 (13). P. 84–96. EDN NUTAHF
8. Galperin I.R. Essays on the stylistics of the English language. Moscow: publishing house of literature in foreign languages, 1958. 462 p.
9. Gontareva A.I. Orphanhood motif in novels of L. Ulitskaya: the case of Shurik Korn and Micah Melamid // Siberian Philological Forum. 2022. No. 3 (20). P. 56–68. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-124. EDN DOOXNN

10. Dunayev M.M. Orthodoxy and Russian Literature: in 6 parts. Second edition, revised and enlarged. Moscow, Christian literature, 2001. Parts I–II. 736 p.
11. Kovtun N.V. Russian traditionalist prose of the XX–XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts: textbook. Moscow: Flinta: Nauka, 2017. 600 p.
12. Kovtun N.V. Mythopoetics of the plot about the search and finding the truth in the story of L. Ulitskaya “Sonechka” // Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities. 2014. No. 1. P. 233–248.
13. Kovtun N.V. Rural prose in the mirror of utopia. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Federal Agency for Education, Sib. University. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. 494 p.
14. Kristeva Y. Selected Works: Destruction of Poetics / Per. from French. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 656 p.
15. Kruglov R. Christian themes and motifs in Russian literature // Journal World [website] Zarya. 2019. No. 1 [Electronic resource]. URL: <https://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoy-russkoy-literature> (access date: 18.03.2023).
16. Kurbatov V.Ya. Reflection of the heavenly battle // Literary Russia. 2000. No. 45 (1969). P. 3–4.
17. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. Modern Russian literature: 1950–1990s: Textbook for students of higher education institutions: in 2 vol. Moscow: Academy, 2003. Vol. 2: 1968–1990. 688 p.
18. Lotman L.M. Russian Historical and Philological Science and Literature of the Second Half of the XIX Century (Interaction and Development) // Russian Literature. 1996. No. 1.
19. Novikova E.O. Apocalyptic themes and motifs in the history of Russian literature // Modern philology: state, problems, prospects: Materials of VIII All-Russian scientific and methodological conference with international participation. Krasnoyarsk. November 26. 2019 / Ed. in Chief T.A. Poluektova; Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyev. Krasnoyarsk, 2019. P. 17–22. EDN PRETCA
20. Novikova E.O. Mortal motifs in the works of R. Sencin // Siberian Philological Forum. 2020. No. 2 (10). P. 53–66. DOI: 10.25146/2587-7844-2020-10-2-42. EDN KHFSOH
21. Segen A. To show the ascent of the Russian man in its entirety // Conversation with the writer Alexei Varlamov. Education and Orthodoxy. 2015. 04 Jun. [Electronic resource]. URL: <http://www.orthedu.ru/knizhnoe-obozrenie/12956-pokazat-voshozhdenie-russkogo-cheloveka-vo-vsej.html> (access date: 18.03.2023).
22. Sukhikh O.S. Motives of the legend of the “Grand Inquisitor” by F.M. Dostoevsky in the novel “The Sunken Ark” by A.N. Varlamov // Vestnik NNSU. Philology Series. Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod State University, 2005. Is. 1 (6). P. 19–25.
23. Shchashevtseva Y.A., Alexei Varlamov's prose of 1980–1990s: genre and stylistic originality: dissertation ... D. in Philology: 10.01.01. Magnitogorsk, 2007. 184 p.
24. Chuprinin K. Aleksei Varlamov: Every time in church I meet a miracle // Pravmir: [website]. 2011. October, 17 [Electronic resource]. URL: <https://www.pravmir.ru/aleksej-varlamov-kazhdyj-raz-v-cerkvi-vstrechayus-s-chudom/> (access date: 18.03.2023).
25. Jung K.G. Structure of the psyche and archetypes. Moscow, 2009.

About the author

Novikova, Elizaveta Olegovna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: elisanov1991@gmail.com

УДК 821.161.1

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию «Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков» / отв. ред. Н.В. Ковтун; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Москва: ФЛИНТА; Красноярск, 2022. 260 с.

Е.Е. Приказчикова (Екатеринбург, Россия)

Вот времена однако были... Теперь герои разве есть?

Оксана Погудина

Аннотация

В рецензии рассматривается анализ образа героя современности в российской прозе рубежа XX–XXI вв.

Цель рецензии заключается в привлечении внимания научной общественности к базовой проблеме филологического дискурса XXI в., связанной с анализом образа героя современности в его основных литературных амплуа: от «патриархального героя» до трикстера.

Методика работы связана со структурой монографии, в которой в центре внимания авторов оказывается проблема героцентричности в трех основных методологических планах. Во-первых, это поиск нового героя времени в контексте социально-исторической парадигмы культурного героя и его основных модификаций. Во-вторых, исследование основных векторов психологизма при изображении данного героя. В-третьих, изучение многоаспектных отношений *автора – героя* в литературной ситуации рубежа XX–XXI вв.

Результаты исследования определяются решением в каждой из частей монографии важной научной задачи, связанной с феноменом героцентричности. Исследования авторов первой части монографии «Социальный герой: узнаваемость конфликтов и трансформация типов» (Н. Ковтун, Я. Солдаткина, Н. Вальянов, Е. Шевчугова, Л. Гаврилова, М. Ларина, Т. Полуэктова) объединяет поиск культурного героя современности с выходом на проблему генезиса современной героцентричности в ее жанровом и культурно-историческом аспектах, а также на сравнительно-историческую и национальную характеристику персонажей, включая аксиологический потенциал артефактов, способных выступать в качестве катализатора исторической памяти поколений. Вторая часть монографии «Векторы психологизма: принципы изображения героя и концептуальность формы» (О. Турышева, А. Задорина, М. Лопачева, Ю. Доманский, Л. Синякова, Т. Загидулина и О. Глушенкова) посвящена изучению многоаспектных принципов изображения героя современности, включая эстетический, визуальный, субкультурный, психологический и философский аспекты. В третьей части научного исследования «Отношения “герой – автор”: психологическая и эстетическая рефлексия» (И. Плеханова, Е. Буханова, А. Куляпин, Д. Громов, Д. Леднева) анализируются различные формы рефлексии, включая авторефлексию, касающиеся отношений «герой – автор», в текстах российской прозы второй половины XX–XXI в. (проза «наива», А. Битов, В. Попов, А. Иванов, М. Палей).

Выводы. В монографии представлено все многообразие персонажей современной российской литературы, рассмотренных как в диахронном, так и в синхронном аспекте. Анализ героцентричности литературного процесса позволил уточнить и наметить перспективы дальнейшего изучения магистральных проблем филологии, включая дуальность культурных мирообразов и утопическое поле современной российской словесности.

Ключевые слова: образ героя, российская проза рубежа XX–XXI вв., монография, Н.В. Ковтун, героцентричность.

Монография «Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков», может быть охарактеризована как один из самых знаковых исследовательских филологических текстов XXI столетия.

Постановка проблемы. Для русской литературы поиск героя современности является традицией, уходящей в глубину веков. Уже Н. Карамзин задумался над механизмом создания образа героя современности в «Рыцаре нашего времени». Начиная с «Героя нашего времени» М. Лермонтова, антропоцентричность русской словесности, приняв форму героцентричности, стала одной из ее характерных черт, создав запоминающиеся образы героев-идеологов, лишних людей, маленького человека. Ситуация не изменилась и в советский период существования литературы, приобрела еще более яркие формы как в художественных текстах, так и в кинотекстах. Достаточно вспомнить образы Павки Корчагина («Как закалялась сталь» Н. Островского), Алексея Мересьева («Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого), Сергея Луконина («Парень из нашего города» К. Симонова), Пашки Колокольников (кинофильм В. Шукшина «Живет такой парень»). Нарочитая идеальность этих героев, экспериментальность и одновременно альтернативность их поведения в советском настоящем, существующем в качестве некой прелюдии к коммунистическому будущему, позволяет предположить наличие в их образах элементов утопии-евпсихии, утопии идеального человека, воплощающего в себе лучшие черты своего времени.

Изменения стали происходить лишь в конце XX столетия, когда, по словам главного редактора монографии профессора Н. Ковтун, на волне рецепции знаменитой идеи Р. Барта о «смерти автора» важнейшие тексты рубежа XX–XXI вв. «выдвигают на авансцену персонажа, максимально близкого создателю текста, его alter ego, старающегося выжить под обломками утопий прошлого и принципиально не желающего в будущее, которое представляется опасным, угрожающим даже на фоне трагического настоящего» [Ковтун, 2022а, с. 5]. Эти «выживанцы» чаще всего представляют собой типаж трикстера и маргинала, являющегося «свободным от всех социальных обязательств, религиозных авторитетов, мифов культуры, выживающих на границах миров, перекрестках, легко меняющих маски и судьбы» [Там же].

Цель научной монографии может быть обозначена как исследование феномена героцентричности в российской прозе XX–XXI вв. с анализом генезиса образов героев современности.

Методика работы. В рассматриваемой монографии в центре внимания авторов оказываются три основные методологические проблемы, связанные с феноменом героцентричности. Во-первых, это поиск нового героя времени, который в большей степени, чем в предшествующие литературные эпохи, может быть обозначен как культурный герой, отвечающий на цивилизационные вызовы современности (первый раздел книги «Социальный герой: узнаваемость конфликтов и трансформация типов»). Во-вторых, анализ основных принципов изображения данного героя через исследование векторов

психологизма (второй раздел книги «Векторы психологизма: принципы изображения и концептуальность формы»). В-третьих, изучение сложнейших и поистине многовекторных отношений *автора – героя* в литературной ситуации рубежа веков (третий раздел книги «Отношения “герой – автор”: психологическая и эстетическая рефлексия»).

Результаты исследования. Безусловным преимуществом монографии можно считать наличие заглавного текста Н. Ковтун, посвященного поискам героя современной литературы. В этой предельно концептуальной главе исследователь всесторонне анализирует современную ситуацию в российской прозе, развивающейся под знаком «нового реализма», когда многие догматы не только традиционного реализма, но и постмодернизма оказались под сомнением. Новый «герой поколения», по Н. Ковтун, рождается в ситуации, когда одной из характерных черт современной литературной ситуации оказывается повсеместное фиксирование отчужденности и параллельного существования поколений, что, по сути, снимает традиционную для русской словесности проблему «отцов и детей». Как следствие, в условиях фактической невозможности не просто принять, но даже понять позицию Другого на смену классическим философским русским вопросам «Что делать?» и «Кто виноват?» приходит равнодушно-отстраненное «Ну и что?». В новых литературных условиях происходит изменение состава тех архетипических персонажей, которые оказывали большое влияние на литературную ситуацию традиционного реализма. К примеру, очень значимым оказывается уход культурного архетипа Ивана-дурака, функционирующего в литературе в образе наивного персонажа, чудика, простодушного идеалиста. Современный герой уже не склонен к эскапизму, бегству за пределы городского пространства, где начиная с эпохи сентиментализма Божественная натура (фольклорное Беловодье) давала ему возможность найти и познать самого себя, так как сама деревня выступает в современной прозе в качестве маргинализованного пространства.

В результате на литературную сцену XXI столетия выходит персонаж, которого, как и четыре века назад, в эпоху «бунташьего» XVII столетия, можно обозначить как «голого человека» (в XVII в. говорили «голый и небогатый человек»). Данный персонаж живет в условиях «кромешного мира», символами которого становится уже не «царев кабак», где можно потерять последние порты, но топоры барачников и коммуналок. Вслед появлению нового героя современная литература начинает демонстрировать новое понимание гуманизма как трансгуманизма, где во главу угла ставится искусственный интеллект, гендерное же измерение литературного процесса приводит к появлению системы трансгендерных координат, когда человек заново познает возможности и границы своего тела.

Н. Ковтун подчеркивает, что современная российская литература намечает типологию новых героев, создавая по факту новую гинекратическую парадигму, когда на смену патриархальной женщине – хранительнице очага приходит типаж мудрой старухи, женщины-амазонки (воительницы и защитницы), наконец, «Афродиты площади», женщины-трикстера. Можно добавить, что каждый данный

типаж не был порожден исключительно российской литературной ситуацией порубежья XX–XXI вв., но имеет свой давний генезис. Так, типаж мудрой старухи ассоциируется с фольклорным жанром сказки, образ женщины-амазонки проецировался еще на образ императрицы Екатерины II в первое десятилетие ее царствования. Что касается женщины-трикстера в ее ипостаси юродивой Христа ради, то тот же XVIII в. открыл феномен блаженной Ксении Петербургской.

Типология мужских персонажей современной литературы включает в себя героев-деятелей, патриархальных героев и героев маргиналов, к которым относятся бичи (бывший интеллигентный человек), алкоголики-инородцы и странники. Что касается героя-интеллектуала, то он чаще всего наделяется автобиографическими чертами, выступая в роли нарратора, в то время как «маленький человек» в XXI в. превращается в офисного работника, менеджера среднего звена, которого заедает рутинная жизнь. В новой литературной ситуации святость в своем варианте «постмодернистской святости», как когда-то в XVII столетии, приобретает черты юродства, и на этом фоне одним из самых востребованных типажей героев оказывается герой-трикстер. Генезис данного образа может быть возведен, по крайней мере, к образам литературы XX в: профессиональным ловкачам в духе Остапа Бендера, «дерзким шутам» эпохи оттепели с их неистребимой витальностью в духе Федора Кузькина Б. Можяева и «чудиков» В. Шукшина. Герой-трикстер, осмеивающий ценности предшествующей эпохи, с его лиминарностью ассоциируется с Венечкой Б. Ерофеева, героями-художниками А. Битова и даже Бенедиктом из «Кыси» Т. Толстой. С конца XX в. «трикстерский архетип» делает иронию, сарказм, гротеск сюжетобразующими в художественных текстах, что не исключает возможности наделять литературного трикстера саморефлексией и трагическим самоощущением, одновременно меняя характер его смеха. Смех трикстера приобретает черты «юмора висельника», уводя героя за пределы реальности в фантазмогорические ситуации.

Во всех случаях востребованность фигуры трикстера как нового культурного героя характеризует окончание эпохи постмодернизма с его приверженностью к игровым стратегиям. В целом все антропологические типы в эпоху тотальной плюральности, включая «человека-снаряд» (Р. Барт), «человека-переход» (С. Смирнов), «парадоксального человека» (Ж. Тощенко), «постчеловека» (Т. Чеснокова), могут быть охарактеризованы как люди, обладающие стратегией трикстера¹. Трикстер как культурный герой, воплощающий собой важнейшую универсалию культуры, был проанализирован в диссертационном исследовании С. Березовской².

¹ Подробно литературно-культурный феномен трикстера рассмотрен в книге Н.В. Ковтун «Трикстер как герой нашего времени (На материале русской прозы второй половины XX–XXI века) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. М.: Флинта; Красноярск, 2022. 408 с.

² Березовская С.С. Культурный герой как универсалия культуры: опыт типизации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2016. 20 с.

Помимо главы Н. Ковтун, содержание первого раздела монографии составляют работы Я. Солдаткиной, Н. Вальянова, Е. Шевчуговой, Л. Гавриловой, М. Лариной, Т. Полуэктовой. Несмотря на разнообразие поднимаемых в них антропологических тем, все они объединены поиском культурного героя современной литературы. Как следствие, авторам приходится рассматривать генезис современной героцентричности в ее жанровом и культурно-историческом аспектах, останавливаться на сравнительно-историческом аспекте при соотношении героев, принадлежащих к различным национальным парадигмам, изучать аксиологический потенциал артефактов, способствующих выступать в качества катализатора исторической памяти поколений.

Первое направление, реализуемое в главах Я. Солдаткиной, Н. Вальянова, Е. Шевчуговой и Л. Гавриловой, выводит нас на проблему заглавных героев русской прозы XXI в., которые могут выступать и как результат трансформации образов героев традиционалистской прозы, и как актуализация в литературной современности базовых национальных культурно-исторических архетипов.

В главе Янины Солдаткиной «Проблема героя в русской прозе XXI в.: художники и самозванцы» на примере творчества А. Иванова, Л. Юзефовича, Е. Водолазкина, В. Пелевина, Г. Яхиной и др. исследуется вопрос героя времени, воплощающего себя, по мнению автора, в паре типажей: героя-самозванца и героя-художника. Если самозванство представляет собой «претензию обладать чужим, более доходным, более выгодным местом в жизни», то герой-художник олицетворяет собой «романтическую тягу к вечным идеалам и ценностям, к творческому бессмертию» [Солдаткина, 2022, с. 33]. Данную пару Я. Солдаткина склонна рассматривать в качестве новой литературной модификации традиционной для русской словесности оппозиции «власть и интеллигент». Автор анализирует литературный генезис подобных персонажей, выводя типаж самозванца, по крайней мере, к исторической прозе А. Пушкина («Борис Годунов», «Капитанская дочка»). Воплощение образа героя-самозванца он находит в двойниках «Журавлей и карликах» Л. Юзефовича, князе Гагарине «Тобола» А. Иванова, веренице узурпаторов власти в романе-антиутопии Е. Водолазкина «Оправдание Острова», противостоящих истинным властителям острова – святым в миру Парфению и Ксении. Наконец, в совсем недавнем тексте В. Пелевина «Transhumanism Inc» (2021) выясняется, что Гольденштерн, солнцеликий повелитель вселенной, на самом деле самозванец, от имени которого вампиры управляют послушным человеческим биоматериалом. На фоне самозванцев воплощением истинного нравственного начала в российской прозе XXI в. выступают архитектор Ремезов в «Тоболе» А. Иванова или историк Шубин в «Журавлях и карликах». Герои, подобные им (Иннокентий Платонов в «Авиаторе» Е. Водолазкина, Яков Бах в «Детях моих» Г. Яхиной, Яков и Нора Осецкие в «Лестнице Якова» Л. Улицкой), выбирают в условиях аксиологического перепутья «не временное и смертное, а вечное и бессмертное: творческую самореализацию, служение людям, внутреннюю свободу, независимость от конкретных

бытовых реалий» [Солдаткина, 2022, с. 39]. Это позволяет Я. Солдаткиной сделать вывод, что «русская проза XXI века развивает классические для отечественной литературы типажи и оппозиции, но с поправкой на современный социальный и культурный контекст, который способствует усложнению типажа самозванца и расширению социокультурных функций типажа художника, вбирающего в себя качества героя-интеллекта» [Там же].

В главе Никиты Вальянова «Трансформация образов героев традиционалистской прозы в романе А. Дмитриева “Крестьянин и тинейджер”» рассматривается характерный для «нового реализма» типаж героев, восходящих корнями к «деревенской прозе» XX столетия: деревенского жителя и горожанина, – волею судеб оказавшихся вне пределов городской культуры. Главной заслугой автора главы становится исследование трансформации национальной аксиологической системы ценностей в прозе XXI в., когда именно житель деревни оказывался носителем позитивной ценностной установки в противовес «космополиту» горожанину. У А. Дмитриева ситуация оказывается более сложной и жесткой, так как не только топос заброшенной деревни Сагачи, но и топос столицы России Москвы мыслятся автором как одинаково маргинальное пространство. Писатель обращает внимание на проблему внутреннего самоотчуждения героев от национальных корней, социума, мира природы. Однако, по мнению Н. Вальянова, взаимоотношения юноши Геры, скрывающегося в Сагачах от призыва в армию, с местным жителем крестьянином Абакумом Панюковым, воплощающим собой образец лиминарной личности, оказываются по-своему продуктивными для обоих героев, открывая перед ними новые личностные перспективы, меняя их ценностные ориентиры, саму модель жизнестроительства.

В главе Екатерины Шевчуговой «Образ “мудрой старухи” в романах Г. Яхиной “Зулейха открывает глаза” и “Дети мои”»: идеализация, демонизация, трансформация» автор подробно анализирует культурные функции старухи, которые еще в мифологической концепции Р. Грейвса оказывались связанными с «черной луной», убывающей и умирающей, неизбежно несущей в себе танатологическое начало. С другой стороны, данный образ традиционно ассоциируется с женщиной прародительницей, хранительницей аксиологического культурного кода своего народа. Е. Шевчуговой через скрупулезный анализ текстов Г. Яхиной удалось показать не просто культурно-историческое, но и национальное отличие образов двух старух, Упырихи и Тильды, татарки и немки. Автор главы доказывает, что связь не только с культурной традицией женского мира, хранителями которой должны выступать женщины старшего поколения, но и с национальной составляющей обусловила типологию отличий этих героинь. В работе немного не хватает опоры на культурно-мифологический пласт представлений, достаточно значимый в поэтике прозы Г. Яхиной. Та же «ведьма» Упыриха во второй части романа демонстрирует свою неразрывную связь с природной магией, что позволяет связать генезис данного образа со старухой Убырлы татарских волшебных сказок. Напротив, Тильда с ее установкой

на сбережение привычного национального немецкого уклада олицетворяет, между прочим, тот неизбежный немецкий *ordnung*, который должен помочь молодой семье Клары и Баха противостоять вторжению бушующего исторического мира. Этот мир может ассоциироваться с Рагнарёком, волчьим веком германоскандинавской мифологии, дыхание которого советские немцы хорошо почувствовали на себе в середине XX в.

Глава Людмилы Гавриловой «Эволюция героя-трикстера в творчестве Е. Водолазкина» представляет интерес сразу в нескольких планах, что свидетельствует о ее высоком филологическом уровне. Во-первых, это касается теоретической разработки феномена трикстера как в культурном, так и в литературном плане, включая корреляцию образов трикстера и культурного героя, трикстера и юродивого. Во-вторых, важным представляется создание типологии героев-трикстеров, делящихся на трикстера-направляющего (образ юродивого Фомы из романа «Лавр»), трикстера-действующего (юродивый Карп из романа «Лавр» или хронист Прокопий из романа «Оправдание Острова»), трикстера-ведущего (генерал Ларионов из романа «Соловьев и Ларионов», Парфений и Ксения из романа «Оправдание Острова»). Автор работы обращает особое внимание на усложнение взаимоотношений героев внутри триады, что позволяет сделать вывод об эволюции данных образов как внутри текста одного произведения, так и во всем творчестве Е. Водолазкина. Наконец, на примере Лизы из «Соловьева и Ларионова» Л. Гаврилова исследует женский вариант трикстера у Е. Водолазкина, отмечая в нем не только витальную силу, но и пребывание в «утопическом поле», что позволяет в конечном счете героям Е. Водолазкина осуществить переход от утопии идеального государства к утопии «внутренней истины».

Глава Марии Лариной «“Голый человек” и государство в современной русской и немецкой прозе (Г. Мюллер “Сердце-зверь”, Е. Водолазкин “Близкие друзья”») посвящена рецепции в современной русской и немецкой прозе темы, заявленной еще в «бунташье веке», XVII столетии, где «голый человек» оказался один на один с «кромешным миром». В романах Г. Мюллер и Е. Водолазкина данная тема оказывается неразрывно связанной с темой диктатуры, подавляющей человеческую личность. Это, кстати, нашло наиболее яркое воплощение в романе Г. Мюллер «Качели дыхания» (2009), сделавшем ее лауреатом Нобелевской премии по литературе. В романе отразились впечатления ее матери, румынской немки, отправленной в самом начале 1945 г. на восстановление народного хозяйства Украины [Мюллер, 2011]. В анализируемых М. Лариной произведениях тема «кромешного мира» ассоциируется как с гитлеровской Германией (Е. Водолазкин), так и с социалистической Румынией времен Н. Чаушеску (Г. Мюллер).

Ценность авторской установки заключается в том, чтобы показать, как «кромешный мир» совершает экспансию в мир реальный, заставляя героев раз за разом примерять на себя гуманистическую по духу роль «частного человека против тысячелетнего рейха», демонстрируя «опыт проживания внутри тоталитарного государства». Символом тоталитарного государства у Г. Мюллер

оказывается диктатор, олицетворяющий собой одновременно Шута и Дьявола. Своеобразной антитезой этому миру становится у писательницы авторский образ «зверька сердца» (Herztier), ассоциирующийся с песнями бабушки и представляющий собой свободную душу человека, страдающую в атмосфере бесчувственности и тоталитаризма. Что касается Е. Водолазкина, то он, по мнению М. Лариной, фиксирует в бытии трех друзей в романе «Близкие друзья» многие архетипы не только немецкой, но и мировой культуры в целом: от образа Куклы до путешествия в страну мертвых.

Глава Татьяны Полуэктовой «Фотография как катализатор постпамяти героя в романе Р. Сейфферт “Темная комната” и С. Лебедева “Предел забвения”», посвященная вопросам коллективной исторической памяти, отталкивается от крайне востребованного в современной отечественной и зарубежной гуманитаристике термина «постпамять» (postmemory). Данный термин был введен в научный оборот в 1992 г. профессором колумбийского университета М. Хирш для обозначения специфики рефлексии потомков, пытающихся одновременно реконструировать и преодолевать травматическое прошлое своих предков, придя к пониманию Другого, перестающего быть Чужим³. Важную роль в данном процессе могут играть такие визуальные артефакты, как фотографии, являясь, по мнению М. Хирш, «окном в прошлое» (a window to the past). В новелле Рейчел Сейфферт «Миха» главный герой Михаэль через феномен послевоенных фотографий *punctum*, «наносащих укол», пытается узнать, понять и преодолеть «память», связанную с участием его дедушки, офицера СС Аскана Белля, в карательных операциях на территории Белоруссии во время Второй мировой войны. Фотографии, обладающие большим повествовательным потенциалом, представленные в виде фотоэкфрастических описаний, позволяют герою не только провести собственное расследование, но и установить в конечном счете межпоколенческий диалог, большую роль в котором играет новорожденная дочь героя – символ примирения и знак того, что благодаря постпамяти фашизм больше не повторится.

В автобиографическом романе Сергея Лебедева «Предел забвения», принадлежащем к «новой лагерной прозе», постпамять оказывается связанной с неизжитым тоталитарным прошлым России, так как дед автора был подполковника ВЧК-ОГПУ- НКВД-МГБ, начальником лагеря заключенных. Фотография, выполняющая роль *punctum*, изображавшая деда с лопатой в руке, закапывающего карьер, обозначенный на фото лишь «черной точкой», заставляет автора начать собственное детективное расследование, оказаться на острове, куда на верную смерть по приказу его деда были высажены ссыльные, где в карьере до сих пор находятся их нетленные тела. Как и в произведении Р. Сейфферт, герою Ю. Лебедева удается в конце концов, «проявив», подобно фотографии, темное прошлое,

³ Помимо термина *постпамять*, в текстах массовой культуры, в том числе посвященных военным событиям, используется термин *контрпамять*. См. Ерохина Т.И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 269–274.

не просто найти выход из него, но и преодолеть его, уничтожив, таким образом, наметившийся разрыв между поколениями.

Вторая часть коллективной монографии посвящена «Векторам психологизма» в современной российской прозе. Она открывается главой Ольги Турышевой «Герой как “эстетический инициатор сюжета” (на материале новейшей литературы)». Отталкиваясь от концепта Л. Пумпянского, заявленного в работе «Достоевский и античность» [Пумпянский, 1922], автор рассматривает историю завоевания героем статуса реального субъекта, выступающего из «контекста художества» и сопротивляющегося автору. Анализируя героя в качестве «эстетического инициатора сюжета», О. Турышева отталкивается от концепции М. Бахтина, предлагающего сразу три модели взаимоотношений автора и героя, включающие в себя, помимо любовного завершения образа героя как целого, «бунт героя» против автора и диалог автора с героем.

Автор главы приходит к справедливому выводу, что в новейшей мировой литературе наиболее активную эстетическую реализацию получает вторая модель, то есть бунт героя против автора, который может приобретать обе формы, предложенные М. Бахтиным в «Проблемах поэтики Достоевского» (1927). Речь идет как о сопротивлении героя литературному образу, с которым он вынужден себя идентифицировать, так и о сопротивлении героя власти автора как своего создателя. Первая форма представлена у К.Э. Рассел в романе «Моя темная Ванесса», где путь героини оказывается в тесной связи с моделью поведения набоковской «Лолиты». В романе разворачивается «металитературный» сюжет противостояния Ванессы своей литературной модели, закончившегося преодолением героиней власти набоковского образа. Вторая модель противостояния автора и героя представляет собой фантазийную по духу реализацию их встречи во внутреннем мире читаемого произведения. Данный прием был изобретен М. Унамуно в романе «Туман», где главный герой Аугусто Перес становится инициатором спора с автором, выведенным под своим собственным именем – Мигель Унамуно, закончившегося поражением героя. Кардинально другая разработка бунта героя представлена в романе Л. Бине «Седьмая функция языка». Здесь главный герой Симон Херцог не просто настаивает на своих эстетических правах по самостоятельному моделированию сюжета своей жизни, но и одерживает безусловную победу над «своим» автором, безусловно отказываясь от его сакрализации как автора-бога.

В главе Алены Задориной «За Марфой или за Марией? Де- и реконструкция литературного паттерна» евангельский сюжет о женах-мироносицах Марфе и Марии, где Марфа олицетворяет собой прагматизм и хозяйственность, в то время как созерцательная Мария выступает носительницей духовного начала, идеи следования Богу, рассматривается с использованием возможностей историко-функционального анализа. Долгое время в русской литературе именно образ Марии служил образцовым выражением женской сущности, в то время как Марфа рассматривалась как в высшей степени приземленная женщина.

Переоценка данной традиции намечается в зрелом творчестве Н. Лескова, стихотворении Р. Киплинга «Дети Марфы» (1907), поэме Л. Леонова «Запись на бересте» (1926), в которой описываются будни покинувших фронт дезертиров, укрывшихся в лесу во время Гражданской войны. У Л. Леонова, по мнению А. Задориной, выбор Еленой хозяйственного Сергея вместо поэта Павла оправдывается автором, так как для полноценной жизни человеку нужен не спаситель (Елену спас третий дезертир Андрей), а обычный человек, олицетворяющий собой аксиологический потенциал дома и семьи.

В главе Марии Лопачевой «Поэтика визуального. К проблеме репрезентации героя в прозе Михаила Кураева» исследуются различные виды и формы визуализации в прозе ленинградского писателя и кинодраматурга Михаила Кураева. Поэтика визуального всегда была важна для отечественной литературы, начиная с эпохи древнерусской книжности, словесности XVIII в., о визуальных формах которой есть отдельное исследование [Левитт, 2015]. Еще более актуальной данная поэтика стала в прозе XX – начала XXI в., когда, по словам В. Шаламова, «пухлая многословная описательность» становится пороком, мешая понимать авторскую мысль. Тем не менее М. Кураев, с точки зрения М. Лопачевой, сохраняет традиционное для российской словесности описание пейзажа и портрета героя, используя специфическую поэтику визуального. Визуальное мировосприятие писателя обеспечивает диахронический диалог с пространственными видами искусства, который разворачивается в широком культурно-историческом контексте XIX столетия и эпохи модерн, заставляя вспомнить гоголевскую традицию. Визуализация у М. Кураева достигается за счет системы аллюзий, в том числе живописных, апеллирования к читателю, способному считывать культурные коды, широкого использования ночных топосов Ленинграда – Санкт-Петербурга. М. Лопачева доказывает, что в 1980–1990-х гг. («Капитан Дикштейн», «Зеркало Монтачки») М. Кураев активно использовал такой прием, как экфрасис, получивший особенное признание в культуре модерна на рубеже XIX–XX вв. Представление материализованного времени через систему архитектурных, живописных, кинематографических экфраз позволяет автору свободно переключать повествование из бытового плана в план философский. М. Лопачева с опорой на большой иллюстративный материал убеждает читателя в том, что разнообразные визуальные стратегии М. Кураева представляют собой важнейшую черту его писательского стиля, одновременно показывая высокий потенциал экфрасической поэтики текста как таковой.

В главе Юрия Доманского «Русский рок как способ раскрытия персонажа в русском романе наших дней (“Земля” Михаила Елизарова и “Пловец снов” Льва Наумова)» дается анализ философского дискурса романов через отражение в них поэтических формул известных российских рок-групп. Для героев романа М. Елизарова, прежде всего Владимира Кротышева, подобным рок-лидером является Егор Летов, создатель группы «Гражданская оборона» со своими песнями «Снаружи всех измерений», «Прыг-скок», «Солнцеворот». В романе Л. Наумова,

где действие происходит в Петербурге, главный герой, писатель Георгий Горенов, убивающий любителей низкопробного, по его мнению, массолита, рассматривается через призму песен Бориса Гребенщикова, лидера группы «Аквариум». Это вписывает дебютный роман писателя в традицию текстов об убийцах-творцах, занимающихся «кровавым творчеством». Ю. Доманский подчеркивает, что тот факт, что герои М. Елизарова, профессионально связанные с миром смерти, осмысливают свое место через рок-наследие Е. Летова, а эстет-убийца Г. Горенов рефлексирует на основе песен Б. Гребенщикова, доказывает многоплановость и неоднородность музыкальной культуры русского рока.

В главе Людмилы Синяковой «От нулевых к двадцатым: герой романа Сенчина в меняющемся мире (характерологические константы и контекстные переменные)» исследуется динамика творчества Романа Сенчина в 2000–2020 гг. с точки зрения изменения основных типологических признаков персонажей. Данный аспект обуславливает появление у героев новых качеств при редукции и элиминации других. Этапы перехода от творчества 2000-х к творчеству 2020-х гг. находят отражение в сборниках «Нулевые. Проза начала века» (2021) и «Петля. Со всем новая проза» (2020). Анализ изменений в характере героя проводится Л. Синяковой по трем параметрам: корни/род/земля («За встречу», «Чужой», «Очнулся»); жизненный успех («Проект», «Немужик»); внутреннее одиночество («Сорокет», «Ты меня помнишь?», «Девушка со струной»). Л. Синякова констатирует, что герой Р. Сенчина постепенно отрывается от своих корней, от земли. Уже в рассказах начала века он, человек городской культуры, чувствует себя неловко с провинциальными сверстниками, наблюдая их деградацию. В рассказе рубежа 2010–2020-х гг. подвергается сомнению правота людей «земли» как таковых, что приводит к окончательному одиночеству героя. В свою очередь, большой город формирует прагматическое миропонимание, заставляя героя добиваться жизненного успеха, различные уровни которого показаны в произведениях середины нулевых годов (повесть «Проект», рассказ «Немужик») и рассказах рубежа 2010–2020-х гг., где представлен человек, находящийся в зените славы.

В главе Татьяны Загидулиной и Ольги Глушенковой «Проективный герой В. Пелевина в зеркале философии трансгуманизма» анализируется репрезентация героя современности в контексте философии, наиболее характерной для новейшей эпохи. Официальной датой появления термина «трансгуманизм» принято считать 1957 г. Для данного феномена, по мнению исследовательницы Т. Ковалевской, характерно стремление к преодолению когнитивной, пространственной и временной ограниченности человека, и прежде всего идеи человеческой смертности. В творчестве В. Пелевина развитие данной темы намечается в романе «S.N.U.F.F.», одной из главных героинь которого является секс-робот Кая, превосходящая человека по всем характеристикам. Такая же идеальная секс-машина появляется и в более позднем тексте Пелевина «iPhuck 10». В романе 2021 г. «Transhumanism Inc.» философия трансгуманизма приводит к такому совершенствованию человека посредством нанотехнологии, искусственного интеллекта,

биотехнологий, что единственной частью тела человека, сохраняющей аутентичность, оказывается мозг, хранимый отдельно от тела. В тексте писателя можно найти постутопический взгляд на настоящее, черты постмодернистской игры, богатый интертекст, вроде отсылки к американскому мультипликационному сериалу Futurama. Развивается у авторов главы и идея многомерного мира: от мира биологических людей до мира господ, управляющих «миром банок». Сквозным персонажем произведения является Атон Гольденштерн, который вместе с Розенкранцем является основателем корпорации Transhumanism.Inc., занимающейся продлением жизни человека после его физической смерти.

Третья часть монографии посвящена психологической и эстетической рефлексии отношений «герой – автор». Она открывается главой Ирины Плехановой «Сокрушение наива: авторефлексия социокультурного типа», в которой анализируется новая литературная тенденция последнего десятилетия: разочарование в жизнестроительной миссии простодушия. Таким образом, чудак-простак перестает быть постоянным героем своего времени, позитивным воплощением идеала. Данная установка была заложена в мировой литературе еще творчеством Я. Гриммельсгаузена в XVII столетии, найдя продолжение у Вольтера с его Кандидом и Простодушным и Я. Гашеком с бравым солдатом Швейком. В России, по мнению И. Плехановой, именно простодушный наив был двигателем всех русских революций XX в.

Исследователь связывает сокрушение наива с феноменом авторефлексии, впервые проявившей себя еще с эпохи «Дон Кихота» М. Сервантеса. Современные варианты авторефлексии наива рассматриваются И. Плехановой на примере книги идеолога митьковского братства «Конец митьков» В. Шинкарева и исторических романов А. Слаповского и Т. Сибилова «Гений» и «Генерал и его семья». Первый вариант авторефлексии представлен в книге В. Шинкарева, где она заключается в рассказе о конце митьковского мифа, повествовании об истории движения с 1984 до 2008 г., представляющей собой сюжет о развитии отчуждения внутри группы. А. Слаповский в «Гении», главный герой которого очень напоминает «Идиота» Ф. Достоевского, рассматривает провал проекта «наив против зла», моделируя ситуацию гражданской войны на границе Украины и России. Автор, как мы сейчас понимаем, во многом пророчески демонстрирует неверие в способность жизни защитить самое себя, так как обе стороны слишком легко втягиваются в процесс взаимного самоистребления. В лирико-идеологическом романе Т. Кибилова автор с этико-религиозным максимализмом осуждает тех, кто беззаветно и простодушно служил коммунистической идеологии, советскому наиву, живым воплощением которого в романе становится Василий Иванович Бочажок, переживший все перипетии советской эпохи, дослужившийся при этом до командира дивизии противоракетной обороны. Признавая неизбежность авторефлексии наива, И. Плеханова тем не менее приходит к выводу, что отсутствие наива в творчестве прозаиков постсоветской генерации – симптом истощения национального архетипа.

В главе Екатерины Бухановой «Дегероизация лирического героя как продолжение стернианской традиции в прозе А. Битова. Повесть “Уроки Армении”» автор изучает влияние традиций стернианства, включая разнообразие мотивов и приемов, на творчество А. Битова конца 1960-х гг. Традиция сентиментального лирического путешествия помогает герою не только открыть мир Армении с ее историей, культурой, бытовым поведением и национальными традициями, за счет выхода из культурного пространства России он начинает процесс самопознания. За время путешествия герой А. Битова, подобно пастору Йорику Л. Стерна, совершает открытие нового для себя мира главным образом через эмоцию удивления, которая возникает при виде «странностей» другой, армянской, жизни, неизбежно сравниваемой со «своей», российской. Это «сентиментальное», то есть на уровне эмоционального познания и стернианской иронии, восприятие другой жизни постепенно все дальше уводит героя от каноничного узкого взгляда на чужой мир в соответствии со стереотипами современной советской культуры и логики «путеводителей» по Армении. Это касается, например, умения армян трепетно хранить культурно-историческую память, сохранять артефакты национальной культуры как следствие опыта огромной исторической травмы, отсутствующей в повседневном сознании русского человека. Таким образом, именно стернианская традиция во многом помогает герою не «туристически», но личностно-аксиологически освоить армянский космос.

Глава Александра Куляпина «Автор и герой в повести Валерия Попова “Комар живет, пока поет”» посвящена размышлениям о жестком биографическом реализме В. Попова, не побоявшегося открыто рассказать о самых интимных подробностях жизни своей семьи, поскольку героя-рассказчика повести трудно отличить от биографического автора Валерия Попова.

Главным героем повести становится отец писателя, выдающийся ученый-селекционер Георгий Иванович Попов (1911–2005). В повести рассказывается о последних днях его жизни. Установка писателя на «правду голого факта», включающую в себя описание физиологических подробностей умирания отца, не мешает В. Попову погружать читателя в символизацию и мифологизацию данного экзистенциального события. Большое место в повести занимает выстраивание типологии различий между отцом и сыном, где Попов-старший выступает, в соответствии с классификацией Ю.М. Лотмана, героем «степи», в то время как его сын безусловный герой «пути», для которого невозможна свободная непредсказуемость направления движения [Лотман, 1988].

Основная разница между отцом и сыном заключается в том, что Валерий Попов-писатель погружен в сферу культурных локусов, которые являются им присвоенными (квартира, где жила И. Одоевцева, «будка» А. Ахматовой на даче). Напротив, его отец существует в историческом пространстве, символом которого в повести становятся 28 томов «Всемирной истории», за которыми Попов-старший просит вернуться сына. Одновременно с этим мир Попова-старшего непосредственно соприкасается со сказочно-мифологическим пространством,

герою присуще мифопоэтическое сознание, что берет свое начало в детстве, когда волшебный ковшик с живой водой спас пятилетнего Егорку от тифа. Не случайно в повести Попова-старшего называют «богатырь», а один из сортов выведенной им озимой пшеницы получает название «былина».

В главе Дмитрия Громова «В чем святость географа? Тайные смыслы романа Алексея Иванова “Географ глобус пропил”» исследуется авторский концепт святости героя, Виктора Сергеевича Служкина, мужчины, переживающего кризис среднего возраста и пробующего себя на ниве школьного образования. Сам герой понимает категорию святости в контексте «совершенной любви», не только ссылаясь на Библию, но, как справедливо доказывает Д. Громов, демонстрируя традиции православного юродства, института православного старчества и даже религиозной традиции буддизма. Именно в контексте буддизма можно осмыслить последнюю фразу романа, где появляется «светлая и лучезарная пустыня одиночества», ассоциирующаяся с вайрочаной, олицетворяющей сияющий свет. По мнению Д. Громова, концепция «святости» географа не имеет основы в какой-либо конкретной религиозной или философской системе. Она сконструирована А. Ивановым на основе различных элементов православия и восточных религий. Тем не менее именно подобная концепция «святости» главного героя способствует раскрытию ключевых тем романа: понимания жизни как личного пути совершенствования и учительства как направляющей силы этого пути.

Последней главой монографии становится исследование Дарьи Ледневой «Образ современного героя в творчестве Марины Палей», где представлена попытка осмысления различных видов рефлексии автора «кинематографической прозы» по поводу состояния современного мира начиная с конца 1980-х гг.

Д. Леднева отмечает, что ранние повести М. Палей объединяют мотив бездомности, сиротства и неустроенности героини в душном для нее большом городе (повести «Поминование» и «Евгеша и Аннушка»), равнодушие представителей власти к маленькому человеку (пьеса «Погружение»). Образ «псориазного» и «экзематозного» города, враждебного человеку, появляется в романе «Дань саламандре». Поэтому лишь покидая город, человек на время становится свободным. Одновременно с этим герой ранней прозы М. Палей готов бросить вызов времени и истории, в результате чего в его образе, по мнению исследовательницы, можно обозначить и выделить 3 составляющие: 1. Герой в поисках себя, с обостренным внутриличностным конфликтом, стремящийся отстоять суверенность и неприкосновенность своего внутреннего мира, в силу чего он вынужден носить маску и исполнять роль, навязанную ему обществом. 2. Герой не принимает жизни, стоя перед выбором, принимать ли жизнь во всей ее полноте или не принимать в условиях, когда частная жизнь становится для него «страшной морилкой», а мир предстает перед ним, как мир, отторгающий героя. 3. Герой бунтующий, восстающий против социальных противоречий и абсурда современного общества. Третий тип героя проявляет себя в романе-бунте Ланч (1999),

в памфлете-апокрифе Жора Жирняго (2007) и в трагикомедии-буфф The Immersion (погружение) (1999).

Еще одним спасением для человека, кроме бунта, в творчестве М. Палей мыслится возвращение к природе, как это происходит в «Дани саламандре» с ее одическим воспеванием хвойных лесов Ингерманландии. Другой путь побега из топоса большого города заключается у писательницы в погружении в мир фантазий и снов. Однако, как правило, данные эскапистские порывы обречены на провал и героини оказываются вынужденными вернуться в опостылевшую им действительность. Идея навязывания обществом героям определенных социальных масок наиболее отчетливо звучит в драматургическом триптихе «Сальса для одиночек», где танец рассматривается как одна из возможностей сбросить маску и стать хоть на время самим собой.

В современный период своего творчества М. Палей отдает предпочтение поэтическим книгам, в которых наиболее полно рассматриваются движения души героев. Это «Контрольный поцелуй в голову» (2017), «Ингерманландия» (2017), «Тюремный перестук» (2019), «Инок» (2019). В данных произведениях любовь и творчество становятся основами бытия человека, а страдания и боль воспринимаются как неотъемлемая расплата за этот дар. Именно поэтому лирический герой поэтических книг Палей в конце концов обретает внутреннюю гармонию и чувство единства с миром. А бездомность и неприкаянность сменяются чувством братства и возможностью жить своей жизнью.

Выводы. Подобный подробный анализ глав монографии был обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, это связано с филологической дерзновенностью замысла книги: показать все многообразие персонажей современной литературы одновременно в диахронном (с подробным анализом генезиса образов, их соотношения с типологией героев русской и зарубежной литературы и образами-архетипами) и синхронном аспектах. Синхронный аспект предполагает выстраивание типологии персонажей с учетом различия жанровых форм, многоцветности стилевых картин мира авторов, являющихся создателями данных образов, гендерного аспекта. Во-вторых, при фронтальном рассмотрении глав монографии становятся более прозрачными и очевидными ее магистральные проблемы, касающиеся своеобразия российского литературного процесса как такового. Прежде всего это касается установки на дуальность культурных мирообразов, высокого и низкого, ада и рая, с игнорированием нейтрального, срединного пути, когда на одном однозначно позитивно маркированном полюсе будет расположена фигура нового святого, в то время как другой будет занимать образ трикстера. У героя-трикстера, обладающего сложной амбивалентной природой, жизнеутверждающая витальность безусловно доминирует над высоким духовным началом. Еще одной магистральной темой монографии является тема крушения Утопии как специфического мировидения, позволяющего человеку преодолеть неблагоприятные обстоятельства бытия. Пути преодоления колеблются между эскапизмом,

бегством в идеальный топос, и выстраиванием для себя параллельной альтернативной реальности, подменяющей собой жестокие реалии действительности. В подобных условиях практически все типы персонажей современной литературы объединяет тема выживания в современном мире, что не дает возможности героям ставить перед собой и решать вопросы, связанные с познанием тайны человеческого бытия, думать о горнем мире и высоком предназначении личности, что всегда отличало русскую литературную классику. Это обстоятельство во многом объясняет, почему на смену литературному Герою в современную постмодернистскую эпоху приходит *персонаж*, воспринимающийся уже не как Личность в многообразии ее проявлений, а как конкретный типаж человека. Именно он выступает в узнаваемых читателем конфликтах, имеет свои векторы психологизма, выстраивает новые отношения с автором, настаивая на праве самому выстраивать сюжет своей жизни. Однако, несмотря на все трудности бытия, каждый персонаж современной русской литературы имеет свой слабый свет в конце туннеля, навстречу которому он, порой спотыкаясь и почти наощупь, идет.

Библиографический список

1. Ерохина Т.И. Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 269–274.
2. Ковтун Н.В. Современная литература в поисках героя времени // Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков: монография / кол. авт.; отв. ред. Н.В. Ковтун; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. М.: Флинта; Красноярск, 2022а. 260 с.
3. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени (На материале русской прозы второй половины XX–XXI века / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. М.: Флинта; Красноярск, 2022б. 408 с.
4. Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 528 с.
5. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–292.
6. Мюллер Г. Качели дыхания. СПб.: Амфора, 2011. 319 с.
7. Пумпянский Л.В. Достоевский и античность. Пг.: Замыслы, 1922. 48 с.
8. Солдаткина Я. Проблема героя в русской прозе XXI в.: художники и самозванцы // Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков: монография / кол. авт.; отв. ред. Н.В. Ковтун; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. М.: Флинта; Красноярск, 2022. С. 32–43.
9. Хирш М. Что такое постпамять / пер. К. Харлановой [Электронный ресурс]. URL: <https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamjat> (дата обращения: 14.04.2023).

Сведения об авторе

Приказчикова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); ORCID: 0000-0001-9018-6213; e-mail: miegata-logos@yandex.ru

REVIEW

of the monograph “The image of the hero of our time in the prose of the turn of the 20th–21st centuries” / ed. by N.V. Kovtun; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. Moscow: FLINTA; Krasnoyarsk, 2022. 260 p.

E.E. Prikazchikova (Yekaterinburg, Russia)

But there were times... Now, are there any heroes?
Oksana Pogudina

Abstract

The review examines the analysis of the image of contemporary hero in Russian prose at the turn of the 20th–21st centuries.

The purpose of the review is to draw attention of the scientific community to the basic problem of the philological discourse of the 21st century connected with the analysis of the image of contemporary hero in their main literary roles: from the “patriarchal hero” to the trickster.

The research methodology is connected with the structure of the collective monograph, in which the authors focus on the problem of hero-centricity in three main methodological aspects. First, it is the search for a new hero of the time in the context of socio-historical paradigm of the cultural hero and their main modifications. Secondly, the study of the main vectors of psychologism in representation of this hero. Thirdly, the study of multilateral relations between the author and the hero in the literary situation at the turn of the 20th–21st centuries.

The research results are determined by the solution in each part of the collective monograph of an important scientific problem related to the phenomenon of hero-centricity. The research of the authors of the first part of the monograph “Social Hero: Recognition of Conflicts and Transformation of Types” (N. Kovtun, Ya. Soldatkina, E. Shevchukova, L. Gavrilova, M. Larina, T. Poluektova) consolidates the search for the contemporary cultural hero in relation to the problem of genesis of modern hero-centricity in its genre and cultural-historical aspects, as well as access to the comparative-historical and national description of characters, including the axiological potential of artifacts acting as a catalyst for the historical memory of generations. The second part of the collective monograph “Vectors of Psychologism: The principles of the Image of a Hero and the Conceptuality of the Form” (O. Turysheva, A. Zadorina, M. Lopacheva, Yu. Domansky, L. Sinyakova, T. Zagidulina, and O. Glushenkov) is devoted to the study of multilateral principles of the image of a contemporary hero, including aesthetic, visual, subcultural, psychological and philosophical aspects. The third part of the scientific study “Hero- Author Relationships: Psychological and Aesthetic Reflection” (I. Plekhanova, E. Bukhanova, A. Kulyapin, D. Gromov, D. Ledneva) analyzes various forms of reflection, including autoreflection, concerning the hero –author relationship in the texts of Russian prose of the second half of the 20th–21st centuries (“naive” prose, A. Bitov, V. Popov, A. Ivanov, M. Paley).

Conclusions. The collective monograph presents the whole variety of characters in modern Russian literature, considered both in diachronic and synchronous aspects. The analysis of the hero-centricity of the literary process made it possible to verify and outline the prospects for further study of the main problems of philology, including the duality of cultural world images and the utopian field of modern Russian literature.

Keywords: *image of a hero, Russian prose at the turn of the 20th–21st centuries, collective monograph, N.V. Kovtun, hero-centricity.*

References

1. Erokhina T.I. The phenomenon of memory in mass culture: counter-memory and post-memory in domestic cinema // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2017. No. 5. P. 269–274.
2. Kovtun N. Modern literature in search of the hero of time // The image of the hero of our time in the prose of the turn of the XX–XXI centuries: monograph / kol. ed.; resp. ed. N.V. Kovtun. Moscow: Flinta; Krasnoyarsk, 2022. 260 p.
3. Kovtun N.V. Trickster as a hero of our time (On the basis of Russian prose of the second half of the XX–XXI century). Moscow: Flinta; Krasnoyarsk, 2022. 408 p.
4. Levitt M. Visual dominant in Russia of the XVIII century. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015. 528 p.
5. Lotman Yu.M. In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol. Moscow: Prosveshcheniye, 1988. P. 251–292.
6. Muller G. Swing of breath. St. Petersburg: Amfora, 2011. 319 p.
7. Pumpyansky L.V. Dostoevsky and antiquity. Petrograd: Namereniya, 1922. 48 p.
8. Soldatkina Y. The problem of the hero in Russian prose of the XXI century: artists and impostors // The image of the hero of our time in the prose of the turn of the XX–XXI centuries: monograph / kol. ed.; resp. ed. N.V. Kovtun. Moscow: Flinta; Krasnoyarsk, 2022. P. 32–43.
9. Hirsch M. What is post-memory / trans. articles by K. Kharlanova. URL: <https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamjat> (access date: 14.04.2023).

About the author

Prikazchikova, Elena Evgenyevna – DSc (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia); ORCID: 0000-0001-9018-6213; e-mail: miegata-logos@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: *постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад)*.

3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: *problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;*

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.С. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (дата обращения: 05.02.2021).

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT
AND TECHNOLOGY EDUCATION
A.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.

2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2021).

About the author

Sidorova Anna Sergeevna – Candidate of Philology, Associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2023. № 2 (23)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 29.05.23.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,9